ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

ПОГОСЯН Геворк Арамович доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения, президент-основатель Армянской социологической ассоциации, автор ряда монографий, изданных как в Армении, так и за рубежом. Среди них "Метод интервью и достоверность социологической информации" (1985), "Методы сбора информации в социологии" (1987), "Народ, власть, лидеры" (1996), "Политические партии Армении" (1997) "10 лет одиночества" (1998), "Миграция и этнические процессы на Кавказе" (1999), "Migration processes in Armenia" (2003). Член редакционных коллегий российских научных журналов "Социологические исследования" и "Социологический журнал", принимает активное участие в работе Российского социологического общества, Международной социологической ассоциации, является национальным экспертом ООН. Официальный представитель издательства "Academia" в Армении.

Наши книги можно приобрести
непосредственно в издательстве.
Звонить по телефонам:
238-21-23 или 238-21-44
эл. почта: academia@lubertsi.ru

ISBN 5-87444-178-4

Геворк ПОГОСЯН

СОВРЕМЕННОЕ АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

ACADEMIA

Редакционный совет издательства «Academia»

проф. **М.Е. Алексеев**, *проф.* **В.И. Васильев**, *ак.* **М.Л. Гаспаров**, *ак.* **В.Л. Гинзбург**, *д.э.н.* **В.Л. Иноземцев**, *ак.* **И.М. Макаров**, *ак.* **Р.И. Нигматулин**, *ак.* **Н.Я. Петраков**, *ак.* **Р.В. Петров**, *ак.* Н.А. **Платэ**, *гл. ред.* **В.А. Попов**, *ак.* **Д.В. Сарабьянов**, *проф.* **К.А. Свасьян**, *ак.* **В.П. Скулачев**, *ак.* **Е.П. Челышев**, *ак.* РАО **С.О. Шмидт**, *д.т.н.* **О.Г. Юрин**, *ак.* **В.Л. Янин**

«Academia»
Москва
2005

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ

Серия основана
в 2003 году

Academia
Москва
MMV

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Институт философии, социологии и права

АРМЯНСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

Г.А. Погосян

СОВРЕМЕННОЕ АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Москва
2005

УДК 316.3
ББК 60.54
П 43

Рецензенты:
кандидат философских наук
С. Д. Аллахвердян
кандидат философских наук
Ф.Э Шереги

Погосян Г.А. СОВРЕМЕННОЕ АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ / Нац. академия наук Республики Армения; Ин-т философии, социологии и права. Армянская социол. ассоциация. Отв. редактор д-р.филос. наук, профессор *Э. С. Маркарян* — М.: Academia, 2005. — 324 с.: табл., рис. (Монографические исследования: социология).

Монография являет собой итог десяти лет размышлений и наблюдений автора, основанных на результатах социологических исследований, проведенных под его непосредственным руководством и апробированных на международных научных конференциях и социологических конгрессах. В книге рассматриваются основные тенденции трансформации современного армянского общества. На основе обширного социологического материала проанализированы коренные изменения, происшедшие за последнее десятилетие в социальной структуре, социальных институтах и общественном сознании. Рассмотрены вопросы эффективности модернизации армянского общества и перспективы развития социальних процессов в ближайшем будущем.

Для управленческого персонала государственных и общественных организаций, философов, социологов, политологов, студентов и аспирантов.

ISBN 5-87444-178-6 **ББК 60.54**

© Г.А. Погосян, 2005 г.
© Издательство «Academia», 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

ГЛАВА I
ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО

Предпосылки формационного кризиса 12
Теории трансформации 24
Постсоветское общество 45

ГЛАВА II
ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ
И РЕФОРМИРОВАНИЕ СВЕРХУ

Общие направления реформ 82
Экономические реформы переходного периода 86
Отношение населения к приватизации земли
и предприятий 96
Социальное измерение экономических реформ 104

ГЛАВА III
РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ДЕМОКРАТИИ

Многопартийная система в Армении 114
Выборы и участие населения в политических
процессах 129
Процесс становления "четвертой власти". Свобода
печати 145
Проблема "третьего сектора" и элементы гражданского
общества 153

ГЛАВА IV
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Трансформация социальной структуры 171
Падение уровня жизни, бедность и имущественное расслоение 183
Миграционные процессы 198
Права человека и гражданство 219

ГЛАВА V
ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Динамика ценностей населения 237
Расколотый социум: два состояния общественного сознания 254
Контуры новой армянской идентичности и социальная солидарность 268

ГЛАВА VI
ПРЕДЕЛЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Трансформационный ресурс общества и трансформационная динамика 285
Сценарии обозримого будущего 296

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 305

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много раз приходилось слышать от коллег-ученых, да и простых людей, что социология должна быть в ответе за происходящие в нашей непростой жизни изменения. Наподобие того, как врачи-вирусологи должны нести какую-то ответственность за эпидемиологическую ситуацию в стране, или метеорологи — за погодные и климатические изменения. Причем заметим, что во всех этих случаях никто не является автором или причиной возникших изменений. Вирусолог не задает ситуацию, а диагносцирует и предлагает пути борьбы с негативными явлениями. Компьютерный специалист, "софтмастер", не запускает вирусы в интернет (по крайней мере их подавляющее большинство), а разрабатывает специальные программы для противодействия им. То же и социолог — он не занимается непосредственно управлением социальными процессами. Но общественность вправе ожидать от него по крайней мере научно обоснованного анализа социальных преобразований, происходящих в обществе, и их возможных последствий.

Все это правда, только вот одна беда: никто к социологам так не прислушивается, как к врачам или метеорологам. Хотя ошибки и просчеты случаются и в их профессии. Может быть от того, что профессия социолога еще слишком нова в нашей жизни, и нет достаточной социологической культуры в обществе. А поскольку нет высокой востребованности, социология сама выходит на рубежи социального конструирования реальности[1], прогнозирования и даже проектирования социальных процессов.

Нелишне вспомнить сетования медиков и работников

[1] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1955.

системы здравоохранения по поводу того, что власти предержащие редко прислушиваются к их веским доводам и серьезным рекомендациям. Даже врачи, со времен Гиппократа доказавшие свою общественную необходимость, тем не менее, иногда с большим трудом добиваются того, чтобы их голос был услышан людьми, принимающими ответственные решения. Учитывая это, социологам грех жаловаться — они только недавно появились на социальном горизонте общества. "Золотой век" социологии еще не наступил. Однако третье тысячелетие обещает быть эпохой расцвета гуманитарного знания, и социологии в нем отводится далеко не последняя роль.

Собственно, чем отличается научное видение социолога от объяснения на уровне обычного здравого смысла? Социальная реальность "дана всем в ощущениях" в одинаковой степени. Почему социологическое объяснение претендует на нечто большее, чем простой здравый смысл? На этот вопрос современная социология дает достаточно четкий ответ. Дело в том, что социологическое объяснение опирается на научное исследование, предваряющее любое объяснение.

Прикладная социология накопила огромное количество фактов, кирпичиков знаний об обществе. Проводится целый ряд исследований лонгитюдного характера. Это исследования, которые позволяют сравнивать социальные состояния во времени, в ходе их развития и видоизменения. Например, как наше общество относилось к демократии десять лет назад и как оно к ней относится сегодня — совершенно разные вещи. Сравнение позволяет исследовать общество в динамике.

В то же время социология располагает огромным сравнительным материалом, основанным на исследовании сходных явлений в различных странах и общественных системах. Так называемые кросскультурные исследования дают богатую пищу для аналитиков, гносеологический потенциал таких исследований очень высок. Человек — познающее существо ("homo gnosticus"), он любит вглядываться в зеркало и присматривать за другими людьми. Социологические исследования позволяют обществу "увидеть" себя в зеркале общественного мнения и одновременно сравнить с другими обществами.

Синхронные и диахронные модели социологического познания получили большое распространение в конце ис-

текшего века. Социологические описания моделей мира все больше усложняются и обрастают серьезным эмпирическим материалом и смелыми теоретическими концепциями.

Профессия социолога воспитует особый взгляд на социальную реальность. Это можно лучше представить на примере шахмат. Все (или почти все) умеют играть в шахматы. Но глядя на один и тот же расклад фигур на шахматном поле, гроссмейстер видит намного больше, чем обычный любитель игры в шахматы. В отличии взгляда и понимания гроссмейстера от взгляда любителя и кроется вся разгадка.

Лучшие социологические работы последних десятилетий читаются как увлекательные эссе, тиражируются миллионами экземпляров. Книги Элвина Тоффлера, Даниела Белла, Френсиса Фукуямы, Сэмюеля Хантингтона и других известных социологов снискали всемирную популярность. Они переведены на десятки языков мира. Между тем, это не фантастика, не детектив и даже не любовный роман. Это книги, в которых проводится серьезный научно-теоретический анализ современного общества.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в 20-х годах прошлого века опубликовал в Мадриде работу "Восстание масс". Он в ней исследовал феномен стадности или "захвата массами общественной власти"[1] и предрекал приход "империи масс". Вряд ли автор тогда думал, что книга станет супериздаваемой в наше время. Прежде всего это является свидетельством того, насколько возрос познавательный уровень и интерес общества к социальным проблемам. Сегодня общественность действительно ищет в научном объяснении ответы на те многочисленные и трудные вопросы, на которые раньше удовлетворялась лишь ответами, которые давали религия или иная идеология. Век доктринерства остался в прошлом. Людям хочется получить современные научно-познавательные модели общества и мира. Модели, которые соответствовали бы духу продвинутой материальной культуры эпохи.

В век глобализации, интернета, высоких технологий и электронного прорыва в будущее требуются совершенно иные импликации культуры духовной. Человечество в своем материально-технологическом развитии продвинулось на-

[1] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: Philosophy, 2001. С. 16.

много дальше, чем в развитии духовном, чем в познании самого себя и своего социального окружения. Подобная диспропорция развития несет в себе дополнительные риски и опасности. Не случайно, популярным становится образ современного человека в виде маленького ребенка, взобравшегося на грозный танк — орудие уничтожения. Человеческие качества, по мысли другого замечательного философа Аурелио Печчеи[1], начинают играть главную роль в судьбе не только индивида, но и общества, а теперь уже и окружающей природы и планеты в целом.

Преобразующее воздействие человеческой деятельности на окружающий мир и на само общество настолько возросло, что теперь уже совсем небезразлично, какие именно качества преобладают в современном человеке. "Одномерный человек" Герберта Маркузе живет в иррациональном мире, обладающем огромной властью над природой и разрушительным потенциалом. Выход из деструктивного витка развития цивилизации французский философ видит в идеологии Отказа, в "использовании научного покорения природы для научного покорения самого человека"[2]. С середины прошлого века проблема человека и его места в системе общества и природы становится одной из самых дискутируемых в философии и социологии. Тогда же и ставится задача гуманизации знания и всей системы технологического развития современной цивилизации.

В предлагаемой читателю книге мы попытались осветить лишь некоторые из указанных проблем в контексте современной модернизации армянского общества. Наше внимание было сконцентрировано главным образом на тех трансфомациях, которые претерпевало армянское общество, начиная с последней декады минувшего века, а точнее, с момента приобретения независимой государственности.

Совершенно новая историческая реальность, возникшая после распада коммунистической системы, в которой оказалось армянское государство, выдвинула перед ним целый ряд судьбоносных вызовов. Страна и общество резко окунулись в водоворот реформ и последовавших за ними событий. Интенсивный ход социальных трансформаций порой не оставлял даже надежды на возможность их спо-

[1] *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. С. 11.
[2] *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. VII.

койного научно-беспристрастного анализа. Даже сегодня, по истечение десяти лет, нет еще полной уверенности в том, что пройденная дистанция достаточна для попытки произвести объективный анализ явления. Процессы трансформации еще далеки от завершения, а исследовательский материал, накопленный за истекшие годы, позволяет лишь отслеживать главные тенденции и оценивать необратимость перемен, происшедших в обществе.

В нашем научном анализе использованы результаты сотни социологических исследований, проведенных за последние десять лет Армянской социологической ассоциацией под руководством автора. Многие из этих результатов были в свое время опубликованы в статьях, монографиях и научных отчетах у нас в стране и за рубежом. Часть результатов публикуется впервые. Нашей целью было попытаться дать цельную картину коренных трансформаций, которым подверглось армянское общество; произвести научный анализ тех основных изменений в социальной сфере, которые явились результатом и следствием фундаментальных экономических и политических реформ. Идеологические и институциональные преобразования, охватившие армянское общество, требуют глубокого социологического изучения и осмысления.

Путь современной модернизации, по которому идет наша страна, полон всяческих опасностей и рисков. Общественное развитие далеко не выглядит непрерывным движением к прогрессу. На этом пути случаются большие потери, социальные отступления и движение назад. Столь сложные общественные реформации рискованно осуществлять без предварительных, тщательно разработанных научных программ. Опыт армянской модернизации еще раз дает наглядный пример того, насколько рисковано и недальновидно проводить фундаментальные социальные реформы, не имея перед собой четкой научной концепции.

ГЛАВА I

ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМАЦИОННОГО КРИЗИСА

Прошло более десяти лет после распада Советского Союза, но среди философов, политологов, социологов все еще нет единого взгляда на его причины. Одни связывают распад с внутренними противоречиями в самом советском обществе, другие — с сильным воздействием внешних сил, и прежде всего США и стран Западной Европы. Последняя точка зрения часто проглядывет в расхожей публицистической фразе "поражение в холодной войне". Ее приверженцы до сих пор рассматривают распад СССР как результат организованной подрывной акции со стороны западных держав и их спецслужб.

Наконец, существует третья точка зрения, которую мы здесь отстаиваем: распад бывшего Советского Союза обусловлен центробежными силами, выражавшими объективные диспропорции в развитии огромного организма "империи". Одни ее части по целому ряду причин развивались быстрее, чем другие. Прибалтийские республики не хотели идти в "едином строю" вместе со среднеазиатскими. Христианские демократы никак не могли ужиться с мусульманскими "фундаменталистами". На огромной территории соцлагеря императивы выживания и развития диктовали различные пути и темпы преобразований, что и привело к распаду. Силы развития на этом большом географическом, культурно-историческом и этническом пространстве фактически работали па "разрыв". Большие системы маневрируют с трудом, в то время как каждая страна в отдельности легче и динамичнее вписывается в глобальный мир с его интеграционными схемами.

В отдельности рассмотренная, каждая из трех причин играла существенную роль в развале "коммунистической империи". Любой одной из них было бы вполне достаточно для этого, однако в исторической реальности конца XX в.

все три главные причины действовали одновременно, хотя и зародились в разное время.

Сторонники концепции распада как результата "заговора" против СССР утверждают, что в западных банках размещены крупные суммы на счетах высокопоставленных чиновников бывшего Союза. Они считают, что партаппаратчики продали страну за крупные деньги. Бесспорно лишь то, что западные спецслужбы усиленно работали над задачей "внутреннего развала" страны и стремились подкупить чиновников из высшего политического и хозяйственного руководства. Не исключено, что иногда им это удавалось.

Концепция распада как результат "заговора", или поражения в холодной войне особенно популярна была в первые годы постсоветской эпохи. Тогда для абсолютного большинства людей крах коммунистического режима представлялся настолько невозможным, что никто не мог поверить в то, что он произошел без "внешнего вмешательства".

Действительно, в условиях холодной войны и жесткой пропаганды развал СССР вполне логично выглядел как результат вражеской акции. Идеологизированное сознание огромной массы "гомо советикус" иначе и не могло себе представить случившееся, кроме как победу "американских империалистов". Тогда никому не верилось, что этот монолит, гранитный оплот мира и социализма — СССР — может так легко рассыпаться. "Тысячелетняя империя" рухнула неожиданно. Общество все еще пребывало в состоянии легкого испуга и недоумения. Очень многие тогда были уверены, что КГБ скоро переловит всех этих "нашаливших демократов", пересажает их и вернет прежние порядки. Однако ничего подобного не произошло.

Ни для кого не секрет, что после окончания Второй мировой войны США начали и вели целенаправленную мощную идеологическую войну против стран социалистической ориентации во главе с СССР. В одной из своих последних статей ветеран американской политики Г. Киссинджер пишет буквально следующее: "Белый дом вполне осознал исключительный исторический шанс Соединенных Штатов: впервые после Второй мировой войны ни одно сколь-нибудь значительное государство не в состоянии угрожать Америке" [1]. Похоже, американцы вполне серьезно праздновали победу в холодной войне над коммунизмом.

Советский обыватель, как истинный носитель совкового сознания, не мог поверить в то, что страна развалилась из-за внутренних противоречий и бездарного руководства, жадности, коррумпированности партаппаратчиков. Стоит только напомнить несколько известных лозунгов коммунистической эпохи, которые формировали сознание обывателя — "Партия наш рулевой", "Ленин всегда с нами", "Партия и народ едины", "Вперед к коммунизму", "Слава КПСС", "Советское — значит лучшее", "Наше дело правое — мы победим", "Советский народ — самый миролюбивый народ в мире", "Нынешнее поколение молодых будет жить при коммунизме", "Коммунизм — светлое будущее человечества", "СССР — оплот мира и демократии".

Однако фактор "заговора" внешних сил тогда был сильно преувеличен. Спустя несколько лет, в 1995–1997 гг. почти всем стало ясно, что система была обречена на провал. Сейчас гораздо чаще в научной литературе встречается трезвый анализ причин распада и поиск главным образом внутренних сил развала.

С точки зрения системного анализа корень болезни и разрушения любой системы кроется в отсутствие или слабой развитости такого важного качества, как "гибкость". Система не выдерживает экзамена временем, если она не умеет эффективно приспосабливаться и видоизменяться в соответствии с изменяющимися внешними условиями.

По мнению известного социолога А.Г. Здравомыслова, существовали три внутренних конфликта в советском обществе, которые и явились причиной современного российского кризиса. Он их определяет как конфликт диспропорции экономического развития или, иначе говоря, конфликт милитаризации; конфликт между декларируемой идеологией и реальной жизнью людей; конфликт в самой системе властных отношений, ее чрезмерной бюрократизации, приведшей к подавлению общественной инициативы и активности [2, с. 28, 29]. А.Г. Здравомыслов считает несколько упрощенной расхожую точку зрения, согласно которой происшедший распад — либо результат заговора внешних сил, либо следствие кризиса "тоталитарной системы" [2, с. 29]. Он справедливо полагает, что при этом упускается из виду такой серьезный фактор как чрезмерная милитаризация. Дело в том, что в условиях глобального военного противостояния, советская "тоталитарная система" базировалась по сути на интересах

ВПК, который уже в силу своего характера никак не мог стимулировать рыночные отношения и демократические методы управления. ВПК, как и повсюду в мире, развивался при мощной поддержке централизованной государственной власти.

Милитаризация экономики в период холодной войны оказалась непосильной ношей для советского общества. Беспрецедентные расходы на военный бюджет отрицательно сказывались на развитии социальной сферы. Это хорошо проанализировал в своих работах Н.И. Лапин, развивая концепцию отчуждения советской экономики от потребностей общества [3]. Очень многие политики видели тогда бесперспективность дальнейшего военного противостояния и поддержания стратегического паритета. Вероятность глобальной ядерной катастрофы все больше возрастала и именно она породила мощное движение за демилитаризацию, равно как и экологические движения за сохранение природной среды обитания. Страх перед ядерным концом заставил политиков, главным образом, двух противостоящих лагерей повернуть в сторону поиска новых путей сосуществования, демилитаризации, масштабного детанта. «Результатом именно этого поворота в политике стали падение Берлинской стены, крах "системы социализма" и распад СССР. Не видеть связи между процессами демилитаризации — а в этом состоит потребность выживания человечества как рода и как земной цивилизации, с одной стороны, и демократизацией и переходом от централизованной экономики к рыночной в бывшем СССР и Восточной Европе, с другой стороны, — невозможно», — пишет А. Г. Здравомыслов [2. с. 30].

Соглашаясь в целом с этой мыслью, вместе с тем хочу заметить, что результатом такой демилитаризации, поворота в политике оказался почему-то именно распад "социалистической системы", а не капиталистической. Из двух противостоящих военно-политических блоков крах потерпел все-таки один. А это в свою очередь привело к образованию нового, однополюсного мира, в котором угроза ядерной катастрофы переросла в угрозу военной агрессии со стороны США по отношению ко всему остальному миру.

Политика взаимного сдерживания и стратегического баланса канула в прошлое. Одна единственная супердержава — США — сегодня может распоряжаться судьбами стран и народов в самых, казалось бы, удаленных от нее

точках планеты. Однополюсный мир, разделенный на "ведущего" и "ведомых", не представляется более устойчивым хотя бы потому, что он будет порождать глубокие внутренние противоречия и серьезное противостояние со стороны недовольных "ведомых" в виде террористических актов наподобие 11 сентября 2001 г.

На наш взгляд, милитаризация, с одной стороны, сильно углубила внутренние противоречия советской системы, с другой стороны, была серьезной составляющей того, что называется "внешней агрессией", приведшей к распаду системы. Мы не относим милитаризацию к какому-то отдельному фактору, вызвавшему распад. Скорее, она очень хорошо вписывается в комплекс "внутренних" и "внешних" факторов распада, о которых уже говорилось выше.

А.Г. Здравомыслов считает прямой причиной распада СССР кризис власти [2, с. 36]. Рассматривая факторы в систематизированном порядке, он приходит к выводу, что событие не было результатом "простого стечения обстоятельств, предопределенных лишь злой волей участников политического процесса", а скорее, "исторической необходимостью" [2, с. 36]. Это была не разовая акция, а процесс продолжавшийся в течение некоторого времени. По мысли автора, первой его составляющей стали межнациональные конфликты — прежде всего в Закавказье и Прибалтике [2, с. 37]. "В 1989 г. прекратила существование мировая система социализма, вслед за этим распался и Советский Союз" [2, с. 38]. Он приходит к выводу, что "Непосредственной силой, приведшей к распаду СССР, выступили национальные движения" [2, с. 38].

Безусловно, в конце 80-х и в начале 90-х годов прошлого века национальные идеи, идеи национального суверенитета и защиты национальных интересов играли огромную мобилизационную роль и могли вывести на площади сотни тысяч людей, жаждущих социальных перемен. Однако вряд ли их можно назвать непосредственной силой, развалившей СССР, хотя бы уже потому, что, как отмечает сам автор, они имели место только в нескольких республиках, в частности Армении, Грузии, Молдавии. Сказать, национализм развалил СССР, значит, почти ничего не сказать. Советский Союз не раз до этого жестоко подавлял всплески национальных движений в Восточной Европе (Чехословакия, Венгрия, Польша), да и в самом Советском Союзе. Что же помешало ему на этот раз?

Заметим, однако, что среди современных российских ученых концепция развала СССР как результат активизации национальных движений имеет немало сторонников. Например, известный философ Э.А. Паин пишет: «К концу 1991г. на территории бывшего Союза наблюдался повсеместный подъем национальных движений. Во многих союзных республиках к власти пришли новые политические элиты, ставившие своей целью выход из СССР. Жители всех республик искренне верили, что с ликвидацией "грабительского" Центра жизнь автоматически улучшится. Уже к середине 1991 г. практически не существовало сил, которые могли бы сдержать дезинтеграционные процессы: после автономизации союзных компартий фактически распалась КПСС, жестко контролировавшая управленческие связи, скреплявшие СССР, ослабли силовые структуры, генералитет...» [4].

С.В. Чешко пытался проанализировать политико-идеологические причины распада СССР и неудач в деле его перестройки. «Советское общество нуждалось в существенных преобразованиях; эти преобразования должны были заключаться в изменении экономических отношений и кардинальном реформировании политической системы; разрушение или сохранение единого государства не имело к этой задаче прямого отношения, так как суть проблемы заключалась в необходимости демонтажа политического режима тоталитаризма... главный порок государственного устройства СССР состоял в том, что он включал в себя принцип этнонационализма ("национальной государственности"), который разделял народы (и граждан) по их политическим статусам и правам» [5, с. 92].

Получилось так, что Прибалтика оказалась детонатором национал-сепаратистских процессов и "эскалации суверенизации" бывших союзных республик. С.В. Чешко уверен, что распад СССР — это результат "целенаправленной деятельности национал-сепаратистских сил в ряде союзных республик" в сочетании с различными другими факторами [5, с. 106]. Причем главным аргументом националистов был тезис о том, что Советский Союз образовался в результате "насильственного присоединения к нему или еще раньше к Российской империи государств, ставших затем союзными республиками" [5, с. 109]. Следовательно, союзные республики первичны по отношению к союзному государству и вправе выйти из его состава путем провоз-

глашения суверенитета. Однако автор замечает, что "первичность союзных республик и обоснованность парадигмы восстановления их независимости оказывается при ближайшем рассмотрении не столь уж бесспорной" [5, с.109]. Так, только Латвия, Литва и Эстония, будучи самостоятельными государствами после Второй мировой войны, были включены в состав СССР. "Белоруссия... до 1917 г. никогда не была государством... Молдавия из автономной республики в составе Украинской ССР только в 1949 г., после возвращения Бессарабии, была преобразована в союзную республику... У азербайджанцев общенационального государства до создания в 1920 г. Азербайджанской ССР вообще не имелось... Уже только в составе СССР были образованы и национальные государства Средней Азии и Казахстана... Грузия вошла в состав России частями, не представляя собой единого государства..." [5, с. 109, 110] Автор хочет подчеркнуть то обстоятельство, что Россия, а затем и СССР фактически создали национально-государственные формы для целого ряда народов, проживавших на этой обширной территории. Причем здесь важно отметить, что эти государства создавались не по названию областей, не по географическим топонимам, а именно по названию титульной нации, хотя области эти были населены множеством народов и национальностей. Таким образом, по мысли С.В. Чешко благодаря России и СССР, некоторые нации, населявшие эту территорию, приобрели "в дар" национально-государственную форму, на основе которой в дальнейшем из-за распада СССР и процесса суверенизации получили полную независимость.

Трудно не согласится с логикой автора. Действительно, до создания СССР многие населявшие его народы не имели собственного государства. Вообще "до XIX в. этнический фактор не играл существенной роли в межгосударственных отношениях и внутриполитической жизни стран Европы и Азии; политические границы определялись не этническим составом населения сопредельных государств, а династическими, религиозными и другими факторами" [5, с. 111]. Национальные государства особое развитие получили в XX в.

После Второй мировой войны на карте мира образовалось более 100 новых национальных государств. На наш взгляд, это объективный исторический процесс, который явился самым характерным порождением XX в. По этому

поводу Д. Белл писал: "До Второй мировой войны 80 процентов земной суши и 80 процентов населения планеты находились под владычеством западных держав. Со стремительностью, которая удивит историков XXI века, колониализм прекратил свое существование в немыслимо быстрые для политической истории сроки. Пятьдесят три суверенных государства (и несколько доминионов) появились на месте Британской империи. Двадцать стран освободились от французского владычества, шестнадцать из них в Африке, две в Северной Африке и две — Вьетнам и Комбоджа — в Азии. Всего на обломках империй возникло 120 новых государств — впечатляющая цифра" [6, с. 23].

Р. Арон в своей книге "Опиум интеллектуалов" утверждал, что три основных идеологических течения XX в. — либерализм, марксизм и национализм, в современных условиях оказались несостоятельными (см. [7]). Различные их сочетания определяли лицо столетия на разных его этапах. В начале XX в. большевистский социализм с его идеей интернационализма пытался противопоставить себя все более возрастающему "духу капитализма". В середине века национал-социализм фашистской Германии пытался подчинить себе полмира. Обе идеи, обе попытки потерпели сокрушительный крах. Однако идея национального государства осталась. Национализм в этом своем обличьи глубоко засел в сознании эпохи. Фашизм и коммунизм, возможно, как крайние формы, как исторические попытки провалились, однако идеи национализма, а точнее государственного национализма, оказались ведущими в эпохе. Идеология национал-социализма в фашистской интерпретации столкнулась с идеологией советского социал-интернационализма и проиграла, потерпев полный крах. В свою очередь советский интернационализм рухнул, не выдержав конкуренции с капитализмом западного образца. К концу столетия и началу нового тысячелетия из трех идеологем XX в. на исторической арене выжила одна — идея национального государства капиталистического устройства.

На основе этого можно утверждать, что распад СССР и образование 15-ти независимых национальных государств шел в русле глобальных исторических тенденций века минувшего. Эти тенденции продолжаются и сегодня, и будут сохраняться еще на протяжении многих лет в будущем.

То, что распад давно зрел внутри страны, раздираемой противоречиями, — очевидно. Очевидно также, что беспо-

мощность и бездарность партийного руководства привели к ослаблению государства и стали причиной того, что не были найдены цивилизованные формы безболезненного переустройства государства, его политической и экономической модернизации. Но поскольку распад все-таки произошел (и явился неожиданностью для многих бывших республик), он принял те формы, которые больше соответствовали облику исторической эпохи, а именно, форму образования независимых *национальных* государств. Распад был обусловлен "изнутри", а формы новообразований соответствовали духу исторической эпохи. Хотя если хорошо вглядеться, сам по себе "распад" СССР в том виде, в котором он осуществился, тоже носил объективный характер и соответствовал духу исторической эпохи.

Необходимость прежде всего экономических реформ давно уже зрела в умах трезвомыслящей части партийного руководства страны. В структурах центральной власти обсуждались вопросы частичной либерализации отношений в народном хозяйстве, расширения предпринимательской свободы, внедрения хозрасчета, самофинансирования и других механизмов, направленных на смягчение планового пресса и введение элементов рыночных отношений. Причиной была начавшаяся уже в 70-е годы масштабная стагнация экономики страны и хроническое невыполнение народно-хозяйственных планов. Широкое распространение получили приписки, нелегальные и теневые экономические отношения, повсеместный дефицит потребительских товаров. Все эти и другие признаки знаменовали начало распада плановой, распределительной экономики, которая все более превращалась в экономику партийно-бюрократического толка.

Советские социологи отмечали тогда предвестники кризиса. "Свойственные советской системе ограничения трудовой, организационной и экономической инициативы работников вызывали отчуждение от труда в общественном производстве, вели к переключению энергии в менее регулируемые сферы деятельности. Эта ситуация требовала не только усиления внимания к социальным факторам производства, но и более глубокого понимания их существа. Необходимо было выяснить типичные способы поведения работников в разных производственных и социальных ситуациях, определить регулирующие это поведение факторы, оценить влияние экономического поведения

работников на развитие производства, разработать эффективные методы его регулирования. Для решения этих задач требовалось научное обоснование перспективных путей использования социальных ресурсов общества" [8, с. 73]. Эти мысли известного советского социолога Т.И.Заславской были высказаны в поднявшем много шума знаменитом докладе "О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии". Доклад был подготовлен в 1983 г. к междисциплинарному семинару в Сибирском отделении АН СССР. Наделав много шума, он был засекречен и опубликован ограниченным тиражом под грифом "Для служебного пользования" под личную ответственность академика А.Г. Аганбегяна.

Случилось так, что доклад попал за границу и был напечатан в газете "Washington Post". Тогда это вызвало крупный скандал. Окрещенный "Новосибирским манифестом", доклад «был воспринят Западом в качестве первой ласточки, возвещавшей начинавшуюся в СССР "весну". Он стал свидетелем идейных и социальных сдвигов в советской системе, которую до тех пор Запад считал не поддающимся изменению монолитом» [8, с. 88]. На русском языке доклад Т.И. Заславской в открытой печати впервые был опубликован только в 1997 г. [9], когда Советский Союз уже не существовал.

Можно вспомнить также и много других публикаций более позднего периода, в которых экономисты, социологи и философы подвергали жестокой критике существующие порядки и социально-экономическое, впоследствии и политическое, устройство страны, в частности, аналитические статьи таких известных ученых, как А.Д. Сахаров, В.П. Шейнис, О.Р. Лацис, Г.Х. Попов, А.Н. Яковлев, Ю.С. Черниченко, В.Е. Коротич, А.Г. Аганбегян, Е. Т. Гайдар, Г.А. Явлинский и др. Это была огромная волна критического переосмысления экономических и идеологических основ социального строя, которая символизировала давно назревший формационный кризис и бесперспективность коммунистической доктрины в данном конкретно-историческом виде ее исполнения. Возможности социалистической системы казались полностью исчерпавшими себя. "Необходимость реформ становилась все более очевидной и низам и верхам, — пишет Т.И. Заславская, — но цели и содержание этих реформ рисовались довольно расплывча-

то" [8, с. 73]. То были сторонники "внутренних", структурно-организационных причин распада.

Н.И. Лапин так пишет о причинах распада: "Российский исторический процесс натолкнулся на внутренний барьер, ставший пределом его движения в прежнем направлении" [10, с. 12]. На протяжении тысячи лет Россия колонизировала, обживала, собирала и объединяла обширные территории, населенные многими народами. В.О. Ключевский в "Курсе русской истории" выделял четыре периода русской колонизации областей и территорий [11, с. 62]. Однако "историческая волна" поднялась перед Россией и обрушила весь прежний порядок: "...с середины 80-х годов XX в. Советский Союз — одна из двух сверхдержав мира — оказался в состоянии всеобщего кризиса. В 1991 году кризис завершился социально-политической катастрофой мирового значения — СССР не стало"[10, с. 7]. Налицо был "обвальный процесс деколонизации". На месте бывшего СССР образовались новые суверенные государства. Крах и распад тоталитарной империи Н.И. Лапин характеризует как "универсальный кризис" и дает определение его как "социокультурный кризис" советского общества [11, с. 10].

С античных времен под кризисом понимается такое состояние живого организма, которое завершает его предыдущее состояние и обозначает перелом в ходе некоторого процесса, носящего, как правило, характер борьбы. Кризис наступает в результате нарушения прежнего равновесного состояния организма (или системы) и обозначает переход к иному равновесному состоянию. Иногда кризис может завершится смертью организма или полным разрушением системы.

Социальный кризис, кризис общественной системы особенно интенсивно стал изучаться в последние десятилетия истекшего века в связи с распадом социалистической системы. Многие российские социологи описывают состояние советского общества непосредственно перед его распадом как социальный кризис (В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, Т.И. Заславская, Ж.Т. Тощенко и др.). Общество, переживающее кризис, получило свое особое определение — кризисное общество. Российский социолог О.Н. Яницкий называет его "рисковым обществом" и развивает концепцию "рискологии" [12].

Известный польский социолог П. Штомпка, избранный недавно президентом Международной социологической

ассоциации, развивает теорию социотравмы, или культурной травмы. Он, в частности, пишет: "В середине XX в. мы стали свидетелями разложения идеи прогресса и роста влияния парадигмы кризиса. Новая парадигма — парадигма травмы, медленно внедряется в сферу гуманитарных и социальных наук" [13, с.10]. Конечно любая травма, представляет собой культурный феномен. "Но она может быть культурной, воздействующей на культурную ткань общества. Только это может считаться культурной травмой в полном смысле слова" [13, с.10]. Такая травма, по мысли П. Штомпки особенно важна, поскольку, как и все прочие феномены культуры, обладает большой инерцией и может существовать иногда на протяжение многих поколений. Память о ней долгое время живет в сознании общества или в его коллективном подсознании.

Примерами подобных травмирующих событий из прошлого могут быть война, межнациональные конфликты, геноцид. В научной литературе последнего времени встречаются также более жесткие определения случившегося, такие как, например, "национальная катастрофа", "деградация", "крах" и др. [14].

Несмотря на различия, суть всех этих определений сводится, на наш взгляд, к двум очень важным идеям: определению кризиса как результата развития внутренних противоречий в самой системе, "кризисном обществе"; понимание кризиса как длительного процесса, вызревавшего годами в недрах советской системы. Иначе говоря, сторонники "кризисной" концепции видят причины развала внутри самой системы как результат развития и борьбы противоречий в ней самой. Так, Н.И. Лапин пишет: "Социокультурный кризис свидетельствует об исчерпании возможностей саморазвития общества в данном его качестве. Именно такой кризис поразил советское общество" [10, с. 10]. Патологический социокультурный кризис СССР, по его мнению, означал по сути "общий кризис раннего социализма как исторически конкретного типа социальных отношений, достигшего завершающей стадии своего развития" [10, с.11]. Что и означало общий кризис раннего социализма, завершающий эволюцию данного типа социальности.

Полностью соглашаясь с последней мыслью, считаю необходимым добавить: по существу, это был формационный кризис. Не просто и не только кризис одного общества, в данном случае советского. Даже если его называть

"общим", "универсальным", "патологическим", социокультурным кризисом. Это был кризис не только советского общественного устройства, но и кризис всей социалистической системы. Он коснулся практически всех стран социалистического лагеря (за исключением Китая, Кубы и Северной Кореи). Что касается Кубы и Северной Кореи, то им, по нашему мнению, еще предстоит пережить то, что произошло с остальными странами социалистической ориентации. Случай же с Китаем — особый. Это предмет совершенно отдельного анализа и рассмотрения. Но, как известно, правила без исключений не бывает.

Кризис, постигший социалистический лагерь в конце XX в., имеет все основания квалифицироваться как системный, "формационный" кризис. Уже хотя бы потому, что за кризисом последовало построение общества принципиально иной системы. С принципиально иным политическим устройством, иной экономикой и иной идеологией. Имеются все основания утверждать, что это не просто кризис одной "отдельно взятой" страны или одного общества. По своим масштабам, содержанию и последствиям — это системный кризис социализма в его конкретно-историческом исполнении.

"Красный пояс", протянувшийся от Берлина до Пекина, давно был раздираем противоречиями. С уверенностью можно сказать, что политический распад в социалистическом лагере задолго предшествовал распаду физическому. На деле не только социалистический лагерь, но республики, входившие в состав Советского Союза, давно испытывали невыносимое давление центра и осторожно нащупывали пути восстановления национально-государственной независимости (в особенности прибалтийские республики и Закавказье). Историческая и политическая диспропорциональность мегаполитической советской системы несла в себе огромный потенциал к самораспаду.

ТЕОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ

С некоторых пор человечество стало не столько приспосабливаться к условиям окружающей природной среды, сколько активно преобразовывать, адаптировать последнюю в соответствии со своими нуждами и запросами.

Разные группы стран находятся на различных стадиях развития, и поэтому некоторым из них приходится приспосабливаться к тем социально-экономическим, политическим и технологическим условиям, которые сложились в мире благодаря усилиям и деятельности развитых стран. Иначе говоря, часть человеческого общества вынуждена адаптироваться к "внешним условиям", которые созданы во многом стараниями другой части человеческого общества. Эта своего рода "автоадаптация" на самом деле ничего необычного в себе не содержит. Экологическим системам также свойственно развиваться в подобном режиме. Одни элементы экосистемы создают условия жизни и деятельности для других ее элементов. Экосистема осуществляет таким образом цикл автоадаптации.

Социальные системы человеческого общества, в свою очередь, входят в глобальную экосистему планеты. Взаимосвязанность этих двух систем предысторически задана и обусловлена их развитием. Диспропорции развития, наличие "отстающих" и "передовых" элементов в системе характерны для прогрессистской концепции жизнедеятельности любых систем. На самом деле, прогрессистская концепция развития живых систем является самой распространенной, но не единственной. Начиная с Дарвина, теория эволюционного развития и прогресса экосистем доминирует в научных моделях описания мира. Век XX привнес большое количество эсхатологических теорий конца света, "заката цивилизации", деградации и вырождения мировой цивилизации. Мальтузианство приняло новые более современные формы. Кстати, по мнению ряда исследователей, теория Мальтуса представляет собой очень наглядный образец "предикативной адаптации", когда человечество, получив сигнал негативного прогноза процессов перенаселения, стало применять (инстинктивно и/или сознательно) механизмы ограничения рождаемости. Великий прогноз не оправдался во многом именно благодаря тому, что получил широкую огласку.

В современной квантовой теории вводится понятие квантовой вероятности, которая отличается от классической или математической вероятности тем, что строится с учетом "отголоска", или ответа, исходящего от прогнозируемого объекта. Вероятность любого события может быть предсказана с той или иной степенью точности. Вероятность движения биллиардного шара или небесного тела

рассчитывается с достаточно высокой степенью точности. На движение шара, например, влияют силы трения о поверхность, по которой он катится, и сопротивление среды, которая его окружает. Точность расчета вероятности здесь зависит от степени учета всех этих факторов. Совершенно иная ситуация при подсчете квантовой вероятности — здесь вероятное поведение объекта зависит также от того, ведется за ним научное наблюдение или нет. Электронная частица/волна или социальная система находятся в схожей ситуации. Здесь действуют только законы квантовой вероятности, "ответной" вероятности, поскольку обе системы не безразличны к самому факту наблюдения и прогнозирования их поведения. В человеческом обществе любой прогноз, получивший широкую огласку, непосредственным образом влияет на поведение системы, корректирует ее, и потому прогнозы часто не оправдываются.

Последние десятилетия XX в. характеризуются примерами особенно зримого вмешательства человека в ход природных и исторических процессов. Эта тенденция настолько выпукло вырисовывается на фоне современной реальности, что дала повод многим ученым сформулировать новые концептуальные основы общественного развития, характеризуя его как социально-исторический процесс. В.А. Ядов прямо замечает, что история перестала быть естественно-историческим процессом, как до сих пор это утверждалось, особенно в марксизме [15, с. 10]. В отличие от природных или естественных процессов, описывающих поведение объектов макро- и микромира, поведение общества и общественных объектов описывалось в категориях естественно-исторического процесса. Иначе говоря, кроме естественной компоненты развития в общественном движении огромную роль выполняли исторические события. Поэтому общественное развитие, начиная с Гегеля, традиционно характеризовалось как естественно-исторический процесс. Однако в наше время "решающую роль приобретают факторы субъективные (включая науку), т.е. способность социальных субъектов (от рядовых граждан до национальных правительств и международных акторов современной истории) реагировать на внутренние (в рамках данных обществ) и внешние (со стороны миросистемы) вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции природных, социальных, экономических, политических сдвигов и содействовать желательным" [15, с. 11].

Таким образом усилия "социальных акторов" приводят к серьезным (ожидаемым или неожиданным) последствиям. Многие социальные события являются продуктом деятельности этих "социальных акторов", что дает основания называть общественные процессы *социально-историческими.*

Человеческая история теперь может выглядеть и описываться не в категориях естественно-исторического, а скорее, социально-исторического процесса. Не случайно, в последние десятилетия "в общесоциальных теориях системно-структурные и структурно-функциональные (онтологизированные) образы обществ начинают уступать социально-культурным и деятельностно-субъективным представлениям о динамике социальных изменений" [15, с. 12].

Историческое начало переживаемых реформ или, точнее, их предыстория датируется серединой 80-х годов прошлого столетия. Неожиданная смена в политической верхушке КПСС привела к власти человека, с именем которого связывается начало конца СССР — Михаила Горбачева. Выросший в истинно советских традициях и сделавший большую карьеру в партийной номенклатуре М. Горбачев, придя неожиданно к власти, задумал серьезные реформы в партии и в хозяйственной жизни страны, давно уже испытывавшей падение производства и стагнацию экономики. Первоначально горбачевские реформы были задуманы как частичная штопка системы с целью ее оптимизации. Достаточно изолированную от внешнего мира советскую систему планировалось несколько видоизменить, с тем чтобы ее лучше вписать в современные цивилизационные модели. В сфере идеологии это ознаменовало развитие нового этапа социализма, а именно: "социализма с человеческим лицом".

Вся концепция обновления первоначально мыслилась в рамках господствующей социалистической идеологии. В экономике выдвигался принцип ускоренного развития, или "ускорения". Социальная сфера и сфера партийно-политических отношений должна была, по мысли реформаторов, стать более прозрачной, открытой. Отсюда и был пущен в массовое обращение лозунг "гласности". Тогда, после десятилетий "застойного" брежневского периода, новые идеи "ускорения", "гласности", "перестройки", брошенные в народ с высоты партийного Олимпа, возымели действие разорвавшейся бомбы. Общество вмиг было разбужено "свежим ветром перемен" и с радостью его восприняло.

Горбачевская "перестройка" получила широчайшую подержку масс в советском обществе и нашла беспримерное одобрение и симпатии на Западе. Монотонное развитие "застойных" лет впервые было прервано смелой реформаторской идеей. Это сегодня, после распада СССР, все, кому не лень, критикуют и обвиняют "архитектора перестройки" во всех смертных грехах. Но тогда, в далеком 1985-м он был "мессией", пришедшим спасти пробуксовывавший локомотив социализма, и на некоторое время стал самым популярным политическим лидером планеты. "Эпоха Горбачева", хоть и длилась не долго, но заложила начало целому ряду преобразований, полностью изменивших политический облик общества на одной шестой части суши. И более того, "перестройка" послужила спусковым крючком в огромном механизме постсоветских реформ. Знал ли тогда "архитектор перестройки" о последствиях инициированных им реформ или о тех скрытых в системе силах, которые будут вызваны к жизни этими действиями?

Многие исследователи сегодня считают, что горбачевская "перестройка" не была полностью осознана, спланирована и рассчитана в деталях. Они полагают, что реформы начали очень скоро развиваться по собственной логике или "логике домино". Джин перестройки был выпущен из бутылки, и никто уже не мог им совладать.

Пытаясь охватить продолжительный и сложный период реформ, российский исследователь А.Г. Макушкин приходит к выводу, что это была цепь событий, "которая определяла каждый новый этап в эскалации системного кризиса"; он отстаивает позицию, которая "основана на гипотезе о неконтролируемом и даже более того — неосознанном процессе изменений, которые были инициированы политикой перестройки" [16, с. 37]. Для того чтобы найти позитивный выход, необходима такая "картина происходящего, которая позволила бы в последующем перехватить инициативу у стихийного процесса" [16, с. 37]. "Перестройка", или "перекройка" (как тогда ее называли), общества, которое к тому же долгие годы переживало застой и даже прошло свой "период полураспада" к середине 60-х годов, дело нелегкое.

Социальная система как таковая, в отличие от природных, естественных или физических систем, обладает дополнительной степенью сложности. Проектировать и рассчитать перестройку любой сложной физической системы,

состоящей из множества элементов и несчетного числа их взаимосвязей, — дело чревычайно сложное. Но гораздо сложнее просчитывать перестройку социальных систем. Они, в отличие от систем механических и физических (природных), как отмечалось выше, активно реагируют на производимые изменения и в свою очередь порождают волну ответных, незапланированных (и потому неконтролируемых) изменений в той же системе. В этом кроется загадка и принципиальное отличие систем социальных от всех прочих. Поэтому практически все серьезные изменения в социальных системах принимают характер социального эксперимента с плохо предсказуемым, а иногда и вовсе непредсказуемым исходом. Степень сложности социальной системы настолько велика, так много факторов следует учесть при прогнозировании ее возможного поведения, что практически это становится неосуществимым. К тому же социальные системы обладают исключительной способностью к "автогенерированию" изменений, самоорганизации и высокой степенью "самодеятельности", чтобы картина стала ясной.

Не случайно, многие масштабные социальные явления носят "стихийный" и уже далеко неконтралируемый людьми характер. Не случайно также и то, что до сих пор человечество не разработало какой-либо определенной технологии преобразования или воздействия на ход социально-исторических процессов. Со времени своего появления, на протяжении долгих тысячелетий, человек сознательно вмешивается в процессы развития социальных систем, перекрывает старые и создает новые сферы социального обустройства. Однако он так и не смог разработать сколь-нибудь вразумительную теорию социальных технологий, направленных на внесение позитивных изменений в общество. Социум на протяжении веков постоянно подвергается сознательному вмешательству и экспериментированию, оставаясь при этом, пожалуй, единственной областью творческой активности человека, куда не ступала еще его система логики.

Социальные преобразования — это область деятельности и знания, которая все еще недостаточно логизирована, кодифицирована, нет разработанных социальных технологий. Поведенческая непредсказуемость социальных систем настолько велика, что методологический аппарат, которым располагает современная наука, совершенно не-

достаточен для удовлетворительной технологизации этой сферы. "Трансформации XIX–XX вв. отличались тем, что наступали неожиданно для подавляющей массы населения; они всеобъемлющи, т.е. охватывают решительно все стороны жизни — экономику, политику, систему ценностей, все социальные институты и повседневность бытия граждан; они, как правило, ведут к непредвиденным следствиям и резко меняют общественное положение разных слоев населения, обращая их прежний жизненный опыт в бесполезный груз, препятствующий адаптации к переменам", — замечает В.А. Ядов [15, с. 9]. В предисловии к книге "Россия: трансформирующееся общество", он пишет: "Динамизм и многообразие социально-экономических, общественно-политических, социально-культурных процессов ныне таковы, что они просто не могут быть достаточно полно осмыслены с какой-то одной теоретико-методологической позиции" [17, с. 5]. И здесь же он высказывает мысль о том, что многообразие совершенно различных подходов и объяснительных схем к пониманию социальных явлений и процессов является "отличительной особенностью современной теоретической социологии" [17, с. 4].

Такое многообразие методологических подходов характерно для описания и понимания социально-исторических процессов конца XX в., имевших место на территории бывшего Советского Союза. Первоначально задуманные как "перестройка" советского социалистического строя, очень скоро они приняли неконтролируемый характер и повлекли за собой полный распад системы. Весь последущий период, начиная с попыток "реставрации СССР" усилиями ГКЧП, а затем Беловежское соглашение и образование СНГ, рассматривается теоретиками как непредсказуемые последствия неудавшейся горбачевской "перестройки". "Теоретическая мысль наших дней в стане российских реформаторов и среди западных наблюдателей вращается вокруг одного сакраментального вопроса: представляющаяся очевидной неудача экономических реформ в России — это результат изначально избранного курса или следствие того, что правильные меры оказались брошены на полпути и не были доведены до конца? Однако следует поразмыслить и о самом предмете, заявленном в вопросе: следует ли реформы (или то, что ими называлось) рассматривать через призму логической модели, которой хотели держаться или какое-то время действительно придерживались политики? Было ли это по большому счету сознательным реформированием? Не были ли мы свидетелями саморазвертывания непреодолимой логики обстоятельств, где каждая новая программа от дежурных властителей дум оборачивалась лишь фиксацией на бумаге очередного контрапункта? Постараться ухватить эту логику, соразмерить с ней свои нынешние возможности и выдвинуть приоритеты, в рамках которых возможно осмысленное политическое действие, — вот что нам представляется главным" [16, с. 36]. Тот же автор замечает: "За десять лет перестройки и экономического радикализма в хозяйственной политике были совершены все ошибки, которые можно было совершить и которые сделали невозможным существование СССР и России как целостных независимых государств" [16, с. 52].

Сегодня многие теоретики признают, что распад СССР был неизбежен, однако они не отрицают возможности цивилизованного раздела, что не было предпринято и что собственно вменяется в качестве главной, преступной ошибки коммунистическому руководству. Таким образом, начатую перестройку сменил обвальный процесс суверенизации бывших республик и крах "советской империи".

Последовавший за этим период окрестили "переходным". В.А. Ядов так характеризует этот промежуток времени: "Десятилетие так называемого переходного периода, запаздывающей модернизации (или модернизации вдогонку)" [15, с. 9]. В научной литературе имеются сотни работ, посвященных теоретическому описанию "переходного" периода. Появился даже новый термин "Transition" для обозначения экономики, политики, социальной сферы стран, переживающих переходный период. А весь комплекс теоретико-методологических приемов окрестили научным термином — "транзитология".

По существу, сам термин "переходный период", или "переходное общество", призван был описать общество, переживающее переход от "социализма" к "капитализму". Переходом от чего к чему должен был служить "переходный период", если не от социализма к капитализму? Однако и авторы предложенных новых терминов, и использующие их социологи последовательно избегали этой четкой определенности и предпочитали называть период переходным без уточнения начального и конечного пункта такого социально-исторического перехода. Характерно, что

начальному пункту перестройки или исходному обществу давались определения типа: "тоталитарное", "командно-административное", "коммунистическая империя", "уравнительное", "партократия" и т.п. Этим хотели подчеркнуть негативный характер той общественной системы, от которой отказались и отходили, взявшись за тяжелый переход. Меньше всего можно было встретить определений типа "переход от социализма к...".

На наш взгляд, это объясняется двумя причинами: во-первых, общество, в котором пребывали республики бывшего СССР, нельзя было в полной мере считать "социалистическим" в его классическом марксистском понимании. Мы здесь не будем останавливаться на изъянах, упущениях и ошибках советской социалистической системы, которая, констатировав "окончательную победу социализма", так и не смогла преодолеть планку "развитого социализма" или перерасти в "социализм с человеческим лицом".

Во-вторых, развитой это был социализм или "недоразвитый", в любом случае он был носителем социалистических ценностей, которые содержат в себе огромный идейный позитив, накопленный передовой человеческой мыслью на протяжении многих столетий. Отказываться от такого богатого наследия и пускаться в сомнительный "переход" не представляется делом благовидным. Поэтому в ход была пущена концепция "плохого", сталинского, тоталитарного социализма, от которого и отказаться совсем не жалко.

С другой стороны, теоретики "переходного периода" никогда не называли "капитализм" в качестве конечного пункта такого "перехода". Поэтому для очень многих граждан, переживающих тяготы переходного периода, так и не было понятно, переходом от чего к чему собственно они заняты? Назови конечным пунктом перехода "капитализм" — и эта идея не стала бы достаточно привлекательной для советских людей, "умудренных" опытом многолетней антикапиталистической пропаганды. Поэтому конечным пунктом перехода было обозначено *демократическое* общество, *гражданское* общество.

"Переходный период" раскрывался в терминах перехода от тоталитарного общества к демократическому, к гражданскому обществу. Однако на самом деле он являлся переходом к капитализму. Даже если его представить как переход от "условного социализма" к "условному капитализму". В настоящее время в умах восточноевропейских ученых зреет критический взгляд на транзитологию и многие ее теоретические интерпретации проблем системного перехода.

В мае 2001 г. в Праге состоялась общеевропейская международная конференция социологов "Структурные изменения в постсоциалистической Центральной Европе и новые модернизационные вызовы" [18]. Ранние формы теории перехода (транзитологии) предполагали почти механический перенос западных моделей в постсоветскую действительность или так называемую теорию модернизации постсоциализма. Но сейчас обстоятельной критике подвергаются даже ее обновленные, последние версии "догоняющей модернизации" или другой версии — "рефлексивной модернизации", за то, что они не могут вобрать в себя всю многомерность, многоплановость процессов переходного периода, за то, что они все еще механистичны и дают ограниченные возможности понимания структурных и особенно культурных феноменов переходных обществ. Такой методологический подход объединяет всю культурно-историческую палитру конфликтного развития стран Центральной Европы, весь драматизм переходного процесса с внутренним конфликтом ценностей и традиций, присущих данному обществу.

Между тем многие болезненные проблемы переходного периода оказываются порожденными самими «структурными реформами, которые нередко выступают как "наложенные", навязанные и не всегда вытекающие из объективной логики развития» [19]. Сравнительный опыт смены общественной системы в странах Восточной Европы во многом показал эволюционный характер "бархатной революции", которая явилась "не столько началом новой эпохи в судьбах народов региона, сколько завершением прежней" [20, с. 9].

Страны бывшего социалистического лагеря в Восточной Европе за короткий послевоенный период минувшего века фактически пережили две зеркальные революции, совершив в 1949–1953 гг. ускоренный переход "от капитализма к социализму", а затем, в конце 80-х годов, — обратный переход, "от социализма к капитализму". Вместе с Россией они прошли две великие реформации — "социалистическую и либерально-демократическую" [20, с. 12].

Последняя "бархатная революция" у них сменилась

"шоковой терапией" и форсированной приватизацией в экономике с резким переходом к рыночным отношениям. Процессы экономической и культурной модернизации за истекшие десять лет достигли своей цели, переходный период здесь, можно считать, завершился и основы капитализма построены [20, с. 10, 11]. Сейчас эти страны пытаются вписаться в глобальный контекст основных тенденций современного мира: переход аграрного, крестьянского типа общества к урбанизированному, городскому индустриализму, а затем к постиндустриальному, информационному обществу.

Начало второго десятилетия "строительства капитализма" в странах Восточной Европы «отмечено попытками пересмотра итогов политики форсированной либерализации... В начале 2000-х годов вновь, как и после успешного завершения индустриализации и перехода к социализму в начале 1960-х годов — преддверия Пражской весны, — усиливается требование гуманизации общественного строя, теперь уже "капитализма с человеческим лицом"» [20, с. 12]. Это очень характерная и закономерная трансформация взглядов для стран этого региона.

В советское время социалистические страны Восточной Европы (соцлагеря) требовали переориентации на построение социализма с "человеческим лицом". Сегодня они выдвигают аналогичные требования к построению капитализма в своих странах. Очевидно, что это не специфика советского социализма или западного капитализма, а глубинные культурно-исторические и этнографические традиции, вплетенные в социальную ткань данных обществ. Будь то социализм или капитализм, они приобретают такие конкретно-исторические формы воплощения в этих странах, что общества в них, исходя из традиционных ценностных представлений, выдвигают по отношению к государству требования гуманизации социальных преобразований. Требуют канализирования осуществляемых перемен в рамках уважения и признания ценности человеческого измерения реформ.

В странах Восточной Европы давно уже сложилась научная школа исследования социально-экономических проблем модернизации и переходного периода. Многие известные представители, в частности, Венгерской школы во главе с Р. Андоркой, в своих исследованиях опираются на работы профессора Хельсинкского университета Э. Алларда — признанного специалиста в области теории и методологии модернизации. Большую известность получили работы немецких социологов во главе с профессором Берлинского свободного университета В. Цапфом. Последний возглавляет проект в Берлинском исследовательском центре, занимающемся теоретическими проблемами изучения трансформаций и типологией трансформирующихся обществ [21]. При всем многообразии подходов к модернизации большинство теоретиков под модернизацией понимают прогрессистский тип социальных трансформаций и перемен. Причем корни этих перемен восходят к английской индустриальной и к французской политической революциям [22].

Начатый индустриальной революцией процесс развития западноевропейских стран привел к тому, что сегодня образовалась небольшая группа модернизированных обществ. Наряду с этими обществами-первопроходцами, отстающие догоняют ушедших вперед в ходе своей "догоняющей модернизации". Согласно С. Хантингтону, в "третьей волне" демократизации в период между 1974 и 1990 г. примерно 30 стран начали переход к демократии [23]. Однако процесс трансформации к демократическому устройству нельзя представлять просто линейной разверткой "догоняющей модернизации". Так, В. Цапф пишет: «Через шесть лет после этих драматических событий мы видим, что трансформации не только гораздо болезненнее ожидавшихся, но и что иногда они вообще под вопросом. "Провалы модернизации" описаны во многих работах по теории модернизации и хорошо документированы историческим материалом XX в., особенно в Латинской Америке. Но в отношении трансформации посткоммунистических обществ едва ли кто-то рассчитывал на провалы и откаты назад, порой грозящие существованию государств и наций» [21, с. 15].

Трансформации наивно рассматривать как непрерывный процесс. На деле — это чередование подъемов и падений, откатов и конфликтных стадий. В статье "Большая трансформация" З. Бжезинский говорит о том, что ожидания трансформирующихся обществ были слишком высоки, а их представления о затратах и ресурсах перестройки далеко нереалистичны. Зачастую было невозможно своевременно создавать политические предпосылки и осуществлять реформу экономики, что "приводило к несоразмерно шо-

ковой терапии или к наращиванию роли государства во имя обеспечения этих реформ" [24]. По его мнению, из 27 посткоммунистических государств только в нескольких либеральная демократизация оказалась успешной (Восточная Германия, Венгрия, Польша, Чехия, Словения, Эстония).

Самым существенным в модернизации является развитие четырех базовых институтов современного общества. Это — конкурентная демократия, рыночная экономика, социальное государство, массовое потребление; при этом разрешение текущих проблем должно осуществляться путем реформ и инноваций [25, с. 19]. В случае посткоммунистических обществ модернизация рассматривается, например, как попытка сравняться с западными странами в развитии этих базовых институтов.

Именно здесь возникает целый ряд вопросов о путях модернизации или инновационной трансформации общества. Если следовать логике Спенсера, Дюркгейма и Маркса, то необходимо принять модель линейного прогресса в истории развития обществ. В отличие от них, как известно, М. Вебер придерживался другого мнения, допуская особый путь западного капитализма. Причины такой отличающейся рационализации всех сфер западного общества он усматривал в "духе капитализма", основывающемся на "протестантской этике" [26].

Сегодня концепции разных путей развития снова становятся популярны, особенно после опыта трансформации различных обществ и их сравнительного анализа. Выявляя кластеры трансформаций последних десятилетий XX в., исследователи формируют следующие группы стран.

Япония, Италия, Западная Германия после Второй мировой войны 1945 г. Переход в этих странах к демократии и рынку после многих лет диктаторских режимов проходил под патронажем и при материальной поддержке западных союзников. Здесь фактически произошло "наложение" или переход при поддержке сверху и извне [21].

Испания, Португалия, Греция после 1974 г. В этих странах произошло устранение политических диктатур и восстановление демократии и рыночной экономики через "договорный процесс". Был достигнут компромисс между старыми и новыми элитами о передаче власти. Процесс трансформации до стадии консолидации общества занял около десяти лет.

Страны *Латинской Америки* прошли через многие безуспешные трансформации, и были возвраты от диктатур к демократии и обратно. Здесь замечен регресс даже после долгого периода экономического роста. В связи с этим уместно вспомнить известное замечание американского социолога русского происхождения П. Сорокина о "тоталитарной конверсии". Еще в начале прошлого века он писал, что в слабых демократиях происходит возврат, реставрация авторитарной власти [27, с.16].

Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Сингапур — четыре "маленьких тигра" — продемонстрировали удивительный пример самостоятельного экономического роста в рамках капиталистической системы с запаздывающей цепью демократических реформ. До недавнего времени население этих стран пребывало в бедности. Сейчас они относятся к растущим странам, и без сомнения, демократические реформы общества здесь будут набирать все больший темп.

К числу успешных трансформаций посткоммунистических стран, как уже отмечалось выше, можно отнести Венгрию, Польшу, Чехию, Словению и Эстонию. Совершенно иная картина сложилась в Восточной Германии, модернизация которой происходит при прямом финансовом и административном вмешательстве Западной Германии. Здесь мы имеем особый случай воссоединения этнически однородных обществ с различным политическим и экономическим устройством. Специалисты в Германии считают, что процесс регулируемого выравнивания продлится еще десять лет и потребует огромных финансовых вливаний с Запада на Восток [25, с. 36].

В целом считается, что курс на либерализацию и демократизацию обществ победил повсюду. Однако «в мировом масштабе есть две альтернативы переходу к демократии и рыночной экономике. Есть "социалистическая рыночная экономика" КНР. Китай — первая коммунистическая страна, которая активно борется за капиталистические инвестиции и предоставляет им большой простор, получая взамен высокие темпы роста. Однако партия сохраняет политический контроль и подавляет попытки демократизации и расширения партиципации... Вторая альтернатива — страны исламского фундаментализма, которые ценят культурную самобытность и религиозную экспансию выше экономического развития» [21, с. 17]. Заметим, что по крайней мере некоторые страны "исламского фундаментализ-

ма" вовсе не отрицают экономическое развитие и даже имеют высокие стандарты жизни благодаря колоссальным нефтяным запасам. Скорее, Запад в лице США не может смириться с тем, что мусульманские недемократические страны обеспечивают себе высокий уровень жизни, "сидя на трубе", путем только экспорта нефти. Как правило, такие страны подвергаются жестким экономическим санкциям и эмбарго со стороны развитых западных держав.

Унификация мировых политических систем идет с большим трудом и, скорее всего, не имеет перспективы. Еще в 1996 г. С. Хантингтон выдвинул свою знаменитую концепцию о "множественности цивилизаций" [28]. Мир вступил в эпоху глобального дисбаланса и столкновения различных цивилизаций. Концепции однополярного мира С. Хантингтон противопоставляет идею различных цивилизаций, существующих одновременно в современном мире. Это "классическая" Западная цивилизация, включающая Северную Америку, Австралию и Европу; Латиноамериканская цивилизация; Славяно-православная цивилизация, к которой он относит большинство территорий бывшего СССР; Исламская цивилизация; Африканская цивилизация; Конфуцианская цивилизация; Японская цивилизация; Индуистская цивилизация. Таким образом, С. Хантингтон, которого сильно раскритиковали на Западе, выделяет восемь одновременно существующих цивилизаций, из которых только четыре не имеют прозападной ориентации. Поэтому зачастую будущий мировой порядок ставят в зависимость от исхода противостояния между Западом и остальным миром [29, с. 10–13]. «На протяжении последних веков международные отношения шли по пути постоянного приближения к двум идеалам: демократичности и тому, что можно назвать "международным либерализмом". Первый принцип подразумевает борьбу участников международной политики, в первую очередь государств, за равноправие в принятии важных международных решений. Принцип "международного либерализма" подразумевает признание прав субъектов международных отношений на самостоятельность и независимость. На практике этот принцип реализовался в признании государственного суверенитета как первичного и неотъемлемого права участников международной политики» [29, с. 10]. Мы знаем, что за редким исключением (Ватикан, Мальтийский орден) фактически только государства признаются субъектами международного права и международных отношений. Вместе с тем мы также видим, как процессы глобализации меняют роль государства в современном миропорядке. Без всякого сомнения можно предсказывать, что третье тысячелетие станет эпохой доминирования надгосударственых и внегосударственных образований в геополитических и экономических переделах мира.

Три крупные исторические тенденции характеризуют современную эпоху. С одной стороны, идет процесс образования новых национальных государств, о котором мы писали выше. С другой стороны, идет параллельный процесс объединения национальных государств в союзы, блоки, ассоциации и содружества, наподобие Европейского Союза или СНГ. И наконец, внутри этих независимых государств возникают крупные транснациональные корпорации (ТНК), которые по своей мощи и финансовым возможностям уже превосходят эти государства или даже группы стран. По данным ООН, как пишет вице-президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник Л.И. Ивашов, три богатейших в мире человека владеют капиталом, равным бюджету около 50-ти беднейших стран мира [30].

Складывается глобальная финансовая олигархия, которая на деле контролирует мировую экономику, осуществляет неформальное политическое и экономическое управление целыми странами через международные финансово-экономические организации. Даже государства-родители ТНК испытывают серьезные экономические неудобства и потери от их деятельности. Как правило, ТНК вывозят капитал в страны с дешевой рабочей силой, тем самым ослабляя экономику развитых стран. Глобальными "столицами" ТНК сегодня являются Нью-Йорк, Лондон и Токио. В среде идеологов ТНК родилась мысль, что власть — это тоже своеобразный товар, очень дорогой, но товар. Следовательно, она (власть) должна принадлежать богатейшим людям планеты.

В обозримом будущем "глобализация" в том виде, в каком она разворачивается сегодня, может привести к крупной "антидемократической" трансформации, когда планетарная власть окажется в руках десятка богатейших людей мира. "Мировое господство" может быть не такой уж отдаленной химерой, как представляется многим сейчас. И оно не явится миру в облике злого колдуна, сидящего в высо-

ком черном замке и отдающего оттуда свои приказания. Скорее, это будет какой-нибудь совет "большой восьмерки", обладающий 50% мирового богатства и распоряжающийся им в своих интересах. Конечно, он будет заинтересован в стабильности и развитии. Сепаратистские движения будут жестоко подавляться международными вооруженными силами (НАТО, например). Страны, которые не захотят подчиняться ему, подвергнутся экономическим санкциям, а возможно, и военным действиям.

Будущее мировое господство планетарного правительства представляется в виде некоего тоталитарного управления с сохранением демократии на внутристрановом уровне и либерализма в международных отношениях. Возможно, это сильное преувеличение, но глобализация современного мира вполне может иметь подобные последствия, если человечество не найдет эффективных средств противодействия. "Мальтузианство" как предикативный феномен всегда шло рука об руку с развитием человеческой цивилизации, предупреждая о грозящих опасностях и возможных рисках. Мы будем счастливы, если и этот прогноз (как в свое время мрачные предсказания Мальтуса) окажется несостоятельным. В данном случае это не будет идейным банкротством, а упреждающей антиципацией с реверсивным воздействием на глобальный процесс.

Принято считать, что в Венгрии либеральные реформы начались задолго до остальных социалистических стран. Ведущий венгерский специалист по теории модернизации Р. Андорка особое внимание уделяет разработке изменяющейся социальной структуры и стратификации общества [31]. "Рассматривая типичные черты переходного периода как особый тип социальных перемен, мы придем к заключению, что трансформация изменения системы прежде всего означает полномасштабную, быструю и фундаментальную перестройку институтов. Фактически, это означает радикальные изменения наших повседневных действий, перераспределение способов (институциональных инструментов), доступных членам общества, и перемены в их природе, структуре и распределении" [31, с. 47]. Венгерские социологи верили, что коммунистический строй накопил в себе такое множество болячек, что его радикальное устранение и переход к новой системе должны автоматически привести к позитивным изменениям также в жизни простых людей.

Однако опыт многолетней трансформации показал, что

реформы по-разному влияют и различным образом отражаются на жизни больших социальных групп в различных сферах общественного бытия. Спад производства, безработица, падение уровня жизни, обусловленные либеральными реформами и переходом к рынку, сильнее всего отразились на жизненном уровне простых людей страны. Однако еще задолго до либеральных реформ дезинтеграция венгерского общества привела к росту отчуждения, сформировала недовольство среди больших масс населения и ожидание радикальных перемен в экономике, тем самым подготовила почву и стала одной из главных причин грядущей трансформации. Может быть, в силу этого венгерское общество психологически было лучше подготовлено к переходу, что в свою очередь способствовало его успеху.

В настоящее время все большее количество теоретиков модернизации склоняются к пониманию важности имманентных, присущих обществу глубинных этнокультурных факторов, определяющих в той или иной степени успех социально-экономических реформ системы. Известный немецкий философ профессор П. Козловски считает, что в сущности полностью деполитизированное общество (только рыночное, экономическое) — это абстракция. Разделение государства и общества восходит к эпохе развития буржуазных отношений, когда экономика начинает освобождаться от политики и постепенно приобретает некую автономию. "Только буржуазное общество, общество деполитизированного, управляемого лишь законами обмена рынка ...порождает противоречие между государством и (экономическим) обществом" [33, с. 15]. Общим слабым местом экономической модернизации последних десятилетий является именно эта уверенность в "деполитизированности рынка", что на деле оборачивается крупными просчетами, обрекающими реформы на неудачу.

Один из самых известных сегодня ученых Болгарии В. Манов, размышляя над опытом и неудачами системных трансформаций в его стране, приходит к выводу, что одной из главных причин, если не самой главной, была абсолютизация рынка. "Болгария отчаянно нуждается в рыночной экономике, но не в рыночном фундаментализме", — пишет он в своей книге "Реформы в постсоциалистическом обществе. Опыт Болгарии" [34, с. 357]. В. Манов прозорливо предупреждает болгарских реформаторов о том, что недо-

статочно вводить экономические реформы, которые должны привести к рыночной экономике. Необходимо "идентифицировать типологию той рыночной экономики, которую можно и необходимо создать в стране" [34, с. 98].

Совершенно ясно, что без научно разработанной национальной стратегии развития и реструктуризации невозможны успешные реформы. Следовательно, научные изыскания должны предшествовать разработке национальной стратегии развития и реформ. И самое главное, по мнению В. Манова, "без экономического роста не может быть успешного трансформационного процесса в болгарской экономике" [34, с. 255]. Иначе говоря, переход к рыночной экономике нуждается в определенном благоразумии, а успехом и гарантом осуществляемых реформ должно стать преодоление бедности. Относительно преуспевающая в 70-е годы прошлого века Болгария, в середине 90-х оказалась в глубоком экономическом кризисе, во многом стимулированном трансформационными процессами. "Наиболее красноречивым доказательством деградации болгарской экономики и государства является состояние демографической системы. Согласно Адаму Смиту, самым бесспорным свидетельством процветания всякой страны служит возрастание численности населения. Сокращение численности болгарского населения как в результате низкой рождаемости и высокой смертности, так и в результате эмиграции — это лишь другое выражение деградации в экономике и государстве" [34, с. 8].

В свое время П. Сорокин спорил с устоявшимся мнением о том, что лучшим судьей является "суд истории" и что "со стороны виднее", а исторические события получают истинные оценки лишь по истечении определенного времени [27, с. 269]. Он утверждал, что взгляд современника исторических событий не менее, если не более, важен. Современники, находясь в гуще событий, исследуют их "изнутри" и непосредственно. В то время как историки будущего основывают свои выводы на анализе отрывочных, иногда неполных документов.

П. Сорокин был сторонником прямого наблюдения — метода, который широко применяется в естественных науках и которому отдается предпочтение перед опосредованным наблюдением. Именно с этих позиций он анализировал русскую революцию начала прошлого века, очевидцем которой был. Он писал, что все попытки дать определение тому, что называется революцией недостаточны, и приводил свое понимание социальной революции, в котором выделял четыре фундаментальных процесса: 1) смена в поведении людей, психологии, идеологии, ценностях и верованиях; 2) изменение в биологическом составе населения, его воспроизводстве; 3) деформация социальной структуры общества; 4) сдвиги в фундаментальных социальных процессах [27, с. 269, 270]. Помимо революций, П. Сорокин усматривал также другие "способы реконструкции социальной организации". И эти способы имеют свои каноны:

• реформы не должны попирать человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам;

• тщательное научное исследование конкретных социальных условий должно предшествовать любой практической реализации их реформирования;

• каждый реконструктивный элемент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе, и лишь после позитивных результатов расширить их на все общество;

• реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами [27, с. 271].

Перечисляя каноны социальной реконструкции, или реформирования, П. Сорокин тут же оговаривался: "революции игнорируют эти каноны". Невежды, которые зачастую возглавляют социальные революции, как правило, игнорируют эти каноны, а потому прибегают к насилию, и появление жертв становится обыденным фактом.

Социальные изменения, охватившие наше общество в конце XX в., трудно назвать продуманной "реконструкцией". Они также никак не соответствовали ни одному из вышеперечисленных канонов. Часть осуществленных в течение 90-х годов реформ попирала человеческую природу и устоявшиеся к тому времени базовые инстинкты общества. Например такие, как инстинкт защищенности, самосохранения, ценности человеческой жизни и семьи. Кроме того, реформы тех лет не были предварены серьезной научной разработкой и, уж тем более, не испытывались заранее на малых социальных масштабах. Единственное правило, которое более или менее пытались соблюдать "реформаторы", — это следование правовым и конституционным методам преобразования общества. Хотя и здесь очень часто они срывались на попрание собственной же конституции.

По всем признакам происшедшие в нашем обществе изменения, скорее, можно квалифицировать как "революю-

цию". Если следовать характеристикам, данным П. Сорокиным, то действительно эти реформы изменили поведение людей, идеологию, ценности, изменили социальную структуру общества, привели к фундаментальным изменениям в социальных процессах. По своему воздействию на общество прошедшие реформы, безусловно, носили революционный характер. Они вызвали глубочайшие структурные изменения в самом фундаменте общественного строя. По силе и глубине воздействия такое изменение социального организма под силу только революции.

Однако при малейшей попытке анализа причин такой "революции", ее движущих сил, социальных слоев, заинтересованных и задействованных в ее реализации, приходим к выводу, что это была попытка "верхушечной" реконструкции общества. Задумывалась она как частичная перестройка общества, начатая "верхами", но в процессе реализации неожиданно приняла "обвальный" характер и привела к непредсказуемым результатам и последствиям. Вышедшая из-под контроля "социальная реконструкция" произвела на общество воздействие мощной революции, которая могла бы быть, но которой на самом деле не было. Массы людей в этой масштабной реконструкции, скорее, выполняли сначала роль статистов, наблюдателей, а затем жертв реформ, но не активных исполнителей.

Общество оказалось в роли экспериментальной "мыши", манипуляции над которой вышли из-под контроля экспериментатора. Дальнейшее носило характер целого ряда последовательных **трансформаций**. Не случайно, исследователи последних лет окрестили реформы трансформацией общества. Именно термин "трансформация", на наш взгляд, больше всего соответствует характеру тех процессов, которые переживает наше общество. Ни "реформы", ни продуманная "реконструкция", ни просчитанный "переход" или контролируемый "перевод" общества из одного его состояния в другое — желаемое, и тем более, ни "социальная революция" без участия масс не могут достаточно удовлетворительно описать происходящее. Потому что на самом деле осуществляется некая трансформация нашего общества, свидетелями чего все мы являемся. По этому поводу В.А. Ядов пишет: «Итак, адекватное понятие, которое свободно от "векторной нагрузки", — это понятие трансформации» [15, с. 12]. Иначе говоря — это вышедшая из-под контроля "реформаторов" социальная "реконструкция", которая в результате вылилась в самостийную трансформацию общества, в процесс, который еще не получил своего завершения. Процесс, для которого конечный пункт назначения не был запланирован его инициаторами, более того — он им неведом. Процесс, который уже во многом носит самостоятельный характер и развивается благодаря и в соответствии со своей внутренней, имманентной логикой развития. Эта логика в достаточной степени не эксплицирована и, уж тем более, никем не запланирована.

Количество факторов, оказывающих воздействие на процесс социальной трансформации, очень велико. Учитывать все последствия воздействия не всегда представляется возможным. Попытки хоть как-то "обуздать", взять под контроль происходящую трансформацию предпринимаются постоянно, но пока полного успеха они не принесли. В некоторых странах, спустя десять лет после начала преобразований, их удалось свести в старое русло, к известным моделям социального устройства, которые гарантируют некую стабильность. В других странах этого до сих пор не удалось добиться и последствия идущих трансформаций еще не совсем проглядываются. Происходящее здесь, скорее, напоминает кризисы, катаклизмы, стихийные бедствия, чем хорошо продуманный, просчитанный процесс социального реконструирования общества. Трансформация идет своим ходом, а управленцы еле успевают убирать, сглаживать, смягчать последствия разрушений, остающихся после нее. Управление не опережает ход событий, а наоборот, плетется в хвосте событий. "Реформаторы" постоянно пытаются "ухватить" убегающий процесс. Местами им это удается, и создается впечатление, что вот-вот он войдет в русло контролируемых реформ. Однако пока — это масштабная, глубокая трансформация всей социальной жизни общества, которая разворачивается на наших глазах, но без особой на то нашей воли.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Какое-то время после начала "перестройки" советские ученые задавались вопросом: "Куда мы идем?". Известные российские (и не только российские) социологи и политологи несколько лет — с 1993 по 1997 г., издавали ана-

литический сборник под названием "Куда идет Россия ?.." [35]. В первых двух выпусках сборника рассматривались в основном возможные альтернативы развития советского общества в свете широко идущих процессов его либеральной реформы. Однако в дальнейшем, с углублением реформ, ученые стали задаваться вопросом: "К чему мы пришли?". Миросистемный анализ все больше привлекает внимание исследователей, потому что понять частное невозможно без глубокого понимания целого. Исследователей и на Западе, и на Востоке сегодня интересуют мироцелостные процессы, охватывающие планету.

Нельзя не заметить серьезного изменения во взглядах на историю, которое претерпело научное обществоведение за последние несколько сот лет. Начиная с эпохи Возрождения, в Европе сложилось представление о мировой истории как о прогрессивном развитии, каждый последующий период которого продвигает человечество на шаг вперед. Причем вектор прогресса однонаправлен из прошлого в будущее и вбирает при этом все человечество. Разные области и сферы человеческой деятельности развиваются с различной скоростью и степенью успеха. Но все направления идут по пути прогресса и кумуляции позитивного общечеловеческого опыта.

В соответствии с духом минувшей эпохи такое представление об историческом процессе можно было бы назвать "ньютоновской историей". XX в. привнес ощущение кризиса, конца истории, "заката Европы" и многовариантных путей развития человеческой цивилизации. Не все в истории оказалось подчиненным логике прямолинейного прогрессивного развития. Оказалось, что она иногда топчется на месте, останавливается или даже поворачивает вспять. Это уже своего рода "риманово" понимание истории, которое подготовило почву для теоретиков "исторического релятивизма" и одновременной многовариантности цивилизационных моделей мира.

Попытки исторической периодизации восходят к древности. Однако современные концепции исторической периодизации развития человеческого общества, как правило, базируются на триадическом разделении. У К. Маркса — это общественно-экономические формации: архаическая, экономическая и коммунистическая [36, с. 402]. М. Вебер также придерживался деления на периоды: традиционное общество, буржуазное или современное [26]. Иногда употребляют другие модели, характеризуя первоначальный период как "архаический", аграрный или доиндустриальный. Э. Тоффлер придерживается своей концепции нескольких волн модернизации [37]. У Д. Белла — это доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество [38]. Другие авторы грядущее общество называют постканиталистическим, информационным, интернет-обществом, постэкономическим или постмодерном. Но все они склоняются к концепции Великих реформаций в истории человеческого общества.

Первая реформация была направлена на изменение традиционного, или архаического, общества, когда в XVII в. начался процесс индустриализации. Эпоха промышленной революции ознаменовала переход от натурального ведения хозяйства, от аграрного общества, к развитию производства, к индустриальному обществу. Появление и развитие мануфактур, затем промышленного производства дало толчок к установлению новых отношений в системе "человек—природа". Появилась новая сфера отношений: "человек—созданная им искусственная среда обитания". Эпоха индустриализации имела грандиозное значение для развития человеческого общества. Современный западный капитализм — это результат такой модернизации общества. Конечно, не все страны прошли успешно стадию индустриализации и проходили они ее различными путями. Так, большевистская модель индустриализации в послеоктябрьский период достигла огромных успехов. Аграрная, патриархальная, холистская царская Россия встала на путь масштабного индустриального развития и превратилась в мощную державу, сформировавшую впоследствии огромный социалистический лагерь, долгое время противостоявший миру капитализма.

Еще в первые годы советской власти Б. Рассел писал: "Если Россия обретет мир, то в ней произойдет поразительное индустриальное развитие, которое превратит Россию в конкурента Соединенных Штатов. Большевики по своим целям — индустриалисты, им все нравится в современной индустрии, кроме доходов капиталистов" [39, с. 46]. Во многом пророческие слова известного философа оправдались. Однако что-то помешало большевистской модели модернизации на долгом пути создания современного индустриального общества с социалистической системой распределения и коллективным владением собственностью.

Советская модернизация привела к "краху коммунизма". Страна, которая претендовала на лидирующую роль во "втором мире", вызвав к жизни "теорию конвергенции", т.е. сближения "двух миров", была отброшена в своем развитии в разряд третьих стран "догоняющей модернизации".

Еще в конце 50-х годов прошлого века Р. Арон был убежден в том, что "Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров: советского и западного, а представляет собой единую реальность — индустриальную цивилизацию" [40, с. 42]. А в 60-е годы П. Сорокин выступил со своим кредо о сближении США и СССР. Он утверждал, что будущее не принадлежит ни капитализму, ни социализму. Оно за специфическим, интегральным типом, промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем. "Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа" [41, с. 143].

По мнению известного российского демографа А.Г. Вишневского, дело здесь в том, "что исчерпал свои возможности сам советский путь модернизации. Он оказался типичным примером третьего пути, пытающегося сочетать технологический модернизм с социальной архаикой" [42, с. 212, 213]. Далее автор подчеркивает, что советская модель модернизации, центристская, мобилизационная по самой своей природе не была "ориентирована на создание рынка — главного механизма саморазвития и саморегулирования современной экономики" [42, с. 210]. «"Консервативно-революционный" третий путь, пусть и вынужденно, делает ставку на сохранение несвободы во имя достижения "технических результатов"... В конце концов привитая модернизацией технологическая новизна входит в острейшее противоречие с ветхозаветной социальной оболочкой...» [42, с. 213]. А.Г. Вишневский считает, что начатая в России модернизация еще не завершена и требует своего продолжения путем укрепления и развития принципов экономического и политического либерализма, децентрализации власти и собственности в руках более многочисленной и независимой буржуазной политической элиты, которая пришла на смену "немногочисленной партийно-советской аристократии" [42, с. 214].

Таким образом получается, что советское общество начало модернизацию, но не смогло продолжить и завершить ее в силу своей закрытости, недемократичности, архаичности, консервативности. В силу того, что советское государство полностью подавило общество и не оставило места гражданской инициативе и самоорганизации. Грузинский философ Г. Нодия в связи с этим отмечает: "Посткоммунистическая Россия более урбанизирована, индустриализована и грамотна, чем аграрная царская Россия. Несмотря на это, остается верным, что Россия в 1986 г. была в значительно большем расхождении с современностью, чем в 1913 г. Причина в том, что коммунистическая модернизация — это извращенная модернизация: она демонстративно наращивает тело современности, но убивает его душу. Коммунисты проложили дороги, воздвигли гидроэлектростанции и тому подобное, но они убили (или изо всех сил пытались убить) способность человека к самопроизвольному действию" [43, с. 19]. Россия после социалистической революции произвела модернизацию, превратилась в передовую индустриальную страну мира, но при этом выпала из общего контекста миросоциальных процессов.

Этот взгляд имеет право на существование, особенно сегодня, когда Советский Союз более не существует. Но мы придерживаемся более осторожных оценок "третьего пути" модернизации в свете тех успешных экономических прорывов, которые осуществляются на Азиатском континенте. Мы имеем в виду послевоенную и послеимперскую Японию, современный рыночный социализм в Китае и опыт "новых тигров" — Кореи, Сингапура, Тайваня. Очевидно, пути модернизации общества не столь одновариантны, и неудачу, постигшую советский индустриализм, не следует приписывать исключительно теории. Скорее, это неудача практики подобной модернизации, которая в других условиях могла бы привести к позитивным результатам. Распад Советского Союза, как мы показывали ранее, был обусловлен целым рядом исторических разноуровневых факторов, поэтому сводить все к "неправильной" модернизации не представляется нам достаточно обоснованным. Как известно, победителей не судят, а у побежденных оказывается сотня объективных и субъективных причин, приведших к поражению.

В этом отношении занимательны различные точки зрения, согласно которым Советскую Россию сравнивают то с послефашистской Германией и Италией (Г.Нодия), то со странами Латинской Америки, где модернизация также пробуксовывает. "Современная российская система по типу

больше напоминает ту, которая существовала в Латинской Америке в период, предшествовавший установлению военных диктатур в 70-е годы" [44, с. 105]. Автор этих строк проводит очень интересные параллели в развитии либеральных процессов в России и странах Латинской Америки. Это тем более интересно, что демократические реформы в Латинской Америке начались на пять-десять лет раньше, чем в Советском Союзе и Восточной Европе. Вместе с тем по уровню экономического развития и ряду других важнейших параметров постсоветские страны во многом похожи на страны Латинской Америки. Здесь, как и в России, процессы политической демократизации шли одновременно с процессами экономической глобализации мировой экономики. Они с опозданием подключились к "третьей волне" процессов модернизации, развернувшихся в мире с середины 70-х годов. "Отличительной особенностью этой волны, начавшейся в странах Южной Европы и затем последовательно распространившейся в Латинской Америке, Африке, Южной и Юго-Восточной Азии, Восточной и Центральной Европе, является тесная взаимосвязь и взаимообусловленность политических и экономических реформ, одновременное становление демократических политических институтов и либерализация экономики, переход к рыночным механизмам как основному регулятору экономической деятельности" [44, с. 96].

Вначале процесс демократизации в Латинской Америке развивался успешно, особенно в середине 90-х годов, и, казалось, в целом увенчался успехом. Однако за этим последовала серия политических и экономических неудач, приведших к серьезным кризисам в некоторых странах Латинской Америки. Попятные движения в Перу, Аргентине, а затем в Бразилии, однако, не привели к полной дестабилизации демократических режимов. Вместе с тем экономическое развитие тех лет в Чили и в Мексике осуществлялось в условиях авторитарного режима власти.

Самыми успешными считались Аргентина и Мексика. Но события 2002 г., особенно в Аргентине, продемонстрировали всем, сколь хрупким был этот успех [45]. Западная модель демократизации здесь, как и в России, оказалась, на первый взгляд, непригодной и привела к очевидному нарастанию авторитарных тенденций. Вместе с тем Т.Е. Ворожейкина, обобщая опыт последних пяти лет в Латинской Америке, приходит к очень важному выводу о том, что неолиберальному курсу в Латинской Америке нет альтернативы [45, с. 102]. И что не менее важно, даже в условиях глубокого социального кризиса и очевидных провалов в экономике, новые демократические институты в Латинской Америке продемонстрировали "высокую степень устойчивости" [45, с. 102]. На основе этого автор делает вывод, что и в России неолиберальному курсу нет иной реальной альтернативы, и "выбор, перед которым стоит Россия, — это выбор не между авторитаризмом и демократией, а между авторитарно-популистским и авторитарно-олигархическим режимами" [45, с. 105].

Поскольку строки эти писались в уже далеком 1997 г., мы можем сегодня видеть, что Россия сделала свой выбор. Авторитарно-олигархическому режиму Ельцина она предпочла авторитарно-популистский режим Путина. Система "олигархического правления, основанная на единстве власти и собственности, на все более прямом и персональном совпадении политически и экономически господствующих групп на всех уровнях государственного управления, от федерального до регионального и районного" [45, с.105], была прервана путиновской "вертикалью" власти. Теперь мы уже видим, как потеснили в России олигархов. На какой срок? — покажет будущее. Здесь, конечно, уместно вспомнить, что странам постсоветского пространства всегда прочили "авторитарную конверсию". «Еще в рамках перестроечного процесса в СССР гипотеза о неизбежности "авторитарной стадии" при переходе к демократии (А. Мигранян, И. Клямкин) выстраивалась на основе аналогии с демократизацией "третьей волны", начавшейся в середине 70-х годов в странах Южной Европы и Латинской Америки» [46, с. 107].

Другой российский исследователь А. Янов развивал названную им "веймарской" гипотезу, согласно которой империи XX в., вроде Германии, России и Японии, были обречены на демократизацию "извне" или, как он писал, "экзогенную демократизацию" потому, что эндогенным результатом их самостоятельного развития может быть только та или иная форма "фашизма" [47, с. 120]. Имея в виду В. Жириновского, А. Янов писал: "Если перед нами и впрямь веймарская Россия, то она обречена раньше или позже обрести своего Гитлера" [47, с. 116].

Этим мрачным прогнозам не суждено было осуществиться. Другие авторы сравнивают СНГ даже с постко-

лониальной Африкой. «При взгляде на посткоммунистическое постсоветское пространство (нынешнее СНГ) с точки зрения "колониальной теории" открывается вполне правомерная (хотя и достаточно гипотетическая) возможность сопоставления этого пространства с континентом классической, так сказать, колонизации — с Африкой. При всей иногда гигантской количественной разнице (степень индустриального развития, урбанизация, образование и другие параметры) можно зафиксировать поразительное совпадение экономико-политической проблематики, с которой сегодня вынуждены иметь дело страны СНГ и африканского континента» [46, с. 110].

По мнению Л.В. Полякова, дело не в том, чтобы отождествлять культурно-историческое развитие этих континентальных стран. Речь идет лишь о том, что Российская империя, как и колониальная система в Африке в свое время, приступила к модернизации по "западному образцу", а потому у этих двух независимых процессов могут оказаться сходные черты: "после крушения колониальной системы в Африке в 60-е годы и распада колониальной империи (СССР) мы можем фиксировать одни и те же трудности и парадоксы постколониального развития" [46, с. 111]. О "внутреннем колониализме" большевистской России, подчинившей сельскую общину городской элите, писал еще А. Гоулднер [48]. Тезис о внутреннем колониализме и о современной военно-колониальной Российской империи развивает также Б.Б. Родоман [49]. Так что сравнение с постколониальной Африкой не совсем экзотично, но имеет под собой определенные основания. В принципе, все подобные сравнения — и с послефашистской Германией, и с Латинской Америкой, и с Восточной Европой, и даже с Африкой — вполне правомерны, каждое в определенной степени, если рассматривать их в рамках аналогового понимания или аналогического подхода к происходящим процессам.

В зависимости от того, какая аналоговая модель применяется, современные процессы политической трансформации постсоветского общества могут быть рассмотрены или как переход от "тоталитаризма и авторитаризма к гражданскому обществу", или как переход от "колониализма и империализма к западной демократии", или как переход от "коммунизма к капитализму или постиндустриальному обществу". При этом предполагается, что постсоветское общество должно избавиться от "родимых пятен" общества традиционного в дюркгеймовском его понимании, т.е. от "общего сознания", "деспотизма", "коммунизма" и "колонизации". Таким видится сущность «процесса модернизации, если представить его в виде эндогенной "деархаизации"», — пишет Л.В. Поляков [46, с. 112]. В своей докторской диссертации он предлагает теорию перехода "традиционного" общества посредством разрушения базисных параметров архаики, что создает "реальное движение исторического процесса" и приближает его к порогу современности или возвращает в "большой мир", от которого оно прежде было достаточно изолировано.

Кстати, с некоторой точки зрения германский фашизм представляется попыткой насильственной трансформации современного общества обратно в архаическое [50, с. 19]. Этот жестокий социальный эксперимент продемонстрировал возможность попятного движения в современной истории. Процессы деархаизации и насильственной архаизации могут параллельно протекать в исторических рамках одной эпохи.

Между тем этот своеобразный "возврат в историю" и интегрирование в глобальные мировые процессы является, пожалуй, самой характерной чертой нынешней модернизации советского общества в сторону большей открытости универсальному миру, и вместе с тем, непрекращающихся поисков "своего", "национального", отличающегося пути. Хотя и понятия "традиционный" и "современный" являются условными абстракциями, тем не менее, сравнительное исследование традиционного и современного общества составило целое направление в социальной философии (М. Вебер, К. Маркс, А. Тойнби, К. Леви-Стросс, К. Лоренц, Э. Фромм, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, М. Фуко и др.). По мнению некоторых исследователей, царская Россия, а затем и СССР — классический пример традиционного общества.

Переходы между общественно-экономическими формациями представляют собой отдельную историческую эпоху [36, с. 413]. Иначе говоря, они длятся достаточно долгое время и четкие границы их начала или конца довольно трудно определить. Глобальные процессы сегодня свидетельствуют о начале такого формационного перехода. Эту третью стадию социальной эволюции часто называют постэкономической или постиндустриальной [51].

Сегодня теория постиндустриального общества, пожалуй, самая распространенная на Западе. Ее создатель — американский социолог польского происхождения Д. Белл (Белоцкий), в свое время очень внимательно изучал труды марксистов и придерживается многих принципов социалистического общественного устройства [52]. "Я был социалистом в экономике, либералом в политике и консерватором в культуре", — писал он сам о себе [53, с. 532]. Под социализмом он прежде всего понимал гарантии занятости каждому, защиту от непредсказуемых капризов свободного рынка, заботу о слабых и малозащищенных группах населения, доступность образования и здравоохранения [54, с. 11]. Однако Д. Белл категорически утверждает, что марксистский социализм совершенно не пригоден для анализа современного общества, и в этом он также усматривает признаки "конца идеологии" [55, с. 409].

Характеризуя постиндустриальное общество Белла, В.Л. Иноземцев отмечает, что "основой данной концепции служит оценка нового общества как резко отличающегося от господствовавших на протяжении последних столетий социальных порядков: отмечаются прежде всего снижение роли материального производства и развитие сектора услуг и информации, иной характер человеческой деятельности, изменившиеся типы вовлекаемых в производство ресурсов, а также существенная модификация традиционной социальной структуры" [52, с. 9].

Д. Белл дает свои определения и характеристики трех фаз социального устройства. *Доиндустриальное общество* определяется как социальный порядок, который основывается на примитивных производствах низкой квалификации труда, в основном в сфере добычи и начальной обработки сырья. *Индустриальное общество* радикальным образом преобразует традиционное и дает начало мощному развитию обрабатывающей промышленности, основным ресурсом которого становится не сырье, а энергия [38, с. 158, 159]. *Постиндустриальное общество* отличается тем, что резко возрастает влияние науки на производство, а основным ресурсом развития экономики становится информация [52, с. 10]. В исторической периодизации доиндустриальное, или архаическое, общество относится к периоду примитивного ведения натурального хозяйства и завершается в XVII–XVIII вв. В доиндустриальном обществе человек использует грубую мускульную силу, "действует унаследованными от предыдущих поколений методами, и его восприятие окружающего мира формируется под влиянием природных условий определенной местности — смены времен года, ураганов и бурь, плодородия почвы, запасов воды, глубины залегания полезных ископаемых, периодичности засух и наводнений. Жизненные ритмы определяются обстоятельствами, которые невозможно предвидеть" [54, с. 147]. Для большинства населения сегодняшнего мира, занятого преимущественно примитивным трудом в аграрной сфере, добыча сырья и использование для этого природных источников энергии — мускульной силы человека и животных, или "живых аккумуляторов", как писал Э. Тоффлер [37, с. 27], являются характерными.

С началом великой промышленной революции в Европе связывается развитие индустриального общества, во многом обеспечившего современный технический прогресс. Индустриальное общество промышленным образом перерабатывает и обрабатывает сырье, производит продукцию, используя при этом высококвалифицированный труд организованных работников и различные технические источники энергии. Общество "первой волны" (по Э. Тоффлеру), или доиндустриальное общество, представляет собой в основном взаимодействие с природой. Индустриальное общество "второй волны" — это уже взаимодействие с созданной человеком средой и преобразованной им природой. Постиндустриальное общество, или "третья волна", — это уже взаимодействие между людьми. Еще в середине прошлого века французский философ Ж. Фурастье сформулировал важнейшие принципы постиндустриального общества и разделение общественного производства на первичный сектор — сельское хозяйство, вторичный сектор — промышленность и третичный сектор — сфера услуг. При этом он провидчески указывал на быстрое развитие третичного сектора в будущем по сравнению с первичным и вторичным [56, с. 80–83].

Наряду с концепцией постиндустриального общества (сам термин "постиндустриальное общество" впервые употребил американский социолог Д. Рисмен в заглавии одной своей статьи 1958 г. [57]) и постмодернизма, с 60-х годов прошлого века и до нынешнего дня развиваются представления о современном обществе как о постбуржуазном (Г. Лихтгейм), посткапиталистическом (Р. Дарендорф), постпредпринимательском (П. Дракер), пострыночном

(Т. Барнс), посттрадиционном (С. Айзенштадт, А. Гидденс), постцивилизационном и постисторическом (К. Боулдинг). "Однако эти экзотические понятия не получили в литературе существенного распространения", — замечает В. Л. Иноземцев [58, с. 20].

Подвергая критическому анализу концепцию постиндустриальной цивилизации, Э. Маркарян дает спецификацию явления индустрии (машинной индустрии) для той, как он пишет, "новой эволюционной полосы, в которую вступило человечество после первой промышленной революции [59, с. 31]. По его мнению, грядущее общество следует называть не постиндустриальной, а машинно-индустриальной цивилизацией. Он считает, что слово индустрия не выдерживает научной критики с точки зрения использования базовых понятий.

Предпринимается много попыток определить грядущее общество через различные его характеристики, однако все они, как отмечает Э. Тоффлер, не являются вполне удачными [60]. Те же определения, которые широко используются, как видим, отталкиваются в своей сути от предыдущего, добавляя частицу "пост". Подобного рода определения опираются не на постулирование сущности нового общества, но лишь подчеркивают, что оно идет на смену настоящему, в данном случае индустриальному, обществу.

Известный российский исследователь и популяризатор теории постиндустриального общества В. Л. Иноземцев в связи с этим пишет: «Анализ этих подходов приводит к пониманию того, что концепции, рассматривающие формирующийся строй как отрицание второй из трех глобальных стадий общественной эволюции, являются более комплексными, нежели теории, подчеркивающие одну из сторон становящегося социума. Формы подобного противопоставления отражают не неспособность исследователя адекватно обозначить новое общественное состояние, а реальные возможности современной социологии, не охватывающей всего комплекса отношений и противоречий трансформирующегося общества в условиях, когда оно еще не стало оформившимся целым; заметим, что понятие "феодализм", например, было введено в научный оборот тогда, когда сам этот строй уже стал достоянием истории» [58, с. 22]. Возможно, пример с "феодализмом" не очень удачен, поскольку научное обществоведение в тот период, можно сказать, только переживало стадию становления, а трудам классиков социологии еще только предстояло увидеть свет.

Сегодня ситуация совершенно иная. Теоретическая социология достаточно развита, чтобы подвергать анализу существующие общества и идущие в мире процессы. Не случайно, что грядущему обществу дается так много различных определений, каждое из которых, на наш взгляд, подчеркивает одну какую-нибудь важную его характеристику. Какое из этого множества определений войдет в окончательный научный оборот, покажет будущее.

Нам кажется, что все определения, использующие приставку "пост", будут отброшены, поскольку носят характер временного, рабочего определения того нового социального порядка, контуры которого сегодня просматривают наиболее прозорливые социологи. Кроме того, история является свидетелем того, что иногда те или иные научные определения крепко закреплялись в литературе, хотя носили совершенно случайный характер. Волею его величества случая из множества использующихся в научном обиходе терминов только один канонизируется в качестве нормативного.

На страницах журнала "Вопросы философии" в начале 2000 г. развернулась интересная дискуссия вокруг понятия "постиндустриальное общество". Участники "круглого стола", видные российские философы В.А. Лекторский, В.Л. Иноземцев, В.Г. Федотова, А.Ф. Зотов, В.М. Межуев и А.Г. Гличникова попытались обрисовать суть происходящих трансформаций в современной цивилизации и заглянуть в ядро будущего постэкономического общества [61]. Термины типа "постиндустриальное", "постэкономическое" во многом выглядят как негативное определение, однако пока новое общество окончательно не сформировалось, трудно дать позитивное определение.

Так или иначе, развитые страны Запада вступили в фазу постиндустриального развития, чего нельзя сказать о России и республиках бывшего СССР. В постиндустриальном обществе основной становится информация, знания и высокий образовательный уровень работников. Труд все более становится творческим, развиваются высокие технологии, экономика от национальной превращается в мировую, развиваются процессы административной децентрализации, совершается переход от иерархии к сетевой структуре, представительная демократия все больше вытесняет-

ся партиципаторной [61, с. 13]. Участники "круглого стола" отметили, что пока нет одной предпочтительной типологии социальных трансформаций, идущих в мире. В зависимости от подхода можно вычленить следующие категориальные ряды, характеризующие стадии мирового развития: традиционное — современное — постсовременное общество; докапиталистическое — капиталистическое — постканиталистическое общество; доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное общество; доэкономическое — экономическое — постэкономическое общество; доинформационное — преинформационное — информационное общество [61, с. 15]. Эти категориальные ряды, на наш взгляд, можно дополнить следующими: досоциалистическое — социалистическое — постсоциалистическое; архаическое — индустриальное — информационное общество.

Нам представляется, что все эти категоризации достаточно условны. А суть вопроса заключается в том, что социологи ощущают "ветер перемен" и чувствуют, что поднимается новая "третья волна" глобальной реформации, которая в корне изменит облик цивилизации. Однако главное содержание этой реформации сегодня у многих на устах — глобализация.

Грядущий мировой порядок, в отличие от всех предыдущих, будет носить глобальный характер. И грядущее общество просто назовут глобальным. И никто и ничто не останется в стороне от этой глобализации. Впервые планета, окутанная глобальной сетью, почувствует себя единым целым при полном сохранении всех индустриальных и экономических различий. Эпоха глобализма наступит не только благодаря тем процессам глобализации, которые сегодня уже идут и хорошо описаны в научной литературе.

Мы здесь специально не задерживаемся на подробном анализе процессов глобализации. У нее есть много сторонников, теоретиков, апологетов и, может быть, еще больше противников. Мы просто выдвигаем гипотезу о глобализме как грядущем миропорядке, который одновременно может служить хорошей методологической базой для развивающейся социальной науки. Эвристическая ценность категории "глобальное общество", на наш взгляд, еще недостаточно изучена, хотя может иметь большую научную перспективу. Глобализм пока воспринимается в качестве своего рода экономической экспансии развитых капиталистических стран в сторону "второго" и "третьего" мира. Экономический глобализм в силу такой агрессивности приобретает политический, идеологический характер и с большим успехом наживает себе врагов во всех уголках мира.

Гуманитарный аспект глобализации, как правило, остается в тени, хотя он-то и несет в себе весь позитивный смысл этого нового вызова человечеству. Сторонники грядущего информационного общества почему-то упускают из виду одну простую, но важную мысль: информация превращается в самый дорогой товар. В отличие от всех продуктов материального производства, информация распространяется со скоростью света и может стать доступной всем и каждому. Информация — это особый вид ресурса, не имеющий аналогов в предыдущих общественно-экономических формациях. Она, в силу ряда своих имманентных свойств, "глобализирует" современное общество. Информация — это самый "революционный" товар, когда-либо существовавший в истории. Для того чтобы владеть роллс-ройсом, недостаточно иметь много денег, нужен целый ряд соответствующих условий. Для того чтобы владеть информацией, достаточно уметь обращаться с крохотным компьютером, где бы вы не находились — в лесу, в горах, в пустыне, на необитаемом острове. Достаточно с помощью этого компьютера подключиться к мировой сети и вы станете получать, обрабатывать и посылать информацию-товар. Вы становитесь членом этой сети, вы становитесь членом глобального общества.

Индивидуализированное, атомизированное общество объединяет всех своих членов через глобальную сеть. Это и есть глобальное общество. Способ производства, равно как и способ распределения, перестает быть базовым критерием для определения сущности грядущего социального порядка. Системообразующим принципом новой цивилизационной модели является глобальная сеть, ноосфера. Идея "ноосферы" постулировалась еще в трудах великого русского ученого В.И. Вернадского [62]. Современная социальная мысль выдвигает на передний план теорию сетевых структур.

Одним из наиболее известных авторов, разрабатывающих теорию глобальной сети, является испанский социолог М. Кастельс — автор нашумевшей трилогии "Информационная эра: экономика, общество и культура"(1996–1998). Первый том трилогии озаглавлен им как "Становление

сетевого общества" [63]. По мысли М. Кастельса: «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение "сетевой" логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [64, с. 40]. При этом общество сетевых структур (Network society) представляет собой открытую структуру, которая может неограниченно расширяться за счет включения новых узлов [64, с. 495]. В условиях сетевого общества капитал и труд разнесены в пространстве и времени. Капитал сосредоточен в глобальном масштабе, а труд остается локализованным и индивидуализированным. Причина в том, что "капитал по самой своей сути носит глобальный характер, а труд, как правило, — локальный" [64, с. 501]. Трудно даже определить "национальность" того или иного товара.

В производстве товара — от разработки концепции до окончательной сборки, рекламы и "проталкивания" на рынок — принимает участие большое количество фирм и корпораций, находящихся в различных странах мира. Американский социолог Р. Райх в своей книге "Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века" (1992) специальную часть озаглавил "Глобальная сеть", в которой пишет, что "нити складывающейся глобальной паутины остаются практически невидимыми и поэтому контролю часто не подлежат" [65, с. 510].

В условиях прежнего хозяйствования, когда экономика была ориентирована на выпуск все больших объемов товаров, они имели четко выраженную национальную принадлежность. Сейчас зачастую просто бывает невозможно определить страну-изготовителя продукции. Происходит глобализация экономики, глобализация рынков и финансовых потоков. Капиталистический способ производства, по утверждению М. Кастельса, сегодня впервые диктует и определяет социальные отношения почти повсюду в мире. "Однако эта разновидность капитализма коренным образом выделяется на фоне своих исторических предшественников. Ее отличают два главных признака: она носит всемирный характер и в значительной степени строится вокруг сети финансовых потоков" [64, с. 497]. Общество сетевых структур выступает в качестве нового социального порядка, идущего на смену старому. Общество сетевых структур представляет собой новое качественное изменение в жизни человека, а информация становится основным компонентом социальной организации, в свою очередь, "потоки идей и образов составляют основную нить общественной жизни" [64, с. 505].

На фоне поисков определения и описания грядущего социального порядка особый интерес представляет проблема будущего для постсоветских обществ. Надо отметить, что наступивший распад СССР и "крах коммунизма" застал врасплох не только советских обществоведов, но и западных тоже. Известный американский социолог Н. Смелзер в предисловии к русскому изданию своей "Социологии" пишет: "Многие из нас, считавших советский режим всего лишь альтернативным типом политической системы, — и в большей мере так оно и было — оказались захваченными врасплох, когда в определенный исторический момент он рухнул так быстро и полностью" [66, с. 12].

До последнего времени наиболее лояльная, но антимарксистская мысль на Западе в лучших своих прогнозах реализовывала задачу будущего двух противоборствующих миров — мира капитализма и мира коммунизма — в рамках хорошо известной теории "конвергенции". Согласно этой теории, в будущем рыночный либеральный капитализм и распределительный государственный коммунизм будут постепенно сближаться по уровню экономического развития, уровню жизни населения и мощи государства. Сторонники теории конвергенции таким образом видели развязку глобального противостояния двух миров в эпоху холодной войны.

Никто из западных политиков или обществоведов не предсказывал очень скорый конец социализма. Но "конец истории", по словам американского социолога Ф. Фукуямы, наступил совершенно неожиданно для философов, политологов, социологов обоих лагерей. Не случайно, что только сейчас, по истечении более десяти лет, на Западе стали появляться работы, в которых подвергается анализу мир "после коммунизма", или социальный порядок в условиях отсутствия (или по крайней мере резкого ослабления) социалистического лагеря. С точки зрения некоторых исследователей крах коммунизма одновременно означал и крах капиталистической системы.

Российский философ В.М. Межуев пишет по этому поводу: "По мнению Андрея Фурсова (автора книги "Колокола истории"), конец коммунизма и СССР явился не

просто антикоммунистической, но прежде всего антикапиталистической революцией, ибо коммунизм в России и был единственно возможным здесь капитализмом, "капитализмом без капитала", капитализмом в его негативной функции" [61, с. 21]. За более подробными разъяснениями этой парадоксальной, на первый взгляд, идеи он отсылает к работам известного американского социолога, профессора И. Валлерштайна. Последний, как известно, один из немногих ученых, кто дал миросистемную развернутую концепцию будущего капитализма, отведя России положение полупериферийного государства в глобальном обществе [67].

По мнению некоторых российских авторов, России нет места в новой, принципиально иной некапиталистической, постэкономической мировой системе: она "выпадает в осадок" (В. Иноземцев, А. Фурсов, В. Межуев) [61, с. 21]. Ясно одно, нынешний этап истории — переходный. Переход этот знаменует собой не только отход в прошлое XX в., уходит в прошлое целая эпоха независимо от того, как ее назвать, — эпоха коммунизма, эпоха миркапиталистической системы или просто эпоха модерна, индустриального общества и т.д. Важно, что людьми осознается смена исторической парадигмы, а не просто календарных дат.

Интересно, что последние десять лет овеяны именно этим чувством конца чего-то: истории, идеологии, марксизма, христианской эры. Это чувство Ф. Джеймисон называет "обратной апокалиптичностью", когда предчувствия приближающегося конца света, катастрофического будущего замещаются ощущением завершившегося, окончившегося прошлого этапа [61, с. 21]. В.М. Межуев справедливо считает, что как бы мы ни пытались охарактеризовать современность, ясно одно — «она отмечена чертами кризисности (недаром слово "кризис" сегодня заменило собой слово "прогресс" — центральное в общественно-политическом лексиконе Просвещения) и переходности к чему-то принципиально новому» [61, с. 23]. Поэтому сегодня так важно обнаружить те новые изменения, которые будут определять облик мира в XXI в., и пути, на которых эти фундаментальные изменения будут достигнуты.

Не следует полагать, что движение вперед к грядущему социальному порядку будет однонаправленным — по одной определенной траектории для всех стран. Так, Д. Белл рассматривает многовариантность путей перехода к постиндустриальному обществу. Он подчеркивает особо, что пути

продвижения к постиндустриализму могут решительно отличаться для разных народов и стран. Таким образом, он отбрасывает широко распространенную теорию "конвергенции", равно как идею окончательного превосходства одной политической системы над другой [38, с. 501]. В предисловии к новому изданию своей нашумевшей книги "Конец идеологии" (1960) он пишет, что, рассматривая вопрос об исчерпанности марксистской идеологии, и в частности идеологии расизма и национализма, так широко проявивших себя в ушедшем XX в., он имел в виду потерю привлекательности для широких масс марксистской политической системы, потери ею легитимности и обреченности на поражение [6, с. 13, 14].

По исторической иронии завершение XX в. ознаменовалось одновременно провозглашением "конца идеологии" (Д. Белл) и "конца истории" (Ф. Фукуяма). Первый понимал конец идеологии как конец, в частности, марксизма, коммунизма. А второй под концом истории полагал конец холодной войны и победу рынка и демократии во всем мире. Крах коммунистического блока, с одной стороны, и западного империализма, с другой, сообщили дополнительный импульс экономической интеграции и политической фрагментации — процессам, идущим сегодня параллельно [68, с. 24]. Будущее мира представляется как "глобальное экономическое сообщество, в котором перераспределяются продукция и технология, — общество, включающее в себя региональные политические блоки с общими принципами формирования бюджета и едиными стандартами социальных гарантий, но предполагающее при этом культурную автономию в пределах национальных государств и регионов" [68, с. 21]. Автор считает такую перспективу радужной тем более, что она является моделью "континентального общества" США, доказавшего "реалистичность подобной перспективы" [68, с. 25].

Интересно представить в мире глобальной экономической интегрированности место постсоветских государств в обрисованной перспективе "культурной автономии". Очевидно, что возврат к коммунизму стал утерянным навсегда историческим шансом после неудачной попытки реставрации режима летом 1991 г. Очевидно также, что Россия и другие постсоветские государства, пытаясь стать капиталистическими странами и интегрироваться в качестве составной части в глобализирующиеся мировые экономики,

должны при этом не терять критического взгляда на базовые ценности капитализма и, как считает В.М. Межуев, пытаться продолжить характерный для них поиск "более человечных и нравственно оправданных форм жизни" [61, с. 25].

Как бы ни сложилась дальнейшая судьба России (а вместе с ней и ряда постсоветских стран), поиск иных, лежащих за рамками чисто экономической или капиталистической рациональности, форм социального существования является, возможно, исторической миссией и основным уроком русской истории, сутью того, что называют "русской идеей" [61, с. 24]. Рассматривая возможные перспективы российских трансформаций, В.А. Ядов, в частности, пишет: "Если России предстоит обрести свое достойное место в мировом сообществе, оставаясь собою, то историко-культурные традиции, включая семидесятилетие советской власти, не дают нам иной идеологической альтернативы, помимо концепции (идеи) справедливого общества" [15, с. 18]. Россия должна проводить свою "догоняющую модернизацию", пытаясь сохранить при этом свои особенности, имманентно присущие российскому обществу и ментальности.

Примеры Японии, Китая и тихоокеанских "тигров" дают убедительный исторический аргумент в пользу национально-культурного своеобразия социальных трансформаций. Когда американцы инициировали процесс либеральной трансформации традиционного японского общества, объем разрушений в социальном секторе был настолько велик, что японские социологи запротестовали. Они потребовали: "Не трогайте нашу культуру! Мы сами проведем модернизацию на основе собственных традиций. Мы будем использовать наши традиции, но изменим наши цели" [61, с. 15]. Японцам удалось совершить свое "экономическое чудо", не разрушив при этом культуру и традиционный дух корпоративизма и патернализма.

Китайская модель, реализуемая сегодня, ближе всего подходит под концепцию классической "конвергенции" — социалистической по сути экономике прививается капиталистический механизм рыночных отношений. Это совершенно новый гибрид, называемый самими китайцами "рыночным социализмом". Интересную метаморфозу по этому поводу иллюстрирует российский философ В.Г. Федотова. Доведя до логического конца модернизационную теорию, она приходит к следующей мысли: если отталкиваться от идеи капитализма и "довести концепцию справедливости

Ролса до предела, то мы получим рыночный социализм. А если пойдем от идеи социализма по пути увеличения степени свободы, то придем к либеральному капитализму" [61, с. 16]. Иными словами, мысленный теоретический эксперимент, проведенный автором, привел к следующим умозаключениям: если в рамках социализма придать больше свободы его акторам, то получится либеральный капитализм. Если же классическому капитализму придать больше справедливости путем внедрения социалистических распределительных отношений, то получится рыночный социализм.

Конечно эти теоретические метаморфозы перетекания от рыночного социализма к либеральному капитализму носят сугубо "лабораторный", теоретический характер ментальной спекуляции и вовсе не направлены на разрешение извечного спора между духом свободы капитализма и духом справедливости социализма. Они отражают исторические поиски человека построить справедливое и свободное одновременно общество. Царство свободы пока никак не уживается с Царством справедливости. Однако похоже, что Китай начал новый исторический эксперимент по капитализации социалистического хозяйства. К "рыночному социализму" Китай идет вовсе не путем "доведения идеи справедливости до предела", как пишет В.Г. Федотова, а как раз наоборот, путем внедрения свободного рынка в хозяйство коммунистической по устройству страны. Свободный рынок плюс коммунизм — получается рыночный социализм по-китайски.

Это весьма противоречивое сочетание в реальной жизни привело к двойственности в идеологии и морали. Китайское общество сегодня расколото. Оно представляет собой капиталистов на деле и коммунистов на словах. Провозглашая коммунистические лозунги, компартия Китая в реальной экономической практике вводит рыночные отношения. В 1992 г. Дэн Сяопин выдвинул лозунги нового пути для Китая с учетом краха коммунизма в Советском Союзе. Вот эти лозунги, которые китайское общество воспринимает как прямое руководство к действию: "Продолжать двигаться вперед! Поддерживать реформу! Главное — развитие экономики! Нам нужно идти к рыночной экономике. Спорить нельзя!".

Китайский философ-марксист Аль Цинянь поясняет: "Самое главное — это развитие экономики. Вот что дей-

ствительно важно. Социализм, капитализм, марксизм, немарксизм — по сравнению с этим становятся малозначимыми. Спор о направлении движения мешает развитию экономики и политической стабильности, поэтому он исключается из политического контекста" [69, с. 102]. Это, конечно, весьма своеобразное проявление традиционного китайского прагматизма в условиях вынужденной ускоренной модернизации экономики, нечто отдаленно напоминающее советскую новую экономическую политику в начале прошлого века.

Интересно также, что в Китае запрещено официально и публично критиковать марксизм, но не запрещается исповедовать западные идеологические учения. Идет масштабная плюрализация — допустимым является любой взгляд, любой подход. В Китае считают, что в России марксисты слишком увлекались теорией, фантазиями: «У нас в Китае всегда преобладало внимание к более "приземленной" философской проблематике» [69, с. 100, 101]. Китайцы считают, что марксистская философия — это прежде всего практическая философия. Возможно, такой подход позволил им без особых потерь начать гуманизацию общественной жизни и модернизацию в русле современных тенденций.

Сейчас многие задаются вопросом, почему не был использован "китайский вариант" реформ в нашей стране. Ведь китайцам удалось пока избежать крупных потерь, развала государства, краха экономики и массового обнищания населения. Дело в том, что российские реформаторы во главе с Е. Гайдаром после августовского путча 1991 г. повели страну по пути "шоковой терапии". Сам Е. Гайдар в своих воспоминаниях дает объяснение, почему они сразу же отвергли китайский путь реформ. Он утверждает, что "ту точку исторического развития", с которой были начаты реформы в Китае, "мы прошли уже в конце пятидесятых" [70, с. 202]. По его мнению, эта возможность для России (а следовательно, и для стран бывшего Союза) уже была упущена.

Известный российский экономист М.И. Пискотин так объясняет причины выбора пути: «Группа Е. Гайдара (которую Б.Н. Ельцин пригласил в правительство. — *Г.П.*) пошла на "шоковую терапию", отвергнув "китайский вариант", не только потому, что время для постепенных реформ было упущено, а положение в экономике становилось все хуже и хуже. Это был единственный курс, который был для нее возможен и на осуществление которого она была способна» [71, с. 247].

Е.Т. Гайдар был приглашен к управлению страной вместе с командой, в которой преобладали экономисты-ученые, заведующие лабораториями НИИ, не имевшие достаточного опыта управления страной и крупными промышленными объектами. «Избранная ими "шоковая терапия" означала во многом просто отказ от выполнения всех многотрудных управленческих задач. Радикальные реформаторы, в сущности, бросили экономику, многочисленные государственные предприятия и учреждения с их трудовыми коллективами на произвол судьбы. Те сами должны были барахтаться в этом бурлящем омуте, объявленном рынком, в условиях, когда начался невероятный хаос цен и очень многие хозяйственные связи оказались разорванными» [71, с. 248]. Гайдаровцы слишком понадеялись на рынок. При этом настойчиво твердили, что государство должно полностью отойти от управления экономикой, предоставив это новому рыночному механизму регулирования.

По этому поводу С.Ю. Глазьев очень точно замечает, что «последовательно реализуемая в России и других бывших странах СЭВ идеология радикального либерализма, известная как стратегия "шоковой терапии", представляет собой разновидность разработанной Международным валютным фондом для слаборазвитых стран третьего мира концепции так называемого Вашингтонского Консенсуса. Она отличается крайней примитивизацией экономической политики и сведением ее к трем постулатам: либерализации, приватизации и стабилизации через жесткое планирование денежной базы. Эта концепция предусматривает максимальное ограничение роли государства как активного субъекта экономического влияния и ограничение его функций контролем за динамикой показателей денежной массы» [72, с. 40, 41].

Сегодня, по истечении более десяти лет, можно по крайней мере с уверенностью утверждать одно: тогда выбор дальнейшего пути не стал предметом глубокого обсуждения со стороны всех авторитетных интеллектуальных сил страны. Пригласив Е.Т. Гайдара в правительство, Б.Н. Ельцин тем самым сделал выбор и предопределил дальнейший ход реформ по монетаристскому, прозападному образцу. Правительство Гайдара действовало так, как оно только и могло действовать. Другое дело — кто и почему имен-

но их выбрал. Это уже вопрос не столько экономический, сколько политический. Нам кажется, что тогда Б.Н. Ельцин и демократическая Россия были напуганы возможностью "отката назад". Неудавшаяся попытка ГКЧП (1991) для многих послужила сигналом к радикализации реформ, ужесточению и ускорению либерализации, чтобы коммунисты не могли повернуть события вспять. Этот страх перед реставрацией коммунистического режима подтолкнул демократов к введению "шоковой терапии" и заставил отказаться от "китайского варианта", который вовсе не был упущен навсегда. К нему Россия еще будет пытаться приблизиться своим особым путем. Такова, на наш взгляд, политическая подоплека столь спешно начатой "шоковой терапии". Возможно, были и другие мотивы. Так С.Ю. Глазьев пишет: «Превращение первого российского и демократического правительства из "правительства завлабов" в правительство "миллиардеров", свидетельствует о том, что политика "шоковой терапии" проводилась отнюдь не бескорыстно, обслуживая вполне конкретные экономические интересы» [72, с. 40].

Добавим, что сказанное в полной мере может быть отнесено и к Армении, и к остальным странам СНГ. Теперь уже всем ясно, что введение частной собственности и механизма рыночных отношений вовсе не достаточно для развития капиталистической экономики, тем более это не приводит с необходимостью к модернизации страны. Бывшие советские бюрократы, влившись в новые государственные структуры, сами же стали тормозить политику рыночных реформ. "Чиновная частная собственность, — справедливо замечает А.Г. Глинчикова, — никогда не породит рынок, потому что именно он-то и представляет главную угрозу и смертельную опасность ее возникновению и росту. Поэтому независимо от политической упаковки основным, подлинным девизом деятельности распределителей всегда будет: с одной стороны, максимально долгое, любой ценой сохранение социалистических форм распределения и присвоения средств внутри страны и одновременно создание максимальных возможностей для беспрепятственного вывоза и капитализации этих средств вне поля накопления, т.е. вне России" [61, с. 29, 30]. Таким образом, в корне была дискредитирована сама идея либерализации экономики и демократических реформ.

Вместо ожидаемого "развитого капитализма" реформы привели к такому состоянию общества, которое, пожалуй, все современные исследователи характеризуют преимущественно негативными эпитетами: "дикий капитализм", "полукриминальный капитализм", "авантюрный капитализм", "полурыночный индустриализм", "приватизаторский капитализм", "бандитский капитализм" или "номенклатурно-мафиозный". Иногда еще его называют "латиноамериканский капитализм", или "компрадорский капитализм". Под последним обычно понимают такой капитализм, который формируется благодаря распродаже национальных богатств (нефть, газ, уголь) и дешевой рабочей силы.

Здесь очень уместно вспомнить о "двух капитализмах", отмеченных еще М. Вебером. Разрабатывая теорию о происхождении капитализма, М. Вебер писал о существовании двух его культурно-исторических типов [26]. В отличие от современного, западного капитализма, хорошо описанного в трудах К. Маркса, он указывал на существование иного, "античного" капитализма, который носит непромышленный характер. Исследуя новый русский капитализм, Ю.Н. Давыдов сравнивает его с веберовским вторым, "архаическим" капитализмом: «Этому другому капитализму Вебер давал различные определения — авантюрно-политический, фискально-спекулятивный, торгово-ростовщический, акцентируя таким образом непромышленные источники и способы добывания "стартового капитала" и его последующего приумножения» [73, с. 69].

Этот другой капитализм, по утверждению М. Вебера, существует с античных времен до наших дней, адаптировавшись, продолжая свою жизнь в порах современного капитализма. Именно он-то и произрастает на постсоветском пространстве, используя в качестве первоисточника для своего стартового капитала накопленные за многие годы национальные богатства. Этот грабительский по сути капитализм имеет мало общего с промышленным капитализмом цивилизованых производителей. Новый авантюрный капитализм формируется на основе распродажи бывшего "народного добра", носит непромышленный характер и "возникает независимо от продуктивно-производственных усилий его обладателей" [73, с. 69]. Этот капитализм сильно отличается от капитализма класического, западного, бюргерского, буржуазного, промышленного и рационального в марксовом понимании. М. Вебер еще раз подчеркивает в примечаниях к своей "Протестантской этике": "Мы имеем

здесь, конечно, в виду капитализм как специфически западное современное рациональное предпринимательство, а не существующий во всем мире в течение трех тысячелетий в Китае, Индии, Вавилоне, Древней Греции, Риме, Флоренции и в наше время — капитализм ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов" [26, с. 118]. Иначе говоря, это капитализм тех, кто умеет делать деньги из денег или даже просто из "ничего". Потому-то он и является непромышленным, непроизводительным.

Фактически — это архаическая разновидность государственного капитализма, очень напоминающего наш сегодняшний, «когда государственная власть, отказываясь от части "своей" (у нас она считалась общенародной) собственности в пользу капиталистов, систематически "подкармливала" их, держа на коротком ... поводке» [73. с.73]. После краха коммунизма, который подвел страну к уровню развитого индустриализма, произошел срыв модернизационной реформы, означающий откат назад к доиндустриальным, архаическим формам.

Свидетельство тому — масштабная деиндустриализация постсоветских государств, и в частности Армении. Последняя оказалась в особо тяжелых условиях послевоенной блокады, что явилось дополнительным стимулом для развития "компрадорского", "ростовщического" капитализма. Страна откатилась в своем развитии на много лет назад. "Распределители под видом прогресса и рыночных реформ фактически осуществили архаизацию общества и начали движение в противоположную сторону от того постиндустриального рубежа, на котором находилась страна перед началом реформ", — пишет, имея в виду Россию, А.Г. Глинчикова [61, с. 31]. Страна застряла на уровне какого-то полурыночного индустриализма: социалистические распределительные отношения были ликвидированы, а настоящим рыночным отношениям так и не дали сформироваться. Не состоялось и гражданское общество, которое, как в Европе, могло бы подменить слабеющее государство, обеспечивая тем самым политическую стабильность.

У нас роль государства все еще очень велика, оно выполняет главную регулирующую функцию во всех экономических и социальных преобразованиях. Это так называемая "революция сверху" [74, с. 20] или новый советский эксперимент. В таких условиях ослабление государства

приводит к ослаблению хода реформ и ослаблению всех его систем. Происходит серьезная дезинтеграция общества, оно расколото и аномично, используя мертоновскую терминологию. Оно превращается в общество рисков и маргинальных групп.

Исход системных реформ, идущих в постсоветских странах, все еще остается неясным как для самих реформаторов, так и для сторонних аналитиков. Каким бы ни был конечный результат, "капиталистическая" Россия не будет повторять в точности пути развития "капиталистического" Запада в силу особенностей своего политического и экономического наследия XX в. Так считает американский социолог Н. Смелзер. "Короче говоря, — пишет он, — эволюция России в следующие десятилетия заставит нас пересмотреть и подвергнуть переоценке наши нынешние теории развития" [66, с. 12, 13]. Этот довольно оптимистический взгляд на исход начатой модернизации тонет в массе критических мнений и точек зрения на постсоветские реформы.

Другой не менее известный американский социолог Ф. Фукуяма, замечает: "Здоровая капиталистическая экономика является крайне важным фактором, поддерживающим стабильную либеральную демократию... Одной из основных проблем Польши, Венгрии, России, Украины и других бывших коммунистических стран является то, что они попытались создать демократические политические институты, не обладая преимуществами функционирующей капиталистической экономики. Отсутствие частного предпринимательства, рынков и конкуренции не только приводит к усугублению бедности, но и препятствует формированию крайне необходимых форм общественной поддержки для надлежащего функционирования демократических институтов" [75, с. 155].

В одной из своих работ Ф. Фукуяма развивает мысль о том, что рост социализации в обществе не происходит автоматически с сокращением роли государства. Успешное развитие рыночной экономики не является причиной стабильной демократии, а наоборот, наличие в обществе традиций, обычаев и способность людей к взаимодействию помогает развитию рыночных отношений. Эти традиции и способности он называет "общественным капиталом" и связывает с уровнем взаимного доверия в обществе. "Если общественный капитал имеется в изобилии, успешно будут

развиваться и рынки, и демократическая политическая система" [75, с. 156]. Он подчеркивает, что это особенно относится к новым индустриальным странам с авторитарной формой правления. «В посткоммунистических странах, в частности в России и на Украине, частные компании, как и политические партии, либо очень слабы, либо вообще отсутствуют, а в период выборов обозначаются лишь крайние, взаимно противоположные позиции, связанные с личностями, а не четкими политическими программами. В России "демократы" верят в демократию и рыночную экономику на интеллектуальном уровне, но не имеют при этом навыков, необходимых для создания единой политической организации» [75, с. 157]. Дело в том, что либеральное государство держится не только на законах и правовом регулировании, но, может быть, в большей степени на самоуправлении и самоограничении отдельных его граждан. Общество превращается в анархию и неуправляемую массу, если его члены не способны проявлять терпимость и уважение друг к другу и не соблюдают ими же самими установленные законы.

Если члены общества не способны объединяться и действовать совместными усилиями для достижения общих целей, в таком случае возникает необходимость в сильном государстве. Оно будет держать их в рамках, предотвращать общество от сползания в хаос и активно будет осуществлять организующие функции, на которые гражданское общество оказалось неспособным. Отмирание государства возможно в обществе с очень большой способностью к самоорганизации и добровольному объединению граждан, понимающих необходимость самоограничения.

"Страна с небольшим общественным капиталом... будет страдать от широкого распространения коррупции среди правительственных чиновников и неэффективности системы государственного управления", — замечает Ф. Фукуяма [75, с. 158]. Эти слова как будто специально написаны для стран посткоммунизма. Дело в том, что в наших странах роль государства была всеобъемлющей, оно полностью подавило гражданское общество. И когда коммунизм рухнул, не осталось практически никаких форм объединения людей, кроме, пожалуй, семьи и национальности [75, с. 161]. Если, конечно, не считать кланов ости или преступных группировок и "мафиозных семей". В условиях, когда нет добровольных объединений, люди устремились к ассоциациям по формальным признакам. "Самым простым из них, — пишет

Ф. Фукуяма, — позволившим людям избежать чувства разобщенности, слабости и беззащитности перед лицом более мощных исторических сил, бушевавших вокруг, стали объединения по этническим признакам" [75, с. 161]. Почти все бывшие коммунистические страны страдают от слабости и ущербности их гражданского общества, что во многом является результатом чрезмерной централизации власти в их недалеком прошлом.

Сегодня постсоветское пространство представляет собой чрезвычайно пеструю картину либеральных, псевдолиберальных и откровенно авторитарных режимов, которые появились в результате краха коммунистической системы и попыток ее "демократизации". Тому свидетельство — слабые демократии Восточной Европы, авторитарно-популистские режимы в России и Украине, советский авторитаризм в Белоруссии и уж совершенно откровенные режимы личной власти азиатского толка, установившиеся в некоторых республиках Средней Азии.

Как видим, распад прежней системы и одинаковые западные модели реформирования вовсе не привели к одинаковым типам "новых демократий" в странах бывшего Союза. Здесь получился огромный разброс политических вариаций, отражающих исторические традиции и этнокультурные и религиозные особенности каждого народа, населяющего данную страну. Так, на Кавказе христианские Армения и Грузия оказались несколько более либеральными, чем мусульманский Азербайджан с режимом личной власти Г. Алиева и его "клана". В Армении "не местный" президент Р. Кочарян находился поначалу в некоторой изоляции, но со временем ему удалось сконцентрировать в своих руках значительную власть.

Таким образом, авторитарные политические режимы различного толка установились практически во всех странах "новой демократии". Капиталистическими они еще не стали, рыночные реформы идут с трудом и медленно, процессы демократизации замедлились или вовсе приостановились. Это еще не страны либерального капитализма, но вовсе не страны рыночного социализма. Самым емким на сегодняшний день определением того социального строя, который обнаруживается в них, остается, на наш взгляд, "постсоветский".

Слишком велико еще наследие советской эпохи, слишком явно ощущается присутствие "советского" во всех

сферах политической, экономической и социальной жизни общества. К тому же для многих постсоветских независимых государств советская форма государственности была единственной в их историческом прошлом. Народы этих стран не имели прежде опыта иной государственности или так давно ее утеряли (как Армения), что в социальной памяти их обществ не сохранились традиции иной, кроме советской, государственности.

Короткий период независимости в 20-х годах прошлого столетия для государств Закавказья не оставил существенных позитивных навыков государственного строительства и управления. Меньшевистская Грузия, мусаватистский Азербайджан и дашнакская Армения того времени никак не вписываются в цивилизационные модели современности и потому не могут служить "позитивным опытом" независимой государственности для этих стран. В то же время семидесятилетнее воздействие советской эпохи оставило неизгладимый след в этих странах. Новым независимым государствам очень непросто обрести свою "национальную идентичность".

Обращаясь к проблемам Кавказа, Д. Белл пишет: "Кавказ как бы специально создан для войн. Пятьдесят этнических групп живут вдоль 900-мильного горного хребта, давшего этим местам свое имя. К югу от него находятся Грузия, Армения, Азербайджан, из которых первые две — страны православной культуры.." [74, с. 22]. Здесь Д. Белл ошибочно причисляет Армению вместе с Грузией к странам православной культуры, видимо не зная, что христианство в Армении установилось на много столетий раньше русского православия.

На Кавказе пересеклись четыре совершенно различные цивилизации, наложившиеся одна на другую, — цивилизации Ближнего Востока, Восточной Европы, турецких равнин и самого Кавказа, "родины воинских традиций с тысячелетней историей" [74, с. 22]. Даже коммунистический режим правления не смог сгладить эти глубоко укоренившиеся различия, и сейчас они выплеснулись наружу с еще большей энергией. Произошло пробуждение национального самосознания, и народы обрели государственную независимость, к чему собственно они и стремились. Только вот каким содержанием они наполнят свои государственные формы? — покажет время.

В работе "Переходное общество как система трансформационной деятельности" Э. Арутюнян подвергает подробному анализу суть трансформационной задачи и логику

функционирования трансформационной деятельности, а также проводит ситуативный анализ трансформационного общества [76]. Социальная система практически всегда находится в трансформационном состоянии, что обеспечивает ее динамичность и адаптивность, не затрагивая базисных элементов системы и не вводя качественных изменений в системообразующие основания общественных отношений. Однако бывают исторические этапы, когда возникшие внутри социальной системы противоречия выходят далеко за рамки данной системы. И тогда возникает необходимость фундаментальной трансформации, и социальная система приобретает статус "переходной". "Из этого следует, — пишет Э. Арутюнян, — что переходное общество можно рассматривать как особую ступень становления качественных оснований функционирования новой социальной системы" [76, с. 249]. Автор совершенно справедливо отмечает, что в процессе трансформации социальной системы происходит "индивидуализация" и "национализация" трансформационных задач. В частности, трансформационные задачи постсоветских обществ выдвигают на первый план цель формирования независимого национального государства. При этом системные преобразования глубоко затрагивают индивидуальные и социальные интересы отдельных его граждан [76, с. 251].

Между тем задача трансформации современного армянского общества еще ждет своего теоретического изучения. Э. Арутюнян справедливо отмечает, что "армянская национальная и государственная система до сих пор не определили и не уточнили меру и степень адаптирования к логике развития современной цивилизации..." [76, с. 251].

Заметим, что главные усилия армянских властей последние десять лет были направлены сначала на поддержку борьбы за независимость народа Карабаха, а затем на поддержание установившегося после войны хрупкого мира. В настоящее время независимое армянское государство прикладывает все усилия, чтобы определить свое место в сложной, изменяющейся геополитической структуре региона. Военные и геополитические задачи очень актуальны и серьезны, от них зависит безопасность государства, его будущее и стратегии выживания. В условиях ограниченных возможностей армянское государство тратит главный ресурс на решение таких задач. Проблемы трансформирующегося общества и задачи интеграции в мировые, глобаль-

ные процессы отнюдь не теряют свою значимость, однако оттеснены на второй план геополитическими и стратегическими задачами. Для Армении сегодня гораздо важнее найти достойное место между Западом и Россией, между НАТО и силами СНГ; суметь удержать внутренний баланс сил и при этом сохранить статус христианской страны в мусульманском окружении.

Подвергая анализу ход безуспешных социально-политических реформ в Армении последнего десятилетия, В.Осипов приходит к выводу: «становится все более очевидным, что ресурс модели переходного периода давно исчерпан, не приведя, однако, к результатам, ожидаемым согласно весьма упрощенным умозрительным схемам "транзитологов", господствовавших в течение десятилетия в умах армянского политического истеблишмента» [77, с. 56]. Демократические реформы в Армении зашли в тупик. Общество отстранено от участия в управлении страной. "В этих условиях армянское общество, не успев стать открытым, начинает вновь перерождаться в закрытое, немеритократическое общество со все усиливающейся бюрократической иерархией, а также теряет предпосылки создания правового государства (в том числе и вследствие отсутствия общественного контроля за деятельностью аппарата государственного управления и всех ветвей власти в целом). Власть становится закрытой корпорацией, рождается новый номенклатурный класс, закрепление новых иерархий и формирование новых элит происходит недемократическим и немеритократическим путем, что приводит к усилению социальной поляризации и социальной стратификации" [77, с. 60]. Какой бы жесткой ни казалась такая оценка, тем не менее она объективно отражает реальное положение дел в Армении.

Действительно, либеральные реформы экономики так и не создали полноценного рыночного пространства. А гражданское общество так и не состоялось, по крайней мере на сегодняшний день. Опыт многих стран, вставших на путь модернизации, свидетельствует, что их исход не всегда бывает благополучным. «В государствах, где попытки модернизации и демократизации потерпели фиаско (так называемые "failed states"), и в государствах, захваченных мафиозно-криминальными структурами ("captured states"), крах был обусловлен отсутствием или распадом гражданского общества» [77, с. 61]. Конечно, мы не настолько наивны, чтобы полагать, что в блокадной, послевоенной Армении

гражданское общество могло быстро или вообще состояться. Оно не состоялось в странах, находящихся в значительно более благоприятных геополитических и экономических условиях (например, Болгария, Румыния, Польша, Белоруссия, Украина, Казахстан). В.Осипов прав, утверждая, что «если нынешние тенденции не будут реверсированы, то гражданское общество как таковое не состоится, что чревато разрывами "социальной ткани" общества, эрозией солидарности, нарастанием социальной атомизации и аномии и размыванием социального капитала» [77, с. 62].

К сожалению, все эти явления уже давно были подмечены нами и проанализированы в ежегодном докладе о человеческом развитии Программы развития ООН в 1997 г. В этом докладе, в частности мы писали: "Переход к рыночной экономике вызвал к жизни целый ряд негативных последствий социального характера: резкий рост безработицы, экономический кризис, обнищание населения, социальная поляризация, развал прежде действовавшей системы социальной защиты и обеспечения, отсутствие социальных гарантий, упадок роли государства, а также тенденции раскола общества" [78, с. 16]. Еще тогда мы предупреждали об опасности раскола и увеличивающемся политическом и социальном отчуждении масс в армянском обществе.

В 1997 г. выходом из создавшегося положения нам виделась возможность социального сотрудничества, социального партнерства. Водораздел между народом и властью все более углублялся. Государство все более отстранялось от общества, тем самым углубляя процессы отчуждения, что в свою очередь способствовало росту постальгических настроений в обществе. "В условиях Армении осью социального сотрудничества выступают отношения между государством и обществом. Установление сотрудничества между властью и различными слоями населения может придать эффективность всей системе преобразований, преодолеет взаимное отчуждение. Атмосфера сотрудничества в Армении необходима также для того, чтобы вовлечь широкие народные массы в процесс осуществляемых экономических реформ, что будет способствовать также снижению уровня масштабной миграции" [78, с. 15]. К сожалению, призывы к социальному сотрудничеству и установлению партнерских отношений между властью и народом так и остались нереализованными. Безусловно, они актуальны и сегодня.

Мы абсолютно уверены в том, что негативные тенденции в развитии страны не будут преодолены до тех пор, пока легитимные власти не найдут в себе достаточно силы и воли начать живой диалог с собственным народом и сделать совершенно реальные шаги к развитию социального партнерства. Проблемы, стоящие перед современной Арменией настолько велики и серьезны, что для решения их необходима консолидация усилий всех секторов армянского социума, включая огромную, разбросанную по миру и неорганизованную диаспору. Консолидация и сотрудничество — вот те фундаментальные качества, которых сильно недостает армянскому этносу сегодня для противостояния вызовам современности.

Литература

1. *Киссинджер Г.*, Вместе с Россией // Родина, 2002. №5. С. 12.
2. *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999.
3. *Лапин Н.И.* Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994.
4. *Паин Э.А.* Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы // Мир России. 1995. №1. С. 58.
5. *Чешко С.В.*СССР был болен или его "залечили".Попытка патолого-анатомического анализа. // Мир России. 1995. №1.
6. *Белл Д.* Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги "Конец идеологии" // Вопросы философии. 2002. № 5.
7. *Иноземцев В.Л.* Социология Даниела Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации // Вопросы философии. 2002. № 5.
8. *Заславская Т. И.* Изучение механизмов социальных процессов (1981–1983) // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999.
9. *Заславская. Т.И.* Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри. ВЦИОМ–Интерцентр. М., 1997.
10. *Лапин Н.И.* Тяжкие годины России (Перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. №1.
11. *Ключевский В.О.* Соч. в 9-ти т. Т 1. М., 1987.
12. *Яницкий О.Н.* Социология и рискология // Россия: риски и опасности "переходного" общества. М., 1998.
13. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. №1.

14. *Руткевич М.Н.* Процессы социальной деградации // Социологические исследования. 1998. №6; *Он же.* Депопуляция или вымирание //Социологические исследования. 1996. №3.
15. *Ядов В.А.* А все же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон–Пресс-Ц., 2001.
16. *Макушкин А.Г.* Последовательность реформ — путь к катастрофе //Мир России. 1995. №2.
17. *Ядов В.А.* Введение //Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон–Пресс–Ц, 2001.
18. Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Восточной Европы. М.: ИС РАН, 2002.
19. *Тощенко Ж.Т.* Вступительное слово // Социологические исследования. 2002. №5. С. 7.
20. *Коровицина Н.В.* Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах. // Социологические исследования. 2002. №5.
21. *Цапф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования. 1998. № 8.
22. *Bendix R.* Modernisierung in internationaler Perspektive. // Theorien des sozialen Wandels. Hrsg.W. Zapf. Koln-B., 1969.
23. *Huntington S.* Democracy's third wave // Journal of Democracy. 1991. P. 12–34.
24. *Brzezinski Z.* The Great Transformation // National interest. 1993. Fall. P. 3–13.
25. *Цапф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я.* Германия: Трансформация через объединение //Социологические исследования. 2002. № 5.
26. *Вебер М.* Избр. произвед. М.: Прогресс, 1990.
27. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политическая литература, 1992; см. также *Sorokin P.A.* The Basic Trends of Our Time. New Haven, 1964.
28. *Hantington S.* The Clash of Civilisation and Remaiking of the World Order. N.Y.: Simon&Schuster, 1996; см. также: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.
29. *Аксенов К.* В поисках глобального арбитра //Родина. 2002. №5.
30. Интернет.Ru. 2002 г. Сентябрь.
31. *Andorka R.* Dissatisfaction and Alienation. // Andorka *R., Kolosi T., Rose R., Vukovich Gy.* A Society Transformed. Budapest: CEU-Press, 1999.
32. *Шнедер Ж., Элекеш Ж., Гарча И., Роберт П.* Очерки трансформации в Венгрии // Социологические исследования. 2002. № 5.
33. *Козловски П.* Общество и государство. М.: Республика, 1998.
34. *Манов В.* Реформы в постсоциалистическом обществе. Опыт Болгарии. М.: Экономика, 2000.

35. Куда идет Россия?.. Международный симпозиум 17–19 декабря 1993 г. Т 1. / Общая ред. Заславской Т.И., Арутюняна Л.А., М.: Интерпракс, 1994; Куда идет Россия?.. Международный симпозиум 15–18 декабря 1994 г. / Общая ред. Заславской Т.И. М.: Аспектпресс, 1995; Куда идет Россия?.. Международный симпозиум 17–19 января 1997 г. / Под общей ред. академика Заславской Т.И., М., 1997.

36. *Маркс К.* Набросок ответа на письмо В.И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1961. 19 Т.

37. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 1999.

38. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество.Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.

39. *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991.

40. *Арон Р.* 28 Lectures on Industrial Society. L., 1968.

41. *Sorokin P.* Mutual Convergence of the United States and USSR to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. №1.

42. *Вишневский А.Г.* Модернизация России: позади или впереди? // Куда идет Россия?.. М., 1995.

43. *Nodia G.* How different are Postcommunist Transitions? // Journal of Democracy. 1996. V. 7. №4.

44. *Ворожейкина Т. Е.* Демократия и экономическая реформа. Опыт сравнительного анализа России и Латинской Америки // Куда идет Россия?.. М, 1997.

45. Переход от авторитаризма к демократии: латино-американская специфика // Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1997.

46. *Поляков Л.В.* Кризисы Российской политической модернизации // Куда идет Россия?.. М., 1997.

47. *Яков А.* После Ельцина. М., 1995.

48. *Gouldner A. W.* Stalinism: A Study of Internal Colonializm. – TELOS. 1977–1978. №34.

49. *Родоман Б.Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. М., 1996.

50. *Кара-Мурза С Г.* Россия как традиционное общество // Куда идет Россия?.. М., 1997.

51. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.

52. *Иноземцев В.Л.* Социология Даниела Белла и контуры современной индустриальной цивилизации // Вопросы философии. 2002. №1.

53. *Bell D.* First Love and Early Sorrows // Partisan Review. 1977. V. 48. №4.

54. *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. 2-nd ed. L.: Heinemann, 1979.

55. *Bell D.* The End of Ideology: On the Extanstion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge (Ma.): Harvard University Press., 1988.

56. *Fourastie J.* Le grand espoir Du XXe siecle. Paris, 1949.

57. *Riesman D.* Leisure and Work in Post-Industrial Society // Mass Leisure / Eds. Larrabee E., Megerson R. Glencoe (III), 1958.

58. *Иноземцев В.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.

59. *Маркарян Э.С.* Науки о культуре и императивы эпохи. М., 2000.

60. *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1980.

61. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество. Материалы "круглого стола". // Вопросы философии. 2000. №1.

62. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991; *Он же.* Философские мысли натуралиста. М., 1988.

63. *Castels M.* The Rise of the Network Society. Malden (Ma.), Oxford: Blackwell Publishers, 1996.

64. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.

65. *Райх Р.* Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века. // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.

66. *Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.

67. *Валлерштайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996. №5.

68. *Белл Д.* Конец идеологии // Вопросы философии. 2002. №5.

69. Россия и Китай: проблема понимания // Вопросы философии. 2002. №6.

70. *Гайдар Е.* Государство и эволюция. Дни поражений и побед. М., 1997.

71. *Пискотин М.И.* Россия в XX веке: неоконченная трагедия. М.: ФОРУМ, 2001.

72. *Глазьев С.* Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. М., 1997.

73. *Давыдов Ю.Н.* Россия в свете различения Вебером двух типов капитализма // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс, 2001.

74. *Белл Д.* Возобновление истории в новом столетии // Вопросы философии. 2002. №5.

75. *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния. // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999; см. также *Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1996.

76. *Арутюнян Э.* Переходное общество как система трансформационной деятельности. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2000. (на арм. яз.).

77. *Осипов В.* Глобализация и диалог цивилизаций: перспективы для гражданского общества в Армении // Глобализация и демократия: соперники или союзники? Ереван: Асохик, 2002.

78. *Poghosyan G.* Transition Period and Social Cohesion – Human Development Report. Yerevan: UNDP, 1997.

ГЛАВА II

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И РЕФОРМИРОВАНИЕ СВЕРХУ

ОБЩИЕ КОНТУРЫ РЕФОРМ

В составе Советского Союза Армения была одной из самых индустриальных республик со сложным сектором высоких технологий. Ведущими отраслями были машиностроение, электроника, химическая промышленность и энергетика; 95% промышленных товаров экспортировалось в остальные республики Советского Союза и за рубеж. Несмотря на экономический крах, который последовал за развалом Советского Союза, Армения еще некоторое время сохраняла сектор высоких технологий, поддерживавшийся научными учреждениями.

Провозгласив независимость от СССР в 1991 г., Армения приступила к либерализации экономики, первыми шагами которой стали земельная реформа и мелкомасштабная приватизация. В последующие годы началась либерализация торговли, были приняты новые законы о приватизации и Центральном банке. В 1993 г. основана первая биржа и введена новая национальная валюта — армянский драм. Вслед за приватизацией 90% сельскохозяйственных земель в 1991 г., в 1993 г. была принята программа о приватизации промышленной недвижимости, а в октябре того же года началась ваучеризация. В 1993 г. земля стала предметом купли-продажи.

В апреле 1995 г. началась крупномасштабная приватизация и был принят закон о банкротстве, который вошел в силу только в январе 1997 г. Большинство цен было либерализованно, и действовал рынок ценных бумаг. Тем не менее в сентябре 1995 г. навис банковский кризис, так как банки под тяжестью невыполнимых кредитов начали терпеть крах. Только в 1998 г. приверженность Армении реформам стала давать первые позитивные результаты. Однако они были омрачены финансовым кризисом в России, который привел к замедлению торговли и потока частных

капиталов. Влияние этих негативных процессов будет чувствоваться на протяжении продолжительного времени.

Одна из притягательных сторон Армении как объекта для инвестиций — ее высококвалифицированная рабочая сила, которая включает специалистов в области электроники, электронной инженерии, текстильной и химической промышленности, оптики, строительства, производства ювелирных изделий и продуктов питания. Богатство археологических и исторических мест несет в себе реальную возможность сделать Армению туристическим центром. Отметим кстати, что в советские времена Армения принимала до 2 млн. туристов ежегодно. Сегодня эта цифра намного меньше — 50 тыс. туристов в год.

Сельскохозяйственный сектор Армении имеет большое значение для страны, отвечая почти за треть ВНП. Производство продуктов питания включает производство фруктов и овощей, алкогольных напитков, минеральной воды и табака. Однако большая часть производственного оборудования устарела и нуждается в совершенствовании.

Географическое положение Армении способствует тому, чтобы стать важным звеном в транзитной системе торговли вдоль финансируемого Евросоюзом пути ТРАСЕКА (Транспортный коридор Европа–Кавказ–Азия). Правительство прилагает немало усилий по улучшению транспортных путей, соединяющих Армению с Грузией и Ираном, — основных транспортных ворот страны. Можно полагать, что когда будет достигнута договоренность по поводу разрешения карабахского конфликта и торговое эмбарго Турции и Азербайджана будет снято, перспективы Армении в этом плане расширятся.

Реальный рост ВНП в 1999–2000 гг. составил 7,9%, а в 2002 г. –9%. В 1999 г. был зарегистрирован средний годовой уровень инфляции, равный 8,7%. Постепенное уменьшение инфляции за последние три года — результат строгой денежной политики, установленной вслед за гиперинфляцией в середине 1990-х годов.

С целью выполнения бюджетного плана правительство продолжает сосредотачивать внимание на улучшении налоговых сборов, ставя перед собой задачу поддержания налоговых доходов на уровне 15%, достигнутом в 1999 г. Власти продолжают углублять реформы, в особенности в сферах приватизации и банковского дела. Мелкомасштабная приватизация почти завершена, а продажа нескольких

из самых крупных компаний посредством международных заявок собрала 115 млн. долл. государственного дохода (около 6% ВНП) к октябрю 1998 г.

Новая стратегия по финансовому восстановлению и приватизации энергетического сектора поддержана Всемирным банком в виде кредита энергетическому сектору в начале 2000 г. Стратегия предусматривает сделать энергетический сектор прибыльным путем сокращения издержек, уменьшения задолженности и поднятия тарифов. Последнее поднятие тарифов на 12,5% произошло в январе 1999 г.

Коррупция остается актуальной проблемой для Армении. В большинстве других стран СНГ были арестованы некоторые высокопоставленные лица, а таможенные и налоговые чиновники заменены из-за частых случаев взяточничества.

5 мая 1998 г. парламент Армении принял Гражданский кодекс, вошедший в силу 1 января 1999 г. Кодекс устанавливает принципы гражданского права. Он охватывает основные области гражданского права, включая различные виды контрактов. Он также имеет дело с интеллектуальной собственностью, законом о наследстве и частным международным кодексом.

Одной из негативных последствий ваучерной приватизации (в которой общественное участие было пассивным) стало то, что компаниями сейчас владеют их прежние руководители. Это привело к незначительным новым инвестициям и отсутствию реструктуризации. Неразвитый рынок ценных бумаг немногое сделал для того, чтобы перераспределить собственность. Банкротства случаются редко и в основном в мелких предприятиях. К середине 1998 г. было ликвидировано только 8 из почти 2 тыс. средних и крупных намеченных для приватизации предприятий. Предприятия, намеченные для приватизации, не могут быть объявлены банкротами, и ликвидационные процедуры могут быть предприняты только после трех неудачных попыток их приватизировать. Правительство вынуждено было объявить о планах по финансовой реабилитации некоторых крупных государственых предприятий, стоящих перед угрозой банкротства, таких как химическая компания "Наирит".

Сейчас разрабатывается система регулярного мониторинга финансовых операций предприятий, входящих в общественный сектор. Предлагаются "холдингово-управленческие" структуры для поднятия эффективности управления предприятиями этой группы. Правительство расширило круг предложений и для управления частным сектором, чтобы заменить руководителей "советского типа" в государственных предприятиях. Недостаток квалифицированного управления, способного сделать предприятия конкурентоспособными на международном рынке, остается главной проблемой и препятствием на пути реструктуризации и развития предприятий.

К 1995 г. почти все цены были "отпущены" или либерализированы, контролировались только цены на транспорт, электричество, воду, газ, отопление, канализацию, уборку мусора, квартплату, телефон и орошение. Приватизация государственных хлебопекарен и мукомолен в 1997 г. и в начале 1998 г. исключила государственный контроль над прибылью мукомолен, а следовательно и над ценами на хлеб.

В сентябре 1997 г. вступил в силу Договор о партнерстве и сотрудничестве с Европейским союзом. Он либерализировал торговлю товарами и услугами с ЕС, создал почву для гармоничных экономических отношений между сторонами и обеспечил основу для законодательного, социального, финансового, гражданского, научного, технологического и культурного сотрудничества. В договоре проявилось отношение к Армении как к "нации, к которой больше всего благоволят".

Доход с налоговых сборов увеличился с 12,9% ВНП в 1996 г. до почти 17% в 1998 г. Однако финансовая дисциплина по-прежнему хромает. Налоговые недоимки в 2001г. достигали 15% общего дохода с налоговых сборов, несмотря на предложенную в начале года схему, разрешающую фирмам покрыть налоговые задолженности без взысканий. На долю государственных фирм приходилось 70% задолженностей.

В начале 1999 г. внесены изменения в систему социального обеспечения, в результате чего незначительно поднялось семейное пособие и были введены более строгие критерии в выборе, чтобы помощь доходила до самых нуждающихся. Для большинства из них месячное пособие увеличилось до 8 драм (16 долл. США).

Фундаментальная реформа пенсионной системы, одобренная еще в 1995 г., пока не проводилась. В 1997 г. и в начале 1998 г. были сделаны некоторые усилия по улуч-

шению пенсионного плана, уменьшению пенсионного налогообложения и увеличению пенсий. В декабре 1998 г. принят новый закон об обязательных платежах социального обеспечения, согласно которому работники должны выделять 3% своей зарплаты, но не меньше чем 2,5 тыс. драм ежемесячно, затем эта цифра поднялась до 5 тыс. драм. Работодатели делают платежи социального обеспечения в размере 28% зарплаты, но не меньше чем 5 тыс. и не больше чем 20 тыс. драм ежемесячно. Бедность и неравенство остаются актуальнейшими проблемами, несмотря на возрастающие расходы на социальное обеспечение: с 10% общих бюджетных расходов в 1996 г. до 15% — в 2000 г.

Право собственности гарантируется Конституцией Армении, принятой в 1995 г. Закон о собственности и закон об иностранных инвестициях также защищают права собственности. Иностранцы могут свободно репатриировать доходы. Твердая валюта может импортироваться и экспортироваться в неограниченном количестве, если она ранее импортировалась или была заработана законным путем в Армении. В противном случае существует лимит на экспортирование наличности, равный 10 тыс. долл. США или эквивалентной сумме.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Модернизация и экономические реформы свойственны многим странам после Второй мировой войны. Однако есть особая специфика, характерная для постсоветской модернизации, — это наложение друг на друга сразу нескольких реформационных процессов. Первейший из них — крушение империй. Кроме того, постсоветский модерн означал также процесс перехода от плановой экономики к рыночной, что само по себе явление достаточно сложное и редкое. И наконец, процесс либерализации и "открытия" экономики в век глобализации [1].

Сейчас никто не возмется утверждать, что первое армянское правительство реформаторов в 1991 г. имело четкую концепцию и теорию реформ. Скорее всего, оно действовало с колес и начало с приватизации земли и институциональной либерализации или, иначе говоря, ухода государства из экономики. Первоочередными задачами

реформаторского правительства при этом были: внедрение монетарной политики регулирования экономики, финансовая стабилизация и сдерживание возрастающей инфляции. Фундаментальными задачами оставались реструктуризация и реорганизация экономики, изменение всей системы социалистической собственности, создание новых субъектов экономики [2]. Задачи эти по своим масштабам во много раз превосходили концептуальный и практически реализационный потенциал армянского реформаторского правительства того периода. По мнению российских ученых, они оказались не под силу также их правительству реформаторов.

"Экономическое положение России характеризуется небывалыми в мировой экономической истории в мирное время масштабами и продолжительностью экономического кризиса, катастрофическим падением уровня жизни основной части населения, стремительным разрушением всех источников экономического развития: производственных инвестиций, системы научных исследований и образования, наукоемких производств, геолого-разведочных работ, а также деквалификацией трудовых ресурсов. Накануне краха находятся системы жизнеобеспечения населения... Глубочайший экономический кризис в ближайшее время может превратиться в экономический крах" [3]. Успех реформ по переходу к рынку, согласно мировому опыту, должен был обеспечиваться строгой последовательностью целого ряда преобразований и длиться несколько десятилетий. Однако реформаторы и архитекторы фундаментальной модернизации, как выясняется, не имели ни генерального плана, ни специально разработанной теории реформирования.

Перед ними стояла новая цивилизационная задача — переход к постиндустриальному обществу. Предшествовавшее ему общества, которое принято называть социалистическим, по выражению известного экономиста О. Лациса, с трудом, но решило задачу перехода от аграрной к индустриальной цивилизации [4]. Но социализм рухнул перед непосильным новым вызовом — постиндустриальной модернизацией. Переходная экономика для многих стран бывшего Советского Союза и стран социалистического лагеря оказалась камнем преткновения. Многие страны, особенно в первые годы реформирования, испытали так называемый трансформационный спад, вызванный самим переходом от планового регулирования к рыночному. Теперь уже

для экономистов-аналитиков концепция трансформационного спада, кризиса в форме падения производства представляется вполне закономерной стадией переходной экономики. "Опыт реформирования экономики советского типа и в России, и в Восточной Европе показал, что сам процесс трансформации несет в себе мощный кризисный заряд" [5, с. 62].

Переходный кризис квалифицируется как закономерность, как особый вид экономического кризиса, который до сих пор не был изучен экономистами. Все, что в этой области было изучено экономистами за 200 лет, ничего общего не имеет с новым типом кризиса. И не случайно, многие его черты оказались полной неожиданностью для специалистов [6]. Этот кризис разные страны переживают по-разному, и выходы из него также видятся различными.

В случае Армении, например, в силу целого ряда дополнительных неблагоприятных условий трансформационный спад привел к настоящей деиндустриализации страны, откату к архаическим формам хозяйствования, в частности в аграрном секторе. Неудавшаяся попытка модернизации отбросила страну назад, намного дальше тех рубежей, которые были достигнуты в период советской индустриализации. Даже для намного более мощной по сравнению с Арменией России экономисты до недавнего времени делали весьма неоптимистические прогнозы, считая прорыв для нее в мир развитых стран делом далекого будущего. При самом благоприятном варианте России удастся сохранить, как они считают, уровень среднеразвитой страны [7, с. 118], где-то между странами Латинской Америки [8]. Переходная экономика России привела ее к "мутантному социализму" [9, с. 107], неравновесной, несбалансированной экономике [5, с. 62], создав нечто подобное мафиозной экономике Колумбии, частнособственнической диктатуре Чили времен Пиночета или переросшим в гражданскую войну радикальным реформам в Югославии [9, с. 105]. В то время как на Западе и в некоторых странах Востока полным ходом идет процесс постиндустриальной модернизации, в наших странах намечается откат и деградация.

«Некоторое время назад в одной из статей А.Турена я встретил очень любопытное деление — "модернизация", "контрмодернизация" и "антимодернизация", — пишет российский экономист В.А. Красильщиков. — Не раскрывая подробно каждый из этих терминов, мне хотелось бы

обратить внимание на то, что в принципе наше развитие за последние десятилетия представляло собой контрмодернизацию, т.е. как бы псевдомодернизацию, или незавершенную модернизацию, тогда как сейчас мы, по образу и подобию многих стран "третьего мира", проводим уже явную антимодернизацию. Фактически мы идем не к нормальному буржуазному обществу, которое в принципе только и могло вырасти на основании того, что у нас было (другой вопрос, какой бы это был капитализм — как в Австрии и Швеции, как в Колумбии или, еще того хуже, — в Заире). Во многих отношениях мы движемся назад, к какому-то торгашескому полуфеодальному обществу» [7, с. 117, 118].

Армянские экономисты в принципе разделяют пессимизм своих российских коллег и считают, что Армении также понадобится достаточно длительное время для реального перехода к открытой экономике [10, с. 40]. Негативные явления и кризис переходного периода в Армении усиливались спецификой экстремальных условий, в которых тогда (и сейчас) находилась республика. Это, в свою очередь, делало затруднительным использование опыта других стран, хотя правительство в действительности использовало чужие модели, которые не всегда оказывались экономически оправданными для условий нашей республики [10, с. 42].

Сущность экономических реформ, проводимых за последние десять лет в Армении, сводится к формированию отношений, институтов и систем управления, свойственных рыночным отношениям, целью которых является решение следующих задач:

- либерализация внешней торговли и цен, освоение механизмов денежно-кредитной политики;
- приватизация, разнообразие форм собственности и обеспечение равных условий конкуренции;
- создание и развитие институтов финансового рынка;
- пересмотр системы финансовых отношений;
- реструктуризация системы государственного управления, применение новых методов и форм управления, регуляция деятельности естественных и техногенных монополий;

формирование системы гарантий и социальной безопасности;

- интеграция с международными рынками [11, с. 59].

В целом процесс экономического реформирования Армении условно разбивают на три этапа [10, с. 42–45].

Первый этап (1991–1995) начинается с установления независимой государственности. В этот период проводятся институциональные реформы, разгосударствление собственности, либерализация цен и ряд иных реформ. Армения первой среди бывших советских республик начала в 1991г. приватизацию земли. Однако из-за малоземелья образовались лоскутки земельных территорий, на которых невыгодно было применять средства механизации. В результате, без надлежащей государственной поддержки и контроля, сельскохозяйственный сектор республики был разграблен. "Оказалось, что не землю отдали крестьянам, а крестьян предали земле" [10, с. 43]. Почувствовав безысходность ситуации, крестьяне вновь подались в города в поисках работы. И без того достаточно высокий уровень безработицы в городе, заставил их выехать за пределы страны, увеличив поток мигрантов. Преобразования, проведенные в Армении после приобретения независимости, до 1994 г. протекали в режиме резкого экономического спада.

Второй этап (1995–1997) характеризуется как период стабилизации экономики и макроэкономического роста. Начиная с 1994 г. удалось снизить темпы экономического спада в стране и обеспечить определенную макроэкономическую стабильность (табл. 1) [12].

Армения того периода заслужила на Западе репутацию одного из лучших "макроэкономических исполнителей" среди небалтийских бывших советских республик. Тем не менее темпы роста были недостаточными для ощутимого экономического восстановления. Согласно оценкам Всемирного банка, 55% армян все еще проживают ниже национальной линии бедности. В Стратегии содействия стране Всемирного банка для Армении, которая была распространена в мае 2001 г., указывается на "узкую основу" семилетнего роста и заключается, что он имел "ограниченное влияние на создание рабочих мест и поэтому на бедность". В отчете добавляется: "Наибольший рост имел место за пределами производственного сектора — того сектора, где Армения может иметь наибольшее преимущество, в частности посредством образованной рабочей силы» [13, с. 77].

В Армении, не имевшей внешнего долга в 1990 г., к концу 2000 г. накопился долг в 859,5 млн. долл. США, и текущие объемы его погашения приблизились к черте риска управляемости [14]. Сверхзадачей экономики является проблема бедности. При таких размерах бедность превращается в отдельный фактор, влияющий на развитие экономики и непосредственным образом ограничивающий общий спрос [11, с. 59].

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели Республики Армения

Годы / Показатели	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
ВВП, млн. долл. США	327,7	492,2	643,3	1286,5*	1597	1638,9	1892,3	1844,6	1915,2
ВВП на душу населения, долл. США	87,8	131,9	172	342,2	423,2	429,8	499	485	503
Экспорт (без услуг), млн. долл. США	82,9	156,2	215,5	270,9	290,3	232,5	220,5	231,7	300,5
Импорт (без услуг), млн. долл. США	205,9	254,2	393,8	673,9	855,8	892,3	902,4	881,3	884,7

Примечание: Абсолютная величина ВВП дана в текущих ценах и представлена в валюте, следовательно, на нее влияет также валютный курс. Расчет темпов роста ВВП проводился в сопоставимых ценах, выраженных в национальной валюте. Этим объясняется резкое различие абсолютных величин ВВП и темпов роста за 1994 и 1995 гг.

Западные доноры, местные экономисты и некоторые государственные должностные лица соглашаются с тем, что рост в Армении был прибыльным в основном для богатых и что этот рост привел к усугублению неравенства. Главный экономический советник президента РА В. Нерсисянц в ноябре 2001 г. утверждал, что плохой сбор налогов и, следовательно, недостаточный уровень общественных затрат — серьезное препятствие на пути к улучшению уровня жизни. По его мнению, которое разделяется другими экономистами, власти должны обеспечить более справедливое распределение доходов, если они хотят что-либо изменить в жизни большинства людей [13, с. 77].

Специалисты и эксперты международного класса, консультировавшие правительство реформаторов, тем не ме-

нее, сами были не очень удовлетворены ходом и первыми результатами экономических реформ. Д. Линн, заместитель директора Всемирного банка по Европе и Центральной Азии, назвал отсутствие значительного повышения уровня жизни с 1994 г. "экономическим парадоксом". Во время своего визита в Ереван в июле 2001 г. Д. Линн подвел итог следующим образом: "С одной стороны, мы видим значительный рост и макроэкономическую стабильность. Но с другой стороны, мы все еще видим высокий уровень нищеты, а также внутренние и внешние ограниченные капиталовложения. Есть и большой прогресс — политическая реформа и улучшение в законодательстве, но в то же время заметен скептический настрой среди инвесторов и населения". По мнению Д. Линна, труднейшая задача армянского правительства — обеспечить, чтобы "прогресс был выгоден каждому" [13, с. 77].

Для нашего правительства на практике это должно было означать изменение курса экономического реформирования с макроэкономического на микроэкономический. Главные советники экономических реформ в лице Всемирного банка, МВФ и других западных доноров стали утверждать, что, достигнув относительной макроэкономической стабильности, Армения теперь должна сконцентрироваться на улучшении условий для предпринимателей и бизнеса в стране. Например, она должна бороться с распространенной коррупцией, поощрять конкуренцию, а также обеспечить более широкое применение закона. Правительство было согласно с таким методом экономического развития. В тот период парламент принял несколько законов, которые должны были упростить достижение этой цели. Однако ситуация на практике существенно не улучшилась.

Третий этап (1998 г. по настоящее время) проходят по лозунгом "От стабилизации к развитию". В этот период стали намечаться тенденции некоторого экономического роста, в частности за счет сельского хозяйства и капитального строительства. Тем не менее западные специалисты относят Армению к паразитическим авторитарным государствам среднего уровня развития (табл. 2*) [15, с. 37, 38].

* В таблице все цифры округлены до ближайшего целого числа. Начиная с 1997 г. рейтинги имели только одно число для экономики, оно было умножено на 2 для того, чтобы рейтинги этого года соответствовали рейтингам 1998 и 2000 гг.

Таблица 2

Куммулятивные оценки рейтинга стран бывшего соцлагеря в 1997–2001 г.г.

Страны	Оценки рейтинга			
	2001	2000	1998	1997
НАИБОЛЕЕ РАЗВИТЫЙ КЛАСТЕР (демократические государства, ориентированные на рынок)				
Польша	12	12	13	13
Венгрия	16	14	13	13
Чехия	16	15	14	13
Эстония	16	16	16	17
Словения	16	16	16	17
Латвия	17	18	18	18
Литва	18	19	18	19
Средняя	16	16	15	16
СРЕДНИЙ КЛАСТЕР (прогрессивные страны)				
Словакия	21	22	29	29
Болгария	26	28	30	36
Хорватия	28	33	33	33
Румыния	30	30	33	34
Средняя	26	28	31	33
СРЕДНИЙ КЛАСТЕР (паразитические авторитарные государства)				
Грузия	32	31	35	36
Молдавия	32	32	33	32
Македония	33	32	34	34
Армения	34	34	36	36
Албания	34	36	37	35
Средняя	33	33	35	35
СРЕДНИЙ КЛАСТЕР (регрессивные страны)				
Украина	35	36	36	33
Россия	36	34	32	30
Киргизия	38	36	35	34
Средняя	36	35	34	32
НАИМЕНЕЕ РАЗВИТЫЙ КЛАСТЕР (деспотические государства)				
Югославия	40	44	39	–
Казахстан	42	41	40	40
Азербайджан	42	43	43	43
Таджикистан	44	47	48	49
Узбекистан	51	51	51	51
Белоруссия	52	51	50	48
Туркменистан	54	54	54	53
Средняя	46	47	46	47

Подводя итог экономическим реформам истекших десяти лет, известный армянский экономист, академик В.Е. Ходжабекян считает необходимым вернуть процесс реформирования в нужное русло и прежде всего восстановить многофункциональную регулирующую роль государства [16, с. 238]. Резкий уход государства из экономики, разгосударствление собственности привели к тому, что в настоящее время бездействующими оказались 90% приватизированных промышленных предприятий [16, с. 235]. Это есть не что иное, как полная деиндустриализация страны.

Можно констатировать, что на первом этапе, в последней декаде XX в., стратегия постиндустриальной модернизации Армении привела к существенной деиндустриализации страны. При этом архитекторы реформ преимущество отдавали политическим преобразованиям, более того, в самих экономических реформах доминировала политическая компонента иногда в ущерб объективным экономическим интересам. Как пишет В.Е. Ходжабекян, «экономическая политика в Армении осуществляется без учета перспективных закономерностей развития хозяйства, она пытается направить его в "желаемое" русло, пренебрегая реальными возможностями. Подобная политика, оказывая давление на экономику, негативно повлияла на реализацию объективных потребностей, естественного развития экономики» [16, с. 237]. Здесь мы хотим подчеркнуть то обстоятельство, что именно в доминировании политики над экономикой сказывается общая закономерность в стратегии модернизации постсоветских стран. К примеру, в Китае модернизационные процессы почти не затрагивают политического устройства страны при глубоком реформировании социалистической экономики в сторону рыночной.

В странах Латинской Америки модернизация идет под приоритетом либеральных экономических реформ и тоже почти не затрагивает политического устройства, но уже по той причине, что в большинстве из латиноамериканских стран и ранее не было сильной государственной плановой системы управления [17, с. 14]. В странах Восточной Европы, как и в СНГ, модернизация протекает с переходом от административного управления к либерализованной экономике. Отличие лишь в том, что здесь по крайней мере сфера обслуживания и сельское хозяйство не были обобществлены в такой степени, как в бывшем СССР [17, с. 13].

Таким образом, только в постсоветских странах модернизация отличается по сути революционным характером перехода с опережением политического реформирования над экономическим и фактическим переходом от крайних форм административно-командной [17, с. 15] к административно-либеральной системе управления переходной экономикой. Первый ощутимый результат такой модернизации привел фактически к деиндустриализации постсоветского пространства. "Во всех без исключения странах (СНГ) бюджеты были дефицитными, а начиная с 1998 г. все столкнулись с проблемой выплат по внешнему долгу. Иностранные инвестиции так и не хлынули в страны СНГ, промышленность оставалась на низком технологическом уровне и не смогла начать выпускать конкурентоспособную продукцию" [18, с. 56]. Провалы модернизации, как видим, явление не столь редкое.

Что касается постсоветских реформ, то здесь, как нам представляется, главной причиной трансформационного спада и модернизационного срыва была опережающая стратегия политической компоненты реформ, "верхушечный характер" процесса реформирования и отсутствие разработанных национальных моделей перехода или трансформации социальной системы. Поспешность политического реформирования во многом обусловлена боязнью реставрации коммунизма. Многие экономические реформы, проведенные в одночасье решениями правительства или принятием нового закона, были по сути нацелены на придание реформам необратимого характера, но не вытекали из имманентной логики перехода и объективных экономических закономерностей. Архитекторы реформ сокрушали старый режим и основные институты, боясь его быстрого возвращения. Тень ГКЧП маячила перед перестройщиками, подгоняя и ускоряя ход реформ. По мнению некоторых специалистов, масштабы разрушений превосходили ущерб, нанесенный стране Второй мировой войной [19, с. 56, 57]. Вместе с коммунистическим режимом была разрушена экономика страны, социальные отношения, общественная жизнь и частная жизнь многих сотен тысяч граждан.

Известный российский экономист, член-корреспондент РАН К.И. Микульский приходит к неутешительному выводу: "Нынешний этап развития постсоциалистического общества — это не столько этап преодоления системного кризиса псевдосоциализма, который назрел и углублялся в течение ряда предшествовавших десятилетий, сколько

продолжение этого кризиса" [20, с. 6]. Еще одним свидетельством этому, по мысли автора является то, что во всех постсоциалистических странах — хотя и в разной степени — утверждается социальная модель, которая не обеспечивает общественный прогресс, а напротив, приводит к упадку общества. Сложившаяся в настоящее время социальная модель препятствует переходу к социально-ориентированной рыночной экономике и должна быть в корне изменена [20, с. 7].

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ПРИВАТИЗАЦИИ ЗЕМЛИ И ПРЕДПРИЯТИЙ

Процесс приватизации за последние десять лет принято условно делить на три стадии: начальная (1991–1994), крупномасштабная (1995–1998) и замедленная (1998–2001).

Ярким примером приватизации начального периода служит процесс приватизации земли, который Армения провела первой в ряду постсоветских государств в 1991 г. В результате, без выработки целостной политики государственной поддержки, необходимой для сельского жителя, были сформированы около 320 тыс. разрозненных фермерских и коллективных хозяйств. Между тем в сельском хозяйстве все оборудование было предусмотрено для крупного хозяйства [11, с. 59]. Созданные таким образом мелкие хозяйства остались без сельхозтехники, семян и удобрений и без соответствующих средств. Положение усугубилось тем, что в результате приватизации сельскохозяйственной техники она попала в руки отдельным лицам, как правило, бывшим сельским механизаторам.

Новоявленные фермеры вынуждены были перейти к экстенсивному ведению хозяйства с применением физического ручного труда, с превалированием натурального хозяйства первобытного уклада. Вследствие экстенсивного характера занятость в сельском хозяйстве удвоилась. Так, если в 1990 г. доля занятых в сельском и лесном хозяйстве Армянской ССР составляла 17,7%, то уже в 1996 г. она достигла 40,8% всего занятого населения независимой республики [16, с. 235]. При этом из-за отсутствия механизации и средств на мелиорацию 50% всех сельскохозяйственных угодий и без того малоземельной республики не обрабатывается. Вдвое сократилось поголовье скота. Часть

фермеров ведет замкнутое натуральное хозяйство, удовлетворяя главным образом собственные потребности. Цивилизованные формы землепользования и ведения хозяйства на селе так и не укрепились. Дела ведутся по старинке даже без официальной регистрации актов купли–продажи или аренды земли. В результате часть выгодных земельных угодий перешла в руки предприимчивых дельцов и местной сельской администрации.

По предложению RONCO Consulting Corporation [21] в течение января 1999 г. под руководством автора было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение отношения 1000 армянских крестьян, собственников крестьянских хозяйств к процедуре официальной регистрации актов купли, продажи, аренды и других форм экономических отношений в сфере землепользования. Для проведения опроса крестьян совместно со специалистами RONCO Consulting Corporation были отобраны 12 сел в шести марзах республики: Сюник, Ширак, Арарат, Арагацотн, Гегаркуник, Котайк.

Следует заметить, что в Армении, согласно официальной статистике, не более 10% женщин являются собственниками земли [21, с. 6]. Приватизация земли, проведенная в 1990–1991 гг., показала, что в основном собственность на землю оформляется на представителей мужского пола в семье, и только в редких случаях (когда не было совершеннолетнего мужчины) — на имя женщины. Это соответствует традиционному ролевому разделению в армянских крестьянских семьях, где главой семьи, как правило, является мужчина.

Получив земельные участки в собственность в результате приватизации, крестьяне неожиданно столкнулись с целым рядом перешенных проблем. Расформировав совхозы и колхозы в 1991 г. и передав землю в личное пользование крестьянам, новое армянское правительство совершенно без внимания оставило сельскую инфраструктуру. Оставшись без хозяина, механизированные технические комплексы и предприятия на селе быстро пришли в упадок, разворовывались и продавались с молотка. Крестьянин оказался один на один с землей без техники, механизмов, химических удобрений и всего огромного и сложного комплекса агропромышленной инфраструктуры. Сельское хозяйство было низведено до уровня натурального производства. Добавим к этому, что многие жители села, преиму-

щественно молодежь, мигрировали из Армении в тяжелые годы энергетического и экономического кризиса. Произошло "старение" сельского населения. В результате, получив землю в собственность, многие крестьянские хозяйства не смогли обрабатывать ее в полной мере.

Не случайно, на вопрос: "Используете ли вы полностью приватизированный земельный участок или усадьбу?" – около 30% опрошенных ответили отрицательно. Причины такой низкой эффективности землепользования в армянской деревне разнообразны. В качестве первой причины опрашиваемые (те, кто не полностью используют землю) отмечали наличие проблем с водоснабжением (11,6% – первая по значимости причина, 6,4% – вторая по важности). Второй причиной опрашиваемые называли отсутствие средств для ухода и работы на земле (9,4% – первая по значимости причина, 5% – вторая по важности). На третьем по значимости месте причин неполного землепользования опрашиваемые называли плохое месторасположение их земельного участка (высоко, далеко от поливных источников воды и дома, 2 и 4% соответственно).

Заметим, что почти половина опрошенных (32,4%) считает, что в отношении места расположения и размеров выделенного им земельного участка приватизация была несправедливой. По мнению другой половины опрошенных (52,8%), им справедливо был выделен приватизированный земельный участок. То, что мнения опрошенных крестьян разделились поровну, по всей видимости отражает реальное соотношение "хороших" и "плохих" земельных участков.

Тем не менее из результатов опроса видно, что те, кто полностью используют приватизированные земельные участки (70,8%), работают на этих участках всей семьей – 93,8%. Лишь небольшая часть опрошенных (5,6%) сдает в аренду часть своего земельного участка другим людям, поскольку сами не могут справиться в полном объеме. Это еще раз подтверждает вывод о том, что в армянской деревне сохранились элементы архаического землепользования, оно, скорее, носит характер натурального производства.

Экономические отношения, несмотря на быструю приватизацию земли и развитие свободного рынка, все еще слишком слабо развиты. Сельское хозяйство, агропромышленность не включены в достаточной степени в сферу экономики республики, в систему банковского сервиса и международных торговых связей. Агросектор республики, хотя и приватизировался в первую очередь, однако не смог достаточно быстро развиться. И основной причиной этого, на наш взгляд, является общий кризис, в котором находится сегодня экономика республики. Без хорошо развитой экономики, финансово-кредитной системы и соответствующей инфраструктуры агросектор, как свидетельствует опыт Армении, не в состоянии самостоятельно развиваться и вести за собой другие сферы экономики.

Отметим также, что довольно низкий уровень активности крестьян в отношении легализации осуществляемых на селе операций с недвижимостью, который удалось выявить в нашем исследовании, в целом не стал неожиданностью. Низким уровнем активности объясняется слабое развитие экономических отношений между землепользователями в сельском хозяйстве. Кроме того, он отражает некоторую нерешительность и страхи крестьян, связанные с переходом от традиционных и даже архаических, к новым формам экономических взаимоотношений. Их недостаточная решительность зиждется к тому же на отсутствии доверия к властям и различным финансово-кредитным организациям.

Очевидно, что преодоление этих психологических барьеров потребует дополнительных усилий и специальных программ со стороны правительства и соответствующих агентств, что позволит несколько изменить общую атмосферу в сельском хозяйстве в лучшую сторону. Как выяснилось в результате опроса, подавляющее большинство опрошенных крестьян (83,6%) в 1997–1998 гг. никаких операций (купли–продажи, аренды и пр.) с недвижимостью не производили. Небольшой процент (7,4%) лишь осуществил покупку земли, дома или другой недвижимости.

Очень небольшое число операций с недвижимостью уже само свидетельствует о некоторой "замороженности" экономической активности в сельском хозяйстве. Процесс первичного накопления капитала у частных землевладельцев идет очень медленными темпами, приток частных капиталовложений извне (из городских экономических кругов), можно сказать, полностью отсутствует. Поэтому крестьяне пока ограничиваются тем, что им досталось в результате приватизации земли. Это в свою очередь является основной причиной их "экономической непросвещенности".

Промышленная приватизация началась в 1995 г., когда по ваучерной схеме 1110 средних и крупных предприятий были переделаны в акционерные общества, 20% акций которых были распределены среди работников. Первый аукцион по приватизации состоялся в мае 1995 г. и включал 10 средних и крупных предприятий. К концу года сначала 740, а затем 1473 мелких предприятий были проданы. Тем не менее процесс приостановился. В настоящее время ваучерная программа завершена, новые ваучеры не будут выпускаться, а предстоящая продажа будет осуществляться наличными деньгами.

Приватизация так называемых стратегических предприятий сначала была отложена до 1998–2000 гг., но сейчас продвигается вперед. Международные заявки на крупные предприятия привели к активному иностранному участию в приватизации. Правительство поощряло участие в процессе представителей армянской диаспоры. Недавняя продажа крупных предприятий по иностранным заявкам включала телефонную сеть "Арментел", Ереванский коньячный завод, гостиницы "Армения", "Ани" и "Ереван", "Армянские Авиалинии" и службы международного аэропорта "Звартноц", обслуживающего Ереван, а также Разданскую теплоэлектростанцию.

По предложению организации SIBLEY International в марте 2000 г. под руководством автора было проведено социологическое исследование отношения 1000 граждан Армении к приватизации энергетического сектора страны [22]. Разговоры о приватизации электросетей шли давно, и около половины опрошенных (48,5%) слышали об этом. Однако 26,3% из них отметили, что слышали очень мало, а 22% — что вообще не слышали о приватизации. Интересен тот факт, что подавляющее большинство опрошенных (85,4%) уверены, что в вопросе приватизации электросетей правительство РА не принимает во внимание общественное мнение. Две трети (66%) опрошенных считают, что после приватизации они вынуждены будут платить за электроэнергию больше, чем платят сейчас. Все свидетельствует о том, что отношение опрошенных к приватизации в основном негативное. Во время опроса некоторые из них напоминали о негативном опыте приватизиации средств телефонной связи республики — "Арментел" греческой компанией OTE.

Обобщение полученных результатов приводит к заключению, что большинство опрошенных удовлетворены теперешним качеством электрообслуживания и тарифами только по той причине, что бояться, как бы тарифы не поднялись. Их в основном заботят высокие тарифы, которые делают большинство из них неплатежеспособными. По мнению опрошенных, в этом кроется причина того, что тарифы в Армении выше, чем в соседних странах, и что некоторая часть населения не платит за электричество. Надо также отметить, что расходы на электричество опрошенные ставят в сравнение со средней зарплатой и средним месячным доходом семьи.

Кроме того, они считают, что в случае приватизации электросетей предпочтительнее местные инвесторы, а не иностранные. По их мнению, основным недостатком энергетического сектора является взятничество работников на всех уровнях. Опрошенные также озабочены отрицательным воздействием производства электроэнергии на окружающую среду и, в частности, на экологию озера Севан, а также проблемой безопасности атомной электростанции. Заметим, что в конце концов в июле 2002 г. электросети были приватизированы и отошли в собственность частной английской компании "Midlend Resource". Таким образом, все опасения опрошенного населения начали оправдываться.

Крупномасштабной стадии приватизации предшествовала частично бесплатная приватизация: 20% балансовой стоимости государственного имущества было безвозмездно отдано работникам приватизирующихся предприятий, имеющим, как минимум, годовой стаж работы. Фактически, в течение нескольких месяцев 1994–1995 гг. 1110 средних и крупных предприятий различных сфер экономики (53% общего количества) было приватизировано именно таким образом, благодаря чему было предотвращено повальное обворовывание предприятий, а также началось образование малочисленного слоя собственников. В результате 126 571 гражданин Республики Армения стал акционером — беспрецедентный факт для бывших социалистических стран. Однако это никак не способствовало росту деятельности приватезированных предприятий.

Власти РА избрали путь бесплатной приватизации. Согласно закону, 30% стоимости предприятий, участвующих в программе приватизации, было разделено на равные части и распределено среди населения республики в виде

сертификатов стоимостью 20 тыс. драм каждый [11, с. 59, 60]. Общая сумма, полученная при приватизации государственного имущества, за последние годы составила 130 926,4 млн. драм (около 276,3 млн. долл. США), из которой 48,7% заплачено сертификатами [11, с. 60]. Приватизация ускорила темп в 1998 г., вслед за новым законопроектом, принятым в 1997 г. Мелкомасштабная приватизация почти завершена, а крупные предприятия приватизируются с активным участием иностранцев, поощряемым правительством.

Хотя процесс приватизации значительно замедлился в конце 1996–начале 1997 г., новый закон о приватизации и новые приватизационные правительственные программы, принятые в декабре 1997 г., делали ставку на аукционы наличности и предоставляли иностранным инвесторам те же права, что и местным. Минимальная закупочная цена предприятий, проданных с ваучерных аукционов, была снижена с 50 до 25% оцененной стоимости. Эти меры подняли волну новых торгов.

После принятия закона о приватизации общая сумма, полученная с продажи "маленьких" объектов, составила 26893,8 млн. драм (около 59.5 млн. долл. США), из которой 88,7% получено за счет сертификатов. На рисунке 1 представлены темпы продаж "маленьких" объектов (включая объекты, выкупленные арендаторами, и объекты, отделившиеся от крупных предприятий) [11, с. 60].

Получив ваучеры в качестве личного куска из огромного пирога социалистической собственности, граждане независимой республики, не имея реальной альтернативы, очень скоро продали их за 30–40% номинальной стоимости. Из 3 млн. сертификатов, розданных безвозмездно населению, в течение нескольких последующих лет только 7% населения приняло участие в приватизации промышленных объектов [23, с. 40]. Это означает, что через несколько лет все розданные населению сертификаты скопились в руках небольшой группы бизнесменов, составляющих 7% населения. Подавляющее большинство населения предпочло продать ваучеры (приватизационные сертификаты) и не участвовать в процессе приватизации.

Причиной тому была прежде всего бедность, необеспеченность основной части населения. Можно также отметить плохую организацию всего процесса приватизации госимущества, из которого фактически главный его участник — население страны — был вытеснен, не без корыстного рвения государственных чиновников, управленцев и

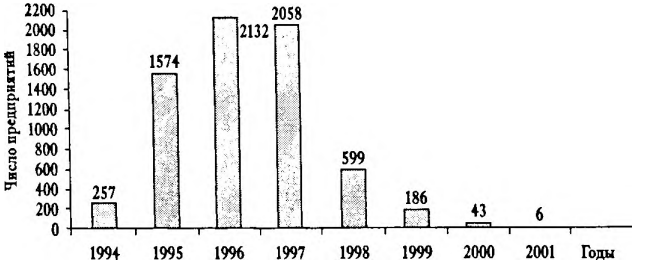

Рис. 1. **Процесс приватизации "маленьких" объектов в Армении**

директоров крупных и мелких предприятий, которые прибрали к рукам всю собственность. Эти и другие фундаментальные просчеты постсоветской модернизации уже многократно подвергались жесткой критике. Не случайно приватизацию в народе окрестили "прихватизацией". Верхушка общества, ее "элита" от такой приватизации только выиграла, за бесценок скупив предприятия, фабрики, объекты торговли и сферы обслуживания. В течение короткого времени она стала обладателем огромной недвижимой собственности. Катастрофически возросло имущественное расслоение общества. Процесс модернизации был сорван.

Обобщая, можно сказать, что ожидания народа, связанные с приватизацией государственных предприятий, так и не оправдались: не появился слой частных предпринимателей; не сформировался эффективный рынок; значительно уменьшилось количество действующих предприятий, в результате чего увеличилось число безработных; капиталовложения, сделанные с целью приватизации предприятий, оказались недостаточными для их задействования [11, с. 65]. С уверенностью можно утверждать, что процесс приватизации недостроенных объектов провалился. Сегодня приватизированы 48 объектов на сумму 511,4 млн. драм (приблизительно 1.0 млн. долл. США) [23, с. 66].

По своим масштабам и значению очень важной являлась приватизация средних и крупных государственных акционерных обществ. Начиная с 1995 г. было приватизировано 1562 акционерных общества, или 63,4% запланированного количества, включая 900 обществ, предусмотренных программой приватизации на 2001–2003 гг. (рис. 2) [23, с. 66].

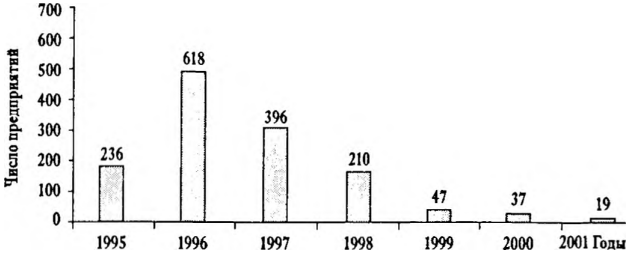

Рис. 2. **Приватизация средних и крупных государственных акционерных обществ в Армении**

К концу 1998 г. более 1400 средних и крупных предприятий (57,3% общего числа) и 6600 мелких предприятий (90% общего числа) были приватизированы. Вдобавок было зарегистрировано 18 иностранных заявок на крупнейшие предприятия. Шесть из них были проданы, остальные был приватизированы уже к 2004 г. Правительство завершило приватизацию 770 средних и крупных предприятий, продав около 470 предприятий в 1999 г., а остальные — в 2001 г. [23, с. 66].

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Парадоксальным является то, что хотя целью модернизации советского общества было раскрепощение его имманентных сил для достижения более высокого, современного цивилизационного уровня, общество, избавившись от "родимых пятен" социализма, однако, приобрело новые, не менее опасные язвы в виде безработицы, обнищания и криминализации.

Приватизация, пожалуй, представляет собой центральное звено в цепи экономико-институциональных реформ. Целью ее в социальном аспекте было создание нового класса собственников. Однако было бы ошибочным считать, что слой собственников и богачей не существовал еще в недрах советского строя. Кооператоры, цеховики, спекулянты, торгаши, с одной стороны, директорский корпус крупных промышленных предприятий, с другой, давно уже заложили

фундамент частного сектора предпринимателей и капиталов большого бизнеса. Не случайно, все эти кооперативы, цеха, биржи возникали вокруг промышленных гигантов как своего рода небольшой придаток для быстрого оборота контролируемых администрацией огромных средств. Директорский корпус еще в советское время научился извлекать личную прибыль из зачастую ими самими создаваемой теневой экономики и неучтенки, "левого" производства, и много другого. По тогдашним меркам, это были очень большие деньги. Таким образом, нелегальные, полулегальные, или "подпольные", миллионеры, как тогда их окрестили, существовали задолго до введения частной собственности и приватизации экономики.

Другое дело, что с середины 1980-х годов советское государство само стало предпринимать определенные шаги в сторону смешанной экономики за счет сужения госсектора и предоставления некоторых свобод мелким предпринимателям. Еще внутри социалистического госсектора начался процесс квазиприватизации или, иначе говоря, стихийного перераспределения капитала государственных предприятий в пользу их администраций [24, с. 120, 121]. Конечно, это происходило в рамках расширения самостоятельности госпредприятий, внедрения арендного подряда, других форм предпринимательства и некоторого снижения управленческой роли государства в экономике.

Уже в новых условиях крупномасштабной приватизации директорский корпус не растерялся и даже попытался извлечь определенные личные выгоды из хаоса, дезинтеграции, отсутствия контроля министерств и почти полной самостоятельности. Он адаптировался к "шоковым" реформам и, возможно поэтому, не очень сильно сопротивлялся им. После "шоковой терапии", экономического кризиса, крупномасштабной приватизации, после всех потрясений "директора не только остались ключевыми фигурами на уровне микроэкономики, как это было в условиях административной системы, но и значительно усилили свои позиции" [24, с. 125]. По наблюдениям российского экономиста А.С. Бима, директорам удалось в условиях глубокого экономического кризиса реализовать свои индивидуальные и корпоративные интересы [24, с. 126].

Многие авторы подчеркивают поразительную живучесть старых структур социальной системы, высокий уровень их адаптивности и одновременно сопротивляемости рефор-

мам. На этом собственно базируется концепция "зависимости от пути" [25, с. 63], которая выделяет линию исторической траектории каждой страны в судьбе и ходе процессов трансформирования. Каждая страна обладает индивидуальным наследием групповых интересов, противостояний кланов, которые в период трансформации пытаются защитить свои интересы и отстоять свои позиции в политике и экономике. Это накладывает особый индивидуальный отпечаток на ход экономической трансформации. "Зависимость от пути" уходит в глубокое прошлое. Стремление новых менеджеров обходить законы и даже жульничать невозможно понять в условиях новых экономических практик, если не учитывать лежащие в их основе социалистические или даже досоциалистические привычки. Насколько бы иррациональным не считалось наследие прошлого, оно зримо присутствует в экономическом поведении современных бизнесменов, что никак не объясняется стандартной теорией перехода и экономической целесообразностью.

Дело в том, что экономика как бы "встроена" в социально-историческую систему, она вплетена в нее и неразрывно связана с культурным слоем [26]. Формы собственности, которые образуются в результате приватизации, тоже зависят от индивидуального "исторического пути" каждой данной страны. Французский ученый Д. Мартэн по этому поводу пишет: «Везде обращают на себя внимание влияние коммунистического прошлого и национальные различия, и повсюду преобладают "гибридные" решения, похожие скорее на "институциональные самоделки", чем трансформацию на основе строгого подражания странам Западной Европы» [25, с. 64]. Возникающие повсюду в постсоветских странах смешанные формы собственности подсказывают, что экономическая трансформация здесь вовсе не следует "классическим канонам англосаксонской рыночной экономики" [25, с. 65], а скорее, рождает новые причудливые конфигурации, которые развиваются не из ничего, а из прошлой экономической практики. Поэтому трансформация выглядит как переделка старого, а не чистое творение нового.

Д. Мартэн отмечает, что некоторые исследователи называют результаты реформ Восточной Европы "реформированной социалистической системой" [25, с. 65], чтобы подчеркнуть общее наследие этих стран. Хотя реформы в каждой стране протекают по-своему, в них, конечно, прогладывается много общего. В случае Армении, например, также нельзя утверждать, что экономическая трансформация привела к чистому переходу от государственного регулирования к рыночному. Государство ушло из экономики, однако оно сохраняет свою могущественную роль и возможность вмешиваться в ход реформ.

В Армении создан смешанный, гибридный вариант "реформированной социалистической экономики", где, наряду с рыночными механизмами регулирования, существуют государственные, а также, может быть не менее сильные, клановые регуляторы. Общество в минимальной степени участвует в экономических процессах. В результате приватизации широкий класс собственников так и не был создан. Госсобственность перешла в руки узкой экономической элиты, которая напрямую сращена с властными структурами. Власть и бизнес нашли общие интересы, хотя попрежнему сохраняется внутриклановая и межклановая борьба и разборки. Рыночная экономика в целом ряде секторов оказалась безконкурентной или даже просто монопольной. Постсоциалистический рынок без развитой конкуренции, достаточно эффективно управляемый клановогосударственными регуляторами, — приблизительно такой представляется сегодня армянская модель экономической трансформации. Безучастность широких слоев населения к приватизационным процессам также накладывает особый отпечаток на характер армянской модели трансформации.

По сути, экономические реформы, и в частности приватизация, должны были в социальном плане привести прежде всего к серьезным изменениям в социально-экономической структуре общества, создать предпосылки для формирования новых социальных слоев и групп, обусловить глубокие перемены в интересах этих групп, в их мотивационной структуре и ролевом поведении. В более широком социальном контекст важными измерениями модернизации являются рост производительности и повышение уровня образования, особенно высшего, — стратегических переменных модернизации. Определенные изменения в этих сферах наблюдаются (особенно в образовании), однако, явно недостаточные, чтобы считать модернизацию успешной.

Пытаясь обобщить проблемы модернизации во всех постсоциалистических странах, известный швейцарский ученый Я. Юхлер пишет: "Не следует удивляться хорошо

документированному в докладах факту, что в целом явное большинство недовольно результатами процесса трансформации, не только в плане личной финансовой ситуации, но особенно воспринимаемым качеством общества" [27]. В этом пункте в социальном сознании реформируемого армянского общества нами выявлены сходные тенденции.

По предложению SIBLEY International, IBTCT и PWC, в течение февраля 1999 г. под руководством автора было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение отношения граждан Армении к экономическим реформам и процессу приватизации в целом [28].

Общее отношение населения к экономическим реформам в Армении лучше всего видно из ответов на вопрос: "По вашему мнению экономические реформы в целом содействовали экономике Армении?". Так, 34,1% опрошенных ответили, что реформы ничем не содействовали экономике страны, 39,3% — что они даже ухудшили ситуацию в Армении. Фактически две трети опрошенных (73,4%) отвергли положительное воздействие реформ. Одна пятая часть (20,1%) считает, что реформы в какой-то степени способствовали развитию республики. Небольшой процент опрошенных (1,3% — всего 15 человек из 1200 опрошенных) ответил, что реформы очень способствовали экономике Армении.

Интересно отметить, что молодые люди (18–30 лет), более положительно оценивают воздействие реформ на экономику Армении: 1,7% ответили, что реформы очень способствовали ее развитию, а 26,7% — что реформы в какой-то степени способствовали. Из представителей старших возрастных групп (61 год и старше) только 16,7% ответили, что реформы в какой-то степени способствовали развитию экономики Армении, 52,1% считают, что они даже нанесли вред.

Что касается оценки воздействия реформ на экономику страны представителями различных социальных групп, то следует отметить: чаще давали положительные оценки студенты и бизнесмены, затем — служащие и представители интеллигенции. Само собой напрашивается вывод: более лояльные оценки реформам дают образованные, интеллектуально подготовленные слои общества. Скорее всего, это объясняется тем, что интеллектуалы судят о реформах не столько по прямым их результатам (как, видимо, делают пенсионеры, домохозяйки, рабочие и безработные), сколько по их идейной направленности, логике общего преобразования социального порядка, целям, достижение которых реформы призваны обеспечить.

Информацию о реформах население черпает главным образом из одного и того же источника — из телевидения (77,8% ответов), остальные получают ее из газет (5,5%), по радио (8,5%), слухов и разговоров (7,5%) и только 0,7% — из государственных органов.

Оценка населением приватизации в целом почти такая же, как и экономических реформ: 25,8% опрошенных считают, что приватизация ничем не способствовала экономике Армении, а 46,5% даже отметили, что она нанесла вред. Таким образом, около 72,3% опрошенных оценивают воздействие приватизации негативно. Только 2,1% отметили, что приватизация очень способствовала развитию экономики, а 21,3% — способствовала в какой-то степени.

Женщины в своих оценках несколько более категоричны, чем мужчины. По мнению 74,3% опрошенных женщин, приватизация ничем не способствовала или даже навредила экономике Армении. Аналогичный ответ дали только 60% опрошенных мужчин. Старшие возрастные группы респондентов более негативно оценивают воздействие приватизации, чем молодежь.

Студенты и бизнесмены вновь отличились в ответах на вопрос о приватизации. Многие из них считают, что приватизация способствовала развитию экономики Армении, и редко представители этих социальных групп давали ответы типа "приватизация даже навредила экономике" (21,1% — опрошенных студентов и 24,4% — бизнесменов, в то время как среди остальных социальных групп процент подобных ответов в среднем равнялся 46–47%).

На вопрос: "В правильной ли форме осуществлялась приватизация в Армении?" — больше половины опрошенных (55,8%) ответили, что приватизация проводилась неправильным образом. Еще 22,8% считают, что ее вообще не следовало проводить. Только 15,5% признали, что приватизация проводилась правильно или почти правильно. Среди последних доля молодых людей и людей с высшим образованием несколько больше. Странно, что большая часть бизнесменов считает, что приватизация проводилась почти неправильно (51,2%) или неправильно (31,7%). Однако студенты, интеллигенция и служащие оценивают процесс приватизации положительно.

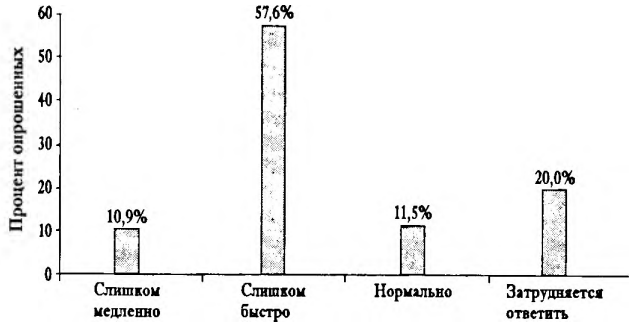

Рис. 3. **Темпы приватизации в Армении по оценке населения**

Больше половины опрошенных считает, что приватизация проводилась слишком быстро, 10,9% — что она проводилась слишком медленно. И лишь по мнению 11,5% темпы приватизации были нормальными (рис. 3).

Опрошенные высказали свое мнение относительно прозрачности процесса приватизации. Большинство (57,8%)придерживается мнения, что правительство Армении провело приватизацию не открытым путем и не прозрачно. Еще 26,1% опрошенных считает, что процесс приватизации был лишь частично открытым и прозрачным. И только по мнению 3,3% опрошенных процесс приватизации правительство осуществляло открытым и прозрачным образом.

Как видим, доверие населения к открытости действий правительства невысокое. Когда нет особой поддержки и доверия со стороны широких слоев населения, нелегко обеспечить их участие в процессах приватизации. А следовательно, приватизация общественной собственности — процесс перехода от государственной формы собственности преимущественно к частной форме — в Армении прошла (и проходит) фактически без широкого участия всех слоев населения. Общественная собственность, сконцентрированная прежде полностью в государственном секторе, сейчас переходит и концентрируется в руках небольшого слоя частных владельцев.

Реформа экономики, либерализация экономических отношений и создание свободного рынка, наряду с разгосударствлением общественной собственности, должны были по идее создать огромный класс мелких и средних собственников, так называемый средний класс, который и должен был стать гарантом необратимости экономических и политических реформ. Но в Армении этого не произошло.

Экономические преобразования и, в частности, приватизация государственной собственности, не поддержали уже идущие процессы демократизации общества, даже наоборот, помешали им. Приватизация в Армении, с одной стороны, породила огромную армию безработных или слишком низкооплачиваемых работников и привела к массовому обнищанию населения. С другой стороны, она способствовала образованию очень узкого слоя монопольно владеющих крупных собственников. Небольшие группировки (или кланы) в настоящее время контролируют подавляющую часть экономики страны и полностью управляют теневой экономикой. Это, пожалуй, главный отрицательный итог процесса приватизации в Армении, чем собственно и недовольно большинство населения.

Характерно, что опрашиваемые не жаловались на отсутствие информации о приватизации. Но они недовольны качеством информации, а точнее тем, как приватизация реализуется, т.е. не прозрачно и не открыто. Люди знают, что идет приватизация, но "как", "где", "что" и "для кого" остается для них недоступно. Это служебная или коммерческая информация для особо посвященных. Отсюда и делается вывод о том, что государственные чиновники сознательно не вовлекали широкие массы людей в процесс приватизации.

Неучастие и слабая вовлеченность экономически активного населения в проводимые реформы начинает тормозить сами реформы. Этого следовало ожидать и боятся тем, кто планировал и осуществлял либерализацию экономики в Армении. Очень высокий темп реформ оставил значительную часть населения позади ушедших вперед процессов. Экономические реформы во многом диктовались политическими целями, а не исходили из реалий и научно обоснованных расчетов. В такой ситуации чиновничий слой воспользовался служебным положением и за бесценок прибрал к рукам и перепродал значительную часть разгосударствленной собственности. Население сознательно было отстранено от этих процессов. В результате общество не приняло участия в реформах, не поддержало их и в целом

негативно оценивает направление, темпы и цели реформирования. Это, в свою очередь, серьезно подрывает социальную базу реформ, а общество платит очень высокую социальную цену за реформирование.

Литература

1. *Bell D.* The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge (Ma) — L: Harvard University Press, 2000. P. XI–XXVIII.
2. *Иванов В.В.* Теория и реальность осуществляемых реформ // Куда идет Россия?.. М., 1994. С. 8.
3. *Ханин Г.И.* Эволюционный путь перехода к рынку в России // Куда идет Россия?.. М., 1994. С. 22.
4. *Лацис О.Р.* Реплика // Куда идет Россия?.. М., 1994. С. 47.
5. *Клепач А.Н.* Экономика неравновесия. Адаптация российской экономики к денежным регуляторам (1992–1994 гг.) // Куда идет Россия?.. М., 1995.
6. *Аукционек С.П.* Кризис переходного периода: микроэкономический аспект // Куда идет Россия?.. М., 1995. С. 84.
7. *Красильщиков В.А.* Реплика // Куда идет Россия?.. М., 1995.
8. *Карагодин Н.А.* Опыт стабилизации в развивающихся странах и ситуация в России // Куда идет Россия?.. М., 1995. С. 76.
9. *Бузгалин А.В.* Закономерности переходной экономики // Куда идет Россия?.. М., 1995.
10. *Затикян А.* Пути социально-экономического развития глобализации в Армении // Глобализация и демократия: соперники или союзники? Ереван, 2002.
11. 10 Years of Independence and Transition in Armenia. NHDR Armenia, UNDP, 2001.
12. Особенности и стадии экономических преобразований в Армении 1991–1998 гг., Ереван: Министерство статистики РА, 1999.
13. *Sherman W. G.* Troubles to Come: Tne Emerging Security Challenges in the Ballans and the Former Soviet Union // Nations in Transition 2002. Freedom House, USA, 2002.
14. Программа денежно-кредитной политики 2001 г. ЦБ РА.
15. Nations in Transition 2001. Freedom House, USA, 2001.
16. *Ходжабекян В.* Формирование рыночных отношений и роль государства в Республике Армения // Социально-экономические проблемы переходного общества: из практики стран СНГ. М.: Наука, 2000.
17. *Нещадин А.* О мировом опыте реформирования общества // Социально-экономические проблемы переходного общества: из практики стран СНГ. М.: Наука, 2000.

18. *Козик Л.П., Кохно П.А.* СНГ: реалии и перспективы. М.: Юридический мир ВК, 2001.
19. *Яковец Ю.* Россия и СНГ в постиндустриальном цивилизационном пространстве XXI века // Социально-экономические проблемы переходного общества: из практики стран СНГ. М.: Наука, 2000.
20. *Микульский К.* О современной фазе системного кризиса постсоциалистического общества и механизмах его преодоления // Социально-экономические проблемы переходного общества: из практики стран СНГ. М.: Наука, 2000.
21. Sociological Survey in Villages of Armenia.Yerevan, 1999.
22. Electric Power Sector. Public Opinion Survey. Yerevan, 2000.
23. Human Development Report. Armenia 1997. UNDP.
24. *Бим А.С.* Социальные аспекты приватизации // Куда идет Россия?.. М., 1995.
25. *Мартэн Д.* Социальные измерения трансформации и модернизации: теоретические уроки эмпирических исследований // Социологические исследования, М.: 2002. №8.
26. *Granovetter N.* Economic action and social structure: the problem of embeddedness // American Journal of Sociology. 2001. №XCI. P. 481–510.
27. *Юхлер Я.* Достаточно ли "модернизации"? // Социологические исследования. 2002. №8. С. 75.
28. Economic Reforms in Armenia. Public Opinion Survey. Yerevan, 1999.

ГЛАВА III

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ДЕМОКРАТИИ

МНОГОПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В АРМЕНИИ

Построение независимого демократического государства оказалось делом далеко не легким. После семидесятилетия советской власти новый мир, появившийся на обломках СССР, все еще оставался советским по своему духу. Формирование и развитие демократических институтов нового общества не всегда шло гладко. Ноша независимости не всем молодым государствам оказалась по плечу [1].

За истекшие годы независимого государственного строительства в странах СНГ сложились различные модели политической самостоятельности. Эти различия в основном проистекают от неоднородности политической культуры и уровня этнической толерантности населения, а также реального желания и политической воли правящих элит в демократизации обществ [1, с.63]. По мнению известного российского ученого Э.А. Паина, наиболее устойчивая политическая ситуация сложилась в государствах Прибалтики, а также в Армении. "С некоторыми оговорками, к политически стабильным государствам демократического типа можно отнести Армению, по крайней мере, политическая борьба здесь в целом не выходила за рамки обычной для демократических обществ парламентской полемики" [1, с. 63, 64], – писал он в одной из своих работ в начале 1995 г. Тогда, конечно, никому в голову не могло прийти, что спустя несколько лет в армянском парламенте во время заседания зверски будут расстреляны премьер-министр, спикер парламента, два его заместителя и четыре депутата. Политическая борьба в демократической Армении накалилась настолько, что придала столь неожиданное развитие "парламентской полемике". Этим актом вандализма, пожалуй, завершился недолгий период демократической стабильности в Армении. Страна пополнила многочисленные ряды постсоветских государств, находящихся между двумя полюсами: сильным режимом личной власти при жестком подавлении оппозиции и режимом неустойчивой демократии с авторитарными тенденциями [1, с. 64]. Демократические институты нового общества хотя и были созданы и закреплены в конституции, однако, в реальной социальной практике они пока остаются недостаточно развитыми, для того чтобы самостоятельно поддерживать процесс демократизации общества.

Таблица 3

Динамика образования партий в Армении

Годы регистрации	Новые партии	Всего партий
1991	20	20
1992	8	28
1993	4	32
1994	10	42
1995	7	19
1996	4	53
1997	7	60
1998	17	77
1999	11	88
2000	9	97
2001	7	104
2002	12	114

В настоящей главе мы обсудим проблемы развития многопартийной системы в Армении, механизма партиципаторной демократии и участия населения в выборах, процесс становления "четвертой власти" и элементов гражданского общества.

Политический спектр Армении не испытывает недостатка в разнообразии. Избавление от советской однопартийной системы привело к возникновению растущих как грибы новых партий, число которых в 2002 г. достигало 114 (табл. 3). Большая часть партий учреждена в 1991 г. Это в основном связано с тем, что в течении 1988–1991 гг. многие партии фактически были учреждены, однако, не были официально зарегистрированы по причине отсутствия соответствующего закона. 26 февраля 1991г., Закон "Об общественных и политических организациях", принятый Верховным

советом РА, положил начало многопартийной системе в республике. Уже существующие партии получили право регистрации, прежде всего те из них, которые имели достаточную финансовую силу и местные организации в различных марзах.

Безусловно, у многих партий такой возможности не было. Число членов партий устанавливается приблизительно, поскольку подавляющее большинство партий не имеет членских карточек, и трудно определить, кто поддерживает данную партию, а кто является ее членом.

История политических партий едва насчитывает 150 лет. Известный французский политилог М. Дюверже замечает, что еще в 1850 г. практически ни в одной стране мира, кроме разве что в США, не было политических партий [2, с. 21]. И всего через 100 лет, в 1950 г., партии уже представляли собой важный политический институт во всех цивилизованных странах. Обычно генезис партий происходил в рамках электоральных и парламентских структур. Но они вполне могут возникать как свободные объединения граждан с общими политическими интересами. Такие объединения очень часто формируются на основе различных обществ, ассоциаций, клубов, деятельность которых проистекает за пределами парламента и выборных кампаний. Однако во всех случаях партии преследуют одинаковую цель — борьба за политическую власть и ее исполнение [2, с. 22].

Обычно тоталитарный режим отождествляется с однопартийной системой, как это было в советское время, а демократия — с плюрализмом. В общем и целом это верно. Хотя известно также, что в демократической Испании функционирует однопартийная система, как и в ряде стран Латинской Америки. А в социалистической ГДР существовала многопартийная система, как, впрочем, и в Польше, и в Венгрии.

Сегодня наиболее распространенными формами плюрализма являются двухпартийная или многопартийная системы. В Армении установился режим многопартийности. Этот феномен достаточно хорошо изучен на историческом примере развития институтов демократии в Западной Европе. Заметим, что под классической многопартийностью понимается двухпартийная система или по крайней мере функционирование трех-четырех партий. Большее количество партий, как правило, представляется чем-то исключительным, выходящим за рамки общей закономерности. Причины полипартийности разнообразны. В классическом политическом анализе, выделяют три основные причины возникновения полипартийной системы:

• образование партий по этническому признаку, наподобие землячеств (в Австро-Венгрии перед началом Первой мировой войны существовало 20 партий, в том числе партийные объединения австрийцев, венгров, чехов, хорватов и др., в довоенной Чехословакии — 14 партий, включая венгерскую, словацкую, немецкую и т.д.) [2, с. 299];

• дробление правой партии на несколько правых партий, обусловленное глубоко индивидуалистическим характером и дифференцированностью слоя капиталистов, которые эти партии, как правило, представляют;

• феномен "синистризма": новые левые оттесняют прежних левых на позиции правоцентристов или даже правых, тем самым увеличивая число партий в правом крыле политической системы.

В Армении, можно с уверенностью сказать, ни один из классических механизмов генезиса полипартийности не возымел действия. Причиной беспрецедентного партийного плюрализма здесь может быть только совершенно особая историко-культурная ситуация, когда общество после долгих лет вынужденного однопартийного режима вдруг получило свободу и неограниченные возможности создания различных объединений граждан, в том числе политических партий. Феномен полипартийности характерен для всего постсоветского пространства. Например, в Киргизии в 1990 г. было 40 партий, в Эстонии в 1998 г. — 28 партий, в Болгарии в 2001 г. только в парламентских выборах участвовало 54 партии, в Словакии в 2001 г. зарегистрировано 110 партий, в Словении в 1999 г. — 34 партии, в России в 2002 г. — 59 партий, 35 политических организаций и 104 политических движения, на Украине в 2001 г. насчитывалось 126 политических партий, даже в Белоруссии в 2002 г. было 18 партий, в Грузии в 2001 г. — 145 партий, в Азербайджане на парламентских выборах 2002 г. было заявлено 13 партий (центризбирком зарегистрировал 8). Только в одной постсоветской республике — Туркменистане — официально зарегистрирована одна единственная партия — Демократическая партия Туркменистана, возглавляемая президентом Ниязовым [3].

Огромное многообразие политических партий в пост-

советских государствах с трудом поддается какой-либо классификации и типологизации и совсем не поддается объяснению классическими причинами, формирующими полипартийность. Относительно армянской полипартийности с уверенностью можно сказать, что она отчасти объясняется склонностью армян к индивидуальному началу, личной амбициозностью и некоторыми элементами анархии в их психологическом складе. Кроме того не будем забывать, что сам механизм пропорционального представительства в избирательной системе приводит к многопартийности [2, с. 303].

Обычное разделение политических партий на правых, левых и центристов, или на консерваторов, демократов, республиканцев и социалистов, можно применить и к армянским партиям (скорее, к первой десятке из огромного списка партий). Однако это не очень эффективный механизм анализа, поскольку многие из зарегистрированных партий существуют только на бумаге, другие состоят из одного или нескольких членов. Система членства в партиях носит преимущественно открытый характер. Лишь несколько партий соблюдают строгие правила приема, с выдачей членских билетов и уплатой партийных взносов, как это делали коммунисты в свое время. Сейчас даже сами партии не ведут точного учета своих членов и лишь приблизительно могут называть цифры, как правило, симпатизирующих им, или симпатизантов.

По своей партийной инфраструктуре большинство армянских партий относится к типу "прямых", где предполагается индивидуальное членство физических лиц. Непрямые партийные организации опираются на профсоюзы, рабочие кооперативы, крестьянские ассоциации или другие формы первоначального объединения своих членов. Непрямые партии — это, как правило, крупные партии типа коммунистических и социалистических. К ним можно отнести Коммунистическую партию Армении (КПА) и Армянскую революционную федерацию "Дашнакцутюн" (АРФД). Эти и некоторые другие партии имеют сложную инфраструктуру, включающую партийные комитеты и первичные организации (ячейки) на местах, в различных марзах страны.

Внутри таких партий, как правило, существует несколько категорий членов — от самого "близкого" круга лидеров до широких слоев симпатизантов и сочувствующих.

Членство в партиях бывает постоянным или временным. Некоторые члены, вступив в партию, какое-то время активно участвуют в мероприятиях, затем постепенно отходят в сторону, а порой и просто забывают о своем членстве. Они не обновляют ежегодно свое членство в данной партии, иногда переходят в другую партию. Это вполне характерное явление для некадровых, полумассовых партий, каковыми являются известные армянские партии. Интересно, что по типу финансирования избирательных кампаний армянские партии, скорее, относятся к кадровым. Это тип партий, в которых финансирование осуществляется определенным кругом лиц, заинтересованных в победе на выборах и обладающих большим капиталом, а также занимающих солидное место в экономической или финансовой бизнес-среде общества [2, с. 117].

Классические кадровые партии не заинтересованы в увеличении членства, поскольку рядовые члены партии не играют никакой роли и не имеют влияния на ее политику. Массовые партии, наоборот, основывают свои избирательные кампании на широком привлечении членов и их средств. Они взваливают таким образом финансовый груз на своих соратников и потому заинтересованы в рекрутировании новых членов.

Широко известные армянские партии, такие как КПА, АРФД, Народная партия Армении, ЛДП "Рамкавар-Азатакан", Армянское общенациональное движение и другие, скорее, можно отнести к смешанному типу полумассовых партий. Они открыты для новых членов и заинтересованы в расширении как своих рядов, так и числа симпазантов и сочувствующих. Но рядовые члены и здесь не имеют особого влияния на политику партии, особенно в финансовом плане. Деньги на предвыборные кампании предоставляет, как правило, небольшое число спонсоров, частных фондов или богатых членов партии.

Только четыре современные политические партии Армении имеют солидный исторический опыт партийной работы. Это традиционные партии АРФД, СДП "Гнчак", ЛДП "Рамкавар-Азатакан" и КПА, наследница бывшей Компартии Арм ССР. Они обладают глубокими традициями партийного строительства и политической деятельности, хотя условия их деятельности в независимой Армении резко отличаются от тех, в которых они сформировались и функционировали долгие годы. Три традицион-

ные армянские партии были партиями диаспоры и не принимали никакого участия ни в политическом управлении тех стран, в которых действовали, ни в политической борьбе за власть в этих странах. Однако иногда они оказывали очень серьезную поддержку тем или иным политическим силам и лидерам в их предвыборной борьбе.

Армяне диаспоры нередко занимали (и занимают) высокие посты в государственных и выборных органах иностранных государств. При этом они могли быть активными членами той или иной традиционной армянской партии. Несмотря на это, их назначение на должность или избрание на высокий пост было обусловлено не принадлежностью к одной из армянских партий, а членством в Демократической или Республиканской партии США, например. Коммунисты, напротив, обладали опытом политического руководства государством, но их опыт ограничивался историческими рамками рухнувшей тоталитарной империи. Таким образом, для всех четырех традиционных партий вновь образовавшаяся независимая демократическая армянская республика явила совершенно иной ряд политических практик, несвойственных для их исторического опыта.

Что касается остальных более чем 100 армянских партий, то они появились на свет за короткие годы независимости. Многие из них образовались усилиями одного человека, сплотились вокруг одной личности. Некоторые из них по типу организации и генезису напоминают, скорее, предысторические партии, которые представляют собой личные кланы, скопления людей вокруг одного или нескольких вожаков. "Карманные" партии и клиентелы среди армянских партий довольно распространены. Они повторяют предысторический опыт европейских партий, но, возможно, такова логика развития партийного движения повсюду, где партии только зарождаются. В Европе интерес к политическим партиям давно угас. Знаменательно, что и в Армении общественный интерес к политическим силам и партиям значительно сузился. Российские философы, в свою очередь, отмечают падение интереса населения к политике, ослабление роли политических партий и сокращение сферы публичной политики в целом [4, с. 43]. Сказывается разочарование населения в политических партиях и действие социального и политического отчуждения различных слоев общества. Существенно проявление и другого более широкого социального феномена — кризиса доверия.

Согласно закону о политических партиях, подписанному президентом РА 7 августа 2002 г., для учреждения политической партии должны быть обеспечены некоторые необходимые условия. Например, каждая партия должна иметь по меньшей мере 200 членов и филиал не менее чем в трети марзов РА, включая Ереван. Для регистрации, не позднее, чем через три месяца после учредительного собрания партии, государственным властям должен быть предоставлен пакет документов [5].

Активация регистрации партий наблюдалась также перед парламентскими выборами. До выборов в 1995-м, в течение 1994–1995 гг. было зарегистрировано 17 новых партий, а до выборов в Национальное собрание в 1999-м, в период 1998–1999 гг. было зарегистрировано 28 новичков. Тем не менее, очень мало партий имеет конструктивное влияние на политическую жизнь страны. Названия большинства из них даже не известны в обществе. Достаточно бросить мимолетный взгляд на программу и уставы этих партий, чтобы заметить схожесть их целей и идей.

Первые парламентские выборы в Армении 20 мая 1990 г. оказались борьбой (в классическом понимании этого слова) внутри двухпартийной системы. С одной стороны — сохранившая сферы влияния Коммунистическая партия, а с другой — пользующееся поддержкой подавляющего большинства населения Армянское общенациональное движение.

Пришедшие к власти демократы, столкнувшись с объективными и субъективными трудностями, постепенно стали мишенью критики как для Коммунистической партии, так и для их сподвижников. Первоначально левые силы в политическом спектре были представлены только Коммунистической партией. Однако постепенно ухудшающиеся социальные условия привели к образованию новых левых партий, а раскол среди пришедших к власти демократов способствовал формированию новых правых партий.

Независимость Армении была долгожданной возможностью для трех почти традиционных партий, которые были запрещены или ограничены в советское время и были вынуждены действовать из-за границы, — Армянской революционной федерации "Дашнакцутюн", Либерально-демократической партии "Рамкавар-Азатакан" и Социал-демократической партии "Гнчак". Армянская революцион-

ная федерация "Дашнакцутюн" основана в 1890 г. Программа и устав, которые были приняты в 1892 г. во время всеобщего конгресса партии, до сих пор остаются основой ее идеологии. Она имеет национальную и социалистическую ориентацию [6]. В 1921 г. в бывшем Константинополе (Стамбул) партия "Рамкавар-Азатакан" объявила о своем существовании посредством объединения национальных, либеральных и демократических сил [7, с. 82]. Социалдемократическая партия "Гнчак" основана в 1887 г. в Женеве. Ее программа предусматривала, как минимум, освобождение Западной и Восточной Армении посредством вооруженной борьбы, создание "свободной, независимой и объединенной Армении", а как максимум, — создание социалистического общества. Во время первой армянской республики 1918–1920 гг., "Гнчак" участвовала в политической жизни, имела депутатов в парламенте и представляла оппозицию власти АРФД.

Коммунистическая партия Армении была основана в 1920 г. объединением большевистских организаций и составляла часть Коммунистической партии Советского Союза. Потерпев поражение на парламентских выборах 1990 г., она отстранилась от власти и на созванном в том же году 29 съезде провозгласила о рождении новой Коммунистической партии Армении.

Среди политических партий сегодняшней Армении можно выделить 15, которые были представлены в парламентах двух последний созывов: Армянское общенациональное движение (АОД), Коммунистическая партия Армении (КПА), Национально-демократический союз (НДС), Объединение национального самоопределения (ОНС), Республиканская партия Армении (РПА), Народная партия Армении (НПА), "Оринац Еркир" (ОЕ, Правовая сторона), Союз "Конституционное право" (СКП), Христианско-демократический союз Армении (ХДСА), Интеллигенция Армении (ИА), Либерально-демократическая партия Армении (ЛДПА), "Шамирам", Либерально-демократическая партия Армении "Рамкавар-Азатакан", Социал-демократическая партия "Гнчак" (СДПГ), Национальное единение (НЕ).

В 1990–1995 гг. в первом армянском парламенте были представлены следующие политические партии: АОД, КПА, АРФД, ЛДПА, НДС, ОНС, СКП, РПА, ХДСА. В 1995–1999 гг. во втором парламенте были представлены партии: АОД, "Шамирам", КПА, "Рамкавар-Азатакан", НДС, РПА, ОНС,

НЕ, ХДСА, ИА, СДПГ, ЛДПА, АРФД, ОЕ. В парламенте была также фракция "Республика", которая сформировала коалицию перед выборами и включала шесть партий: АОД, "Рамкавар-Азатакан", РПА, СДПГ, ХДСА и ИА. Независимые депутаты в парламенте создали депутатскую группу "Реформы".

Из перечисленных партий АРФД, КПА и СДПГ являются левыми по ориентации. Умеренно левыми можно считать также Народную партию Армении и партию Национальное единение. В условиях многопартийности отмеченные три левые партии так и не создали союза. Коммунистическая идеология созвучна духу интернационализма, а АРФД сугубо национальная партия, основной целью которой является окончательное разрешение армянского вопроса. Несмотря на общность целей в социальной сфере, имеются значительные расхождения в программах этих двух партий, а также в их подходах к социалистическому общественному строю. Социал-демократическая партия "Гнчак" имеет идеологические общности с КПА. В советский период она активно сотрудничала с Коммунистической партией, но в условиях независимой республики отстранилась от сотрудничества.

В первый парламент РА выборы осуществлялись по мажоритарной избирательной системе. Большинство депутатов тогда составило Армянское общенациональное движение, которое и диктовало свои политические подходы. Оставшаяся в меньшинстве Коммунистическая партия не имела даже в парламенте своего председателя в какой-либо постоянной комиссии. Между тем, отношение населения к партиям постепенно менялось. В августе 1991г. симпатии, которые испытывало подавляющее большинство населения к АОД, уже значительно ослабли (19,4%) [8, с. 35]. Перед выборами в новый парламент этот показатель упал, и уже в июне 1995 г. составлял 7,2% [8, с. 35]. Изменилось также и отношение к остальным партиям.

На протяжении более десяти лет под руководством автора проводились социологические опросы населения Армении с целью выявления рейтингов политических партий. В августе–сентябре 1991 г. в исследовании участвовало 11 200 респондентов, в июне–октябре 1992 г. — 3 400 респондентов, в феврале–декабре 1993 г. — 2 900 респондентов в Ереване и Гюмри, в феврале–апреле 1994 г. — 1 800 респондентов в Ереване, в июне–ноябре 1995 г. — 1 100 респонден-

Таблица 4

Динамика рейтингов политических партий Армении в 1991–2003 гг.

Партии	Рейтинг										
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1998	1999	2001	2002	2003
Армянское общенациональное движение	19,4	8,8	6,0	5,8	7,2	10,8	1,3	0,3	0,1	0,2	0,4
Коммунистическая партия Армении	5,4	3,3	13,8	11,5	10,3	11,0	15,4	14,2	13,7	3,7	2,5
Армянская революционная федерация "Дашнакцутюн"	6,8	16,8	14,0	15,4	11,2	6,7	10,3	7,9	6,9	4,6	5,5
Объединение национального самоопределения	5,3	3,1	2,8	2,8	4,3	4,2	1,2	1,3	1,8	0,3	0,6
Республиканская партия Армении	1,4	1,7	–	–	–	0,5	0,3	10,5	2,9	1,7	9,3
Христианско-демократический союз Армении	1,7	–	–	–	–	–	–	8,8	7,1	0,2	0,3
Либерально-демократическая партия Армении	2,2	4,1	4,1	2,1	2,5	1,1	0,2	0,2	0,2	0,2	2,6
Национальный демократический союз	–	3,0	3,0	0,7	4,2	6,4	6,7	4,1	4,3	1,2	–
"Оринац Еркир"	–	–	–	–	–	–	–	3,2	6,2	6,6	10,8
Национальное единство	–	–	–	–	–	–	–	–	1,9	3,2	8,2
Народная партия Армении, затем блок "Справедливость"	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2,6	11,7

тов, в июне 1996 г. – 900 респондентов, в августе 1998 г. – 1 000 респондентов, в сентябре 1999 г. – 1 000 респондентов, в мае 2001 г. – 1 000 респондентов, в ноябре 2002 г. – 1 000 респондентов, в мае 2003 г. – 2 000 респондентов. Сопоставление результатов различных исследований позволяет судить о динамике рейтингов политических партий (табл. 4).

Снижение числа симпатизирующих АОД в основном обусловлено постепенным ухудшением социально-экономического положения людей в годы правления этой партии.

В начале АОД получило поддержку практически всех слоев населения. Придя к власти, партия столкнулась с характерными для переходного периода объективными трудностями. Однако неопытность в делах государственного управления и в кадровой политике еще более усугубила положение в стране.

Повышение рейтинга коммунистов связано не столько с политической активностью самой партии, сколько с тем, что на фоне ухудшающейся день ото дня социальной ситуации население все больше охватывала ностальгия по советскому прошлому.

Рост рейтинга АРФД объясняется активной политикой партии. Важную роль играла партийная пресса, которая подвергала критике власти страны. Официальный орган АРФД – газета "Еркир" в начале 90-х годов имела огромную читательскую аудиторию. Хотя некоторое повышение рейтинга остальных партий также было обусловлено критическим отношением к властям, тем не менее в 1991–1999 гг. оппозиционный политический спектр страны был в основном представлен КПА, АРФД и НДС.

Чтобы создать законченный портрет партийной системы Армении, нельзя не отметить молчаливое большинство населения – приверженцев "партии беспартийных". Во время наших опросов часть населения не выражала симпатий ни к одной из партий, а другая, не менее значительная, часть просто не давала ответа. Вот доля лиц, не испытывающих симпатии ни к одной из партий (по годам):

1991 г. – 40,3%
1992 г. – 57,2%
1993 г. – 48,0%
1994 г. – 55,1%
1995 г. – 47,3%
1998 г. – 41,4%
1999 г. – 46,6%
2001 г. – 50,7%

Можно сказать, что общественное сознание наряду с тем, что оно чрезвычайно политизировано, является "беспартийным".

В парламенте возникали также союзы, которые объединяла общая цель – решение конкретной проблемы. Естественно, что после разрешения этих проблем, союзы как

таковые, переставали существовать. Первый подобный опыт был связан с уточнением статуса Карабаха. 23 июня 1992 г. представленные в парламенте оппозиционные партии выступили с заявлением о создании объединения "Национальный союз". Основной целью "Национального союза" было признание парламентом независимости Карабаха. Исходя из определенных дипломатических соображений, власти считали это нецелесообразным на том этапе. Однако под влиянием объединения "Национальный союз" Верховный совет республики принял решение, согласно которому власти Армении обязались не подписывать какой-либо документ, в котором Карабах отмечен в составе Азербайджана. Хотя на этом этапе "Национальный союз" достиг существенного успеха, тем не менее он перестал существовать, послужив, однако, примером для дальнейших объединений. Сила объединения, как правило, зависит от степени влиятельности объединяющихся партий, а также от числа представленных в парламенте депутатов.

В начале 90-х годов необходимость создания новой Конституции РА признавали все. Но если власти оставляли право принятия Конституции за Национальным собранием, то оппозиция считала необходимым созыв Конституционного собрания. После того, как парламент поручил подготовку проекта Конституции возглавляемой президентом РА Конституционной комиссии, пять политических партий — ДПА, РПА, АРФД, ЛДПА, ОНС решили объединиться и выработать альтернативный проект Конституции гражданского согласия. В сентябре 1993 г. главы делегаций этих пяти партий подписали созданный Конституционным советом проект Конституции Республики Армения. При этом они настаивали на том, что Конституцию должно принимать Конституционное собрание.

Национальное собрание приняло за основу вариант Конституционной комиссии, дополнив комиссию представителями различных партий, а также использовало проект, подготовленный пятью партиями, для дальнейших доработок своего варианта. В результате голосования в парламенте был принят вариант Конституционной комиссии, остальные проекты сыграли лишь вспомогательную роль.

В июле 1995 г. созданный накануне предстоящих парламентских выборов союз правых сил — объединение "Республика", был уже серьезной заявкой для совместного

участия в выборах. Блок включал шесть общественно-политических партий: Армянское общенациональное движение, Республиканская партия Армении, Христианско-демократический союз Армении, Либерально-демократическая партия Армении, "Рамкавар-Азатакан", Интеллигенция Армении и Социал-демократическая партия "Гнчак". Последняя не является правой партией, так как придерживается социалистической идеологии (перед выборами партия уклонилась от основной линии). На выборах объединение "Республика", набрав 46% голосов по пропорциональной избирательной системе, получило половину мандатов — 20 мест в парламенте. В целом, объединение "Республика" было представлено в Национальном собрании 114 депутатами, из которых 65 — члены АОД, 6 — "Рамкавар-Азатакан", 4 — РПА, 3 — ХДСА, 3 — Интеллигенция Армении и 2 –"Гнчак". Остальные 31 член фракции составляли беспартийные.

Партии, входящие в состав объединения "Республика", в отличие от предыдущих объединений, были не свободны в своих действиях, так как добровольный союз предполагал некоторые партийные ограничения. Кроме того, прошедшие по пропорциональной избирательной системе депутаты, выйдя из объединения, были бы вынуждены сложить свои депутатские полномочия.

Объединение "Республика" показало, что совместно действовать более выгодно. Подтверждением эффективности этого стало объединение нескольких претендентов из разных партий перед президентскими выборами 1996 г. Так, рейтинг провозглашенного единым кандидатом В. Манукяна (лидер НДС), который за несколько месяцев до выборов колебался между 6–7%, резко повысился. Согласно результатам выборов, он набрал около 42% голосов. Президентом вновь был избран Л. Тер-Петросян.

Палитра партий, представленных в Национальном собрании 1995 г. выглядела так:

Объединение "Республика"	114 депутатов
"Шамирам"	8 депутатов
КПА	7 депутатов
НДС	5 депутатов
ОНС	2 депутата
ЛДПА	1 депутат
АРФД	1 депутат

Как и в предыдущем парламенте, АОД оставалось самой большой из представленных в парламенте партией до отставки президента. Разногласия в подходах к решению карабахской (арцахской) проблемы привели к отставке президента Л. Тер-Петросяна в феврале 1998 г. Распался блок "Республика", и в парламенте образовалась новая фракция "Еркрапа", в которую вошли участвовавшие в карабахской войне депутаты. Фракция "Еркрапа" и политическое крыло общественной организации Союз "Еркрапа" стали членами Республиканской партии Армении, которую возглавил пользующийся большим авторитетом министр обороны В. Саркисян.

Создание новых партий и союзов, кажется, становится необходимостью перед выборами. И парламентские выборы 1999 г. не стали исключением. Союз "Единство" включал Народную партию Армении и Республиканскую партию Армении с согласия их авторитетных лидеров — бывшего первого секретаря ЦК КПА К. Демирчяна и министра обороны В. Саркисяна. Другой союз, представленный в парламенте, — "Право и единение", составили партии Союз "Конституционное право" и Национальное единение. В парламент вошли также КПА, АРФД, НДС, ОЕ и один депутат от АОД. В парламенте также образовалась группа "Стабильность", в которую вошли не состоящие ни в одной партии депутаты. Впоследствии она была зарегистрирована как общественно-политическая организация.

Террористический акт 27 октября 1999 г. в здании парламента и расстрел председателя Национального собрания и премьер-министра РА, заместителей председателя Национального собрания, нескольких депутатов, одного министра существенно повлияли на позиции представленных в парламенте партий. Во-первых, начало колебаться "Единство", а когда на пост премьера был назначен руководитель "Единства" и председатель Республиканской партии Армении А. Маркарян, распад "Единства" стал более реальным. Сначала вышедшая из Республиканской партии Армении группа депутатов создала группу "Армения", а затем и Народная партия Армении отказалась делить ответственность с Республиканской партией Армении. Так распался еще один парламентский блок.

В Армении существуют также партии, которые практически действуют только от выборов к выборам. В промежутке между парламентскими выборами они просто от-

ходят в тень, о них никто ничего не слышит, не знает. Главная цель таких партий — попытаться через выборы обеспечить одно или два депутатских места в Национальном собрании. Они серьезно не занимаются политикой, не имеют собственной, четко изложенной программы, а также своего оформившегося электората. Это партии-однодневки, как правило, популистского толка, призванные обслуживать амбициозные интересы своих лидеров. Они объединяют несколько десятков, а иногда просто несколько человек. И таких партий очень много. Они способны пойти на любой выгодный альянс или тайный сговор с критикуемой ими властью, лишь бы добиться своих узких целей. Из-за откровенной беспринципности таких партий у населения укрепляется мнение о политике как о сфере, далекой от морали и нравственности. Но у таких партий нет будущего.

В среднесрочной перспективе можно прогнозировать слияние многих действующих в Армении партий в три основных блока, или точнее, концентрация вокруг трех основных партийных идеологий. Прежде всего, это **национальная социалистическая идея,** апологетом которой выступает партия "Дашнакцутюн". Вторая идея — это **либерально-демократическая доктрина**, которую поддерживали и будут поддерживать партии "Рамкавар-Азатакан", АОД и другие. И наконец, **идеология социал-демократии**, вокруг которой объединяются коммунистические и социалистические партии. Приблизительно так будет выглядеть армянская политическая палитра в будущем. Собственно тогда легче будет анализировать политические партии по принципу разделения их на правых, левых и центристов.

ВЫБОРЫ И УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Выборы являются важным, но не единственным элементом партиципаторной демократии. Тот тип демократических институтов и отношений, который укрепился в постсоветской действительности и, в частности, в армянском социуме, — типичный пример представительной демократии. Само понятие и содержание термина демократия по разному воспринимается в различных странах. Международный лонгитюдный проект "Демократия и местное управление", в котором армянские социологи участвовали под

руководством автора в 1995–1996 гг., позволил пролить свет на эту проблему [9]. В проекте принимали участие 28 стран из Западной и Восточной Европы, бывшего Советского Союза, а также США, Япония и Южная Корея.

По своим подходам и пониманию сути демократии все страны разделились на две группы: западные страны и страны бывшего Советского Союза. Дело в том, что для западного человека демократия прежде всего означает участие граждан в принятии важных решений на различных уровнях: сельском, муниципальном, федеральном, национальном. Для бывших советских граждан демократия прежде всего означает различные свободы: свобода слова, свобода печати, религий и совести, свобода передвижений и т.п. Иначе говоря, она символизирует тот набор гражданских свобод, которые долгие годы советской власти были под запретом. Если европеец мыслит в категориях партиципаторной демократии, то постсоветские граждане пока еще удовлетворены предоставленными свободами, а их участие в политических процессах и в управлении государством сводится, как правило, только к активности на выборах. В период между выборами (местной власти, парламентскими, президентскими) участие граждан в политических процессах минимально. Более того, недостаточно развиты, а порой даже не существуют реальные формы такого участия в период между выборами. Для постсоветских граждан выборы представляются фактически единственной возможностью участия в управлении государством посредством воздействия на формирование представительных органов.

Еще в начале 60-х годов прошлого века социальные движения протеста в Европе привели к зарождению новых форм политического поведения. В Англии пионером в изучении альтернативных форм политического участия был А. Марш [10]. Он впервые произвел разделение на ортодоксальные политические акции (голосование, политическое дебатирование с друзьями, встречи с политиками, участие в политических митингах и встречах) и нетрадиционные (неортодоксальные) формы политического поведения (сбор подписей под петициями, участие в демонстрациях, политическом бойкоте, забастовках, голодовках, пикетах и сидячих демонстрациях) [11, с. 303, 304]. В дальнейшем формы политического участия, и в частности, участия граждан в принятии решений на различных уровнях управления государством, получили большое развитие, особенно на локальном и муниципальном уровнях.

Традиционно в российском государстве степень участия населения в управлении на сельском и городском уровне строго лимитировалась. Российская действительность не способствовала развитию в людях социальной и гражданской активности и чувства ответственности за государственные дела [12, с. 23]. Даже в период советской власти народ символически привлекался к управлению. Реальное управление территориями осуществлялось местной властью под неусыпным контролем Коммунистической партии.

Однако сегодня в мире отношение к принципам организации социального пространства и социального мышления меняется. Новая гуманистическая парадигма основывается на признании центрального места человека в проектировании и осуществлении социальных перемен. Человек должен служить мерой всех социальных реформаций, в том числе среды своего обитания и территориальных единиц [12, с. 23]. Город создан человеком и для человека в качестве естественной среды его обитания.

В действительности мы видим обратную картину. Негосударственное общественное управление территорией и жильем находится в самой начальной фазе своего развития. В Армении хотя и созданы общины как формы общественного местного самоуправления, однако, участие населения в их работе весьма ограничено. Точно так же и в России социологи фиксируют низкую степень участия населения в решении насущных вопросов; преобладают самые очевидные, общие и вовсе не самые эффективные меры по привлечению граждан к решению вопросов управления. Фактически это первоначальные, исходные формы подготовки людей к участию в управленческой деятельности и принятии решений [13, с. 41]. Даже городское население, которое отличается более высоким уровнем образования и социальной активностью, не спешит сотрудничать с муниципальными и районными властями. Заметна устойчивая тенденция равнодушия населения даже к деятельности местных общин самоуправления, не говоря уже о городских властях.

Российский социолог Е.Н. Заборова по этому поводу пишет: «Сегодня, по данным нашего исследования, оценивая степень взаимодействия с городской администрацией и городской Думой (речь идет о Екатеринбурге. — *Г.П.*), 39,1%

респондентов отметили, что они не интересуются работой городской власти и не принимают в этой работе никакого участия, а 46,4% ограничивают свои контакты с властью только участием в выборах. Таким образом, систематически не следят за деятельностью власти и не участвуют в ее работе 85,5% опрошенных екатеринбуржцев. 13,4% информированы о работе городской власти. И только 1,4% принимают участие в принятии и реализации управленческих решений. Может ли сегодня население влиять на решения, принимаемые городскими властями? 62,4% респондентов уверены, что "нет", они не могут влиять на принимаемые городской властью решения» [12, с. 26].

Однако это не означает, что люди вовсе не хотят участвовать в принятии решений, касающихся жизни их города. Определенная часть населения проявляет интерес и гражданскую активность. Так, Е.Н. Заборова перечисляет те формы участия, которые население Екатеринбурга в ходе социологического опроса назвало в числе приемлемых для себя (кроме традиционной — "нужно участвовать в выборах") «такие, как "нужно встречаться с депутатами, представителями городской администрации" (12,5% ответивших); "заслушивать отчеты представителей городской власти" (11,7); "участвовать в контроле исполнения принятых решений"(11,7%). 10,7% респондентов считают важным "знакомиться с проектами бюджета города, планами городской администрации". Примерно 10% отметили, что они готовы "подключиться" к работе властей в том случае, когда рассматриваемая проблема имеет отношение к их работе. При этом 12% опрошенных хотели бы личным участием поддержать программы, направленные на борьбу с преступностью, наркоманией» [12, с. 29].

Уровень желаемого участия населения в управлении и политической жизни, однако, остается достаточно низким. Автор это объесняет политической апатией и обвиняет главным образом власти. "Известно, что подобная слабость связи власти и населения отражает состояние политической апатии основной массы горожан: они в такой же мере равноправны и к деятельности ТОСов (органов территориального общественного самоправления) (79% опрошенных не интересуются их работой и никоим образом не участвуют в ней) и к деятельности общественных движений и партий (80,4% не интересуются их деятельностью). Ответственность за подобную апатию в значительной мере лежит на власти: гражданская активность населения колеблется в зависимости от той политики, которую проводят власти, прежде всего федеральные, но в том числе и городские" [12, с. 27].

Действительно, роль властей, которые собственно инициировали демократизацию и официально поддерживают реформы, здесь очень велика. Декларируя либерально-демократические реформы, власти на самом деле не очень заинтересованы в привлечении населения к реальному управлению социальной и политической жизнью. Средние и низшие звенья пирамиды власти, наоборот, делают все возможное, чтобы сохранить за собой монополию на власть и с успехом добиваются этого. Было бы наивно думать, что власть добровольно поделится с населением рычагами управления, будет активно и действенно привлекать граждан к общественному управлению территориальными единицами. Обществу еще предстоит отвоевать это право у бюрократических структур государства.

Наши многолетние социологические исследования участия граждан Армении в политических процессах позволяют делать достаточно обоснованные выводы. Исследования эти в 1999–2001гг. проводились под руководством автора при содействии Агентства по международному развитию США (USAID) [14]. Два других специальных исследования по участию населения были проведены под руководством автора в 2000–2001 гг. совместно с Международным фондом по избирательным системам (IFES) [15].

В течение нескольких лет установления независимой государственности армянское общество в достаточной степени политизировалось. Результаты опроса 1999 г. также свидетельствуют об этом. Так, 23,9% опрошенных ответили, что они очень интересуются политическими и государственными вопросами, 38,3% — в какой-то степени интересуются и только 14,1% — не интересуются политикой. Из участвовавших в опросе мужчин 33,1% ответили, что очень интересуются политикой, в то время как только 15,6% опрошенных женщин дали такой же ответ. Если 28,6% опрошенных в возрасте 45 лет и более ответили, что они очень интересуются политикой, то среди представителей молодого поколения картина иная: лишь 18,9% опрошенных в

возрасте 18–30 лет проявляют интерес к политическим вопросам.

Интерес населения к политическим и государственным вопросам заставляет его прибегать к различным источникам информации. Однако население относится к ним с различной степенью доверия. Как выяснилось, люди больше доверяют Армянскому государственному телевидению (43,3%), затем российскому телевидению (25,6%) и только после них различным частным телеканалам (17%). Доверие к радио и газетам сравнительно ниже. Но это главным образом объясняется тем, что очень немногие читают газеты (согласно данным нашего исследования 5–6%) и слушают радио (12%). Основным источником информации для людей остается телевидение (83%). Доверие к СМИ среди мужчин и женщин, среди молодежи и взрослого населения почти одинаково.

На вопрос: "Насколько достоверна информация, полученная из этих источников?" — были даны следующие ответы:

очень достоверна	9,8%
в некоторой степени достоверна	63,7%
в некоторой степени не достоверна	14,4%
не достоверна	4,7%

Затруднились ответить на этот вопрос 7,4% опрошенных.

Итак, большинство людей доверяют государственному телевидению как источнику информации о государственных и политических вопросах. Одновременно люди считают, что информация, полученная из этого источника, достоверна. Достоверность информации о государственных и политических вопросах они оценивают с различным уровнем скептицизма.

Отвечая на вопросы анкеты относительно участия в различных выборах, люди чаще давали положительные ответы, чем отрицательные. Но это не соответствует их реальному избирательному поведению. Так, согласно результатам опроса, 76% опрошенных участвовали в президентских выборах в 1998 г., 69,5% — в выборах в Национальное собрание в 1999 г., 48,2% — в выборах в органы местного самоуправления в 1996 г., 32,9% — в выборах в органы местного самоуправления в 1999 г. (рис. 4). Процент участия мужчин был немного больше (74,5%), чем женщин (65%). Взрослые участвовали активнее (80–81%), чем молодежь в возрасте 18–30 лет (66,3%).

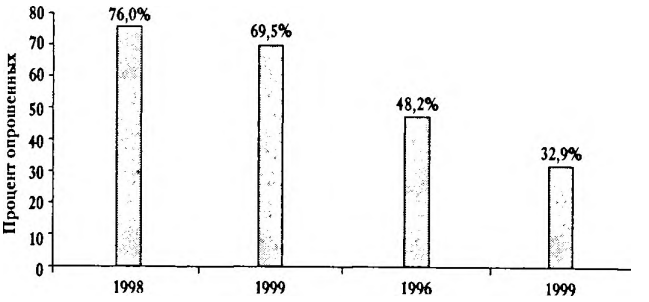

Рис. 4. **Активность участия избирателей в выборах 1998–1999 гг.**

Интересно, что большинство опрошенных считает себя хорошо подготовленным к выборам. Вот какие ответы были получены в результате опроса:

хорошо подготовлен	31,6%
в какой-то степени подготовлен	30,5%
в какой-то степени не подготовлен	11,9%
не подготовлен	21,8%

Затруднились ответить на этот вопрос 4,2% опрошенных.

Итак, 62% опрошенных считают, что в какой-то степени подготовлены к участию в выборах, 33,7% — не подготовлены. Среди тех, кто считает себя в какой-то степени подготовленными, мужчин на 6% больше, чем женщин, а людей в возрасте 46 лет и старше на 5% больше, чем молодых (18–45 лет).

Что касается участия в других политических мероприятиях, кроме голосования, то в них опрошенные были менее активными. На вопрос анкеты об участии в митингах только 9,3% ответили положительно. Приблизительно 19% опрошенных обращались к избранному официальному лицу, а 22% пытались решить проблемы с помощью друзей или соседей.

Таким образом, из различных форм участия граждан в политических процессах и принятия решений в Армении самыми популярными остаются выборы в органы самоуправления. Население воспринимает конституционное право участвовать в выборах как основной гарант демократи-

ческого общества. Однако малочисленность форм гражданского участия четко свидетельствует о неэффективности развития демократических институтов.

Фактически, только участием в выборах ограничивается деятельность граждан в принятии решений и в политических процессах. Это приводит к выводу о том, что в Армении необходимо внедрять и развивать различные формы гражданского участия, которые увеличат сферы общественного контроля над бюрократическими структурами государства.

Не более 10% опрошенных ответили, что они являются членами каких-либо общественных организаций или групп, но, как правило, не активными их членами. С одной стороны, это свидетельствует о не очень высокой политической активности населения. А с другой стороны, мы не должны забывать о тяжелом наследии советского прошлого: многие наши соотечественники не желают быть формальными членами искусственно созданных общественных организаций. Неудивительно, что, согласно ответам респондентов, только 7% опрошенных являются членами профсоюзов.

Небольшой процент респондентов (2,9%) отметили, что они являются членами различных политических партий или организаций (например, общество книголюбов, студенческие советы, союз филателистов). Более половины из них являются активными членами. Хотя и личное участие опрошенных в общественных организациях не очень высокое, но членство в политических партиях и организациях еще ниже. Тем не менее немалый процент опрошенных отмечает, что в Армении существуют такие политические партии и движения, которые занимаются решением важных для людей проблем. Первые пять из них (данные 1999 г.) следующие:

Коммунистическая партия Армении	25,4%
Народная партия Армении	17,5%
"Дашнакцутюн"	14,4%
Блок "Единство"	10,6%
Республиканская партия Армении	9,8%

Народная партия и Республиканская являются членами блока "Единство". Среди его сторонников большой процент (60–70%) составляют люди молодого и среднего возраста (до 45 лет). Среди сторонников Коммунистической партии доминируют (66,7%) представители старшего поколения (более 60 лет), а среди сторонников "Дашнакцутюн" — молодежь и люди среднего возраста (до 45 лет); обе группы составляют вместе 81,3%. Таким образом, можно сказать, что только треть опрошенных питает доверие к политическим партиям. Но их доверие распространяется в основном на три партии: блок "Единство", Коммунистическая партия и партия "Дашнакцутюн".

Удалось выявить и политические антипатии респондетов. Почти половина опрошенных отметила, что существуют такие партии и движения, за которые они никогда не проголосуют. Первые пять "отверженных" партий следующие:

Армянское общенациональное движение	41,4%
Объединение национального самоопределения	17,9%
"Дашнакцутюн"	10,2%
Коммунистическая партия Армении	9,8%
Национально-демократический союз	9,6%

В "лидеры антипатии" попали довольно известные в Армении политические партии. Коммунистическая партия и "Дашнакцутюн" в двух списках находятся в числе первых пяти. Интересно, что молодежь и люди среднего возраста (до 45 лет) испытывают антипатию ко всем пяти "отверженным" партиям (60–70%).

Несколько вопросов анкеты должны были выявить отношение населения к властям, политическим партиям, судам и выборам. Нас интересовало прежде всего, насколько, по мнению респондентов, правительство, марзпеты, органы местного самоуправления и политические партии обращают внимание на проблемы простых людей. В целом, не более четверти опрошенных ответили, что согласны или в какой-то степени согласны с тем, что они занимаются этими вопросами (рис. 5). Судя по нашему опросу, к политическим партиям люди питают больше доверия, чем к правительству. В среднем 68–70% опрошенных считают, что власти не обращают должного внимания и не интересуются проблемами простых людей.

Отношение населения к прокуратуре и судам еще хуже. Только 1,8% опрошенных согласны, а 18,8% в какой-то сте-

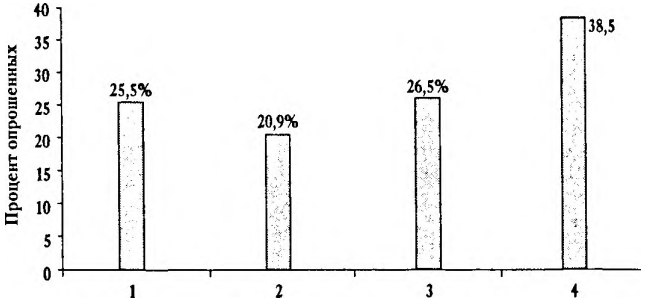

Рис. 5. **Доля опрошенных, считающих, что власти обращают внимание на пролемы простых людей**

1 — правительство, 2 — марзпет, 3 — органы местного самоуправления, 4 — политические партии.

пени согласны с тем, что в судах решения принимаются честно и по законам. Даже в случае возникновения спора между людьми 69,2% опрошенных ответили, что не доверят суду решение своей проблемы. Добавим, однако, что почти треть опрошенных (30,7%), тем не менее, доверяет судам. Можно сказать, что почти две трети не доверяют суду, а одна треть доверяет. Небольшая часть опрошенных уверена, что в случае необходимости они могли бы найти или нанять адвоката. В то время как 64,2% опрошенных уверены, что у них мало шансов прибегнуть к услугам адвоката, и только 9,7% уверены в том, что они в состоянии прибегнуть к услугам адвоката.

Оценивая в общем систему выборов в Армении, большинство опрошенных (59,3%) не согласны с тем мнением, что выборы в основном выражают желания большинства граждан, и только треть (35,3%) с этим мнением согласна. Одна треть опрошенных считает, что голосование дает таким людям, как они, возможность влиять на принятие решений в стране, две трети опрошенных не согласны с этим мнением. Большинство (56,8%) опрошенных готовы быть более активными в политике, если их мнения больше принимались бы во внимание.

Молодежь (18–30 лет) более позитивно настроена по отношению к правительству, марзпетам, органам местного самоуправления, политическим партиям и судам, чем взрослые (60 и более лет). Что касается системы выборов в

Армении, то например, 37,4% молодежи (18–30 лет) считает, что выборы в основном выражают желания большинства граждан, в то время как среди взрослых (60 и более лет) только 33% думают так же. Среди молодежи высок процент тех, кто готов быть политически более активными, если бы политические лидеры обращали бы больше внимания на их проблемы.

Обобщая данные исследования, можно с уверенностью сказать, что выборная активность населения с 1996 г. постепенно снижалась. Постепенно уменьшалось число людей, принимавших участие в четырех выборах различного уровня. Самое большее число участвующих зарегистрировано на президентских выборах в 1998 г., а самое малое — выборах в органы местного самоуправления в ноябре 1999 г. (32,9%). Падение процента участвующих в выборах объясняется низким уровнем доверия населения к властям. Однако интерес населения к политическим процессам в стране довольно-таки высок — 62,1% опрошенных.

Согласно мнению опрошенных, в стране наметилась тенденция к улучшению экономической ситуации, хотя оно и не ожидается в ближайшем будущем. Реально оценивается тот факт, что в последнее время экономическое положение в стране в какой-то степени улучшилась. Есть также небольшая тенденция к улучшению личной финансовой ситуации людей, в основном благодаря частному предпринимательству.

Недоверие к властям и политическим силам, а также отсутствие их взаимодействия с различными социальными слоями приводит к политическому отчуждению и "кризису доверия". Необходимо найти быстрые и эффективные пути для выхода Армении из существующего политического кризиса и преодоления "кризиса доверия". С этой целью следует объединить усилия всех активных и здоровых сил, независимо от политических убеждений и клановых пристрастий. Восстановить доверие населения к властям особенно трудно после трагических событий 27 октября 1999 г. В любом случае, необходимо принимать во внимание тот факт, что, по результатам наших исследований, молодежь настроена позитивно и оптимистично.

Перехожу к анализу участия населения в президентских выборах. Президентские выборы 1998 г., были внеочередными. Общество и политические силы не были к ним готовы, более того, и кандидаты не были готовы. По оцен-

кам социологов, имелась широкая палитра политических сил: 12 кандидатов выразили желание участвовать в выборах. Для многих из них этот шаг был продиктован не личными интересами, а скорее, стремлением представить свою политическую партию широким слоям общества.

С самого начала можно было предвидеть, что будут кандидаты, которые получат 0,6 или 0,3% голосов, но они сами себя так низко не оценивали и смотрели на выборы как на хорошую возможность повлиять на и политические процессы в стране. Для многих политических сил выборы — это единственный шанс для пропаганды своих идей. Добавим, что ожидался достаточно высокий процент участия населения — 65% (к примеру, во Франции на последних президентских выборах приняло участие 42% населения).

В ходе социологических опросов нам удалось выявить несколько базовых факторов, которые влияют на поведение электората и его отношение к кандидатам на пост президента. Первоочередной из них — карабахский вопрос, потому что он был и яблоком раздора, и причиной объединения и отставки первого президента. Он же останется самой большой проблемой для нового избранного президента. И не только для президента, но и общества и страны в целом.

Другой фактор, на который общество обращает внимание, — экономический курс. Не случайно в 1998 г. кандидатура К. Демирчяна довольно явно проявилась на политической арене. Последние пять лет мы фиксировали в обществе постальгию по прошлому. Определенная часть населения все еще считает, что в прошлом было лучше, чем сейчас. И эта ассоциация работала в пользу кандидатуры К. Демирчяна. Мы либо идем к обществу с равными возможностями, либо продолжаем курс развития свободного рынка, рыночных отношений, иначе говоря, идем к капитализму. Тот путь, который страна прошла за последние годы — путь экономических преобразований, в сознании общества воспринимается как путь обнищания, миграции и получает довольно негативную оценку.

Еще один существенный для населения фактор — коррупция и безнаказанность чиновников. С каждым годом эта проблема становится все тяжелее, поскольку коррупция развивается на фоне обнищания населения. Проблема становится политической, так как общество ориентируется в своем выборе, исходя из решений, которые предлагают кандидаты.

И наконец — будущее Армении. Мы должны ясно осознать, какими будут наши отношения с внешним миром. Останемся ли мы независимыми и будем продолжать борьбу за независимую государственность, защищая независимость Арцаха (Карабаха), или станем частью России. Может быть, необходим совершенно другой выход — опора на Запад. Ведь Россия даже свою проблему Чечни не может решить, что же говорить о решении наших проблем. С уверенностью можно сказать лишь, что люди ждут справедливого решения проблемы Арцаха и считают, что Армения должна иметь дружеские отношения с Россией [16]. Какой бы из кандидатов ни был избран президентом, ему придется решать все эти вопросы. В противном случае, его политическая жизнь продлится год или два.

Что касается населения, то как и в прошлом, так и сейчас оно выбирает не программы, не партии, а выбирает людей. Можно спросить у тысячи людей и никто не сможет сказать о программах Кочаряна, Демирчяна или Манукяна, а если скажут, то обязательно перепутают и даже не заметят, что совершили большую ошибку. Программы на самом деле мало чем отличаются друг от друга.

Телевидение продолжает оставаться единственным источником информации на территории Армении; Ереван, конечно, отличается от других марзов. В Ереване распространяются многочисленные газеты, которые редко доходят до сельского читателя. И естественно, люди в основном смотрят информационные программы телевидения. Очень немногие смотрят выступления кандидатов.

Попытаемся проанализировать, как оценивают люди того или иного кандидата. Армянские избиратели любят выбирать умных кандидатов. Достаточно высоко оцениваются такие качества, как решительность, опыт, а также патриотизм. Для нашего избирателя важно, чтобы кандидат был умным, решительным, опытным и патриотом. В тоже время такие качества, как честность, некоррумпированность, порядочность или законопослушность кандидата, имеют меньшее значение для избирателей. Армянские избиратели считают, что, если даже чиновник будет воровать, главное, чтобы он не забывал о народе. Любой высокопоставленный чиновник "ворует", но должна быть совесть, должен быть предел. Избиратели даже не верят, что честный, добрый или простой человек может стать президентом страны.

И наконец, чего ждут от президента? Можно сказать, что уже семь-восемь лет от президента ждут одного и того же. Во-первых, решения проблемы Арцаха. Кто бы не избрался президентом, от него обязательно будут ждать, что он в конце концов решит проблему Арцаха. Население продолжает думать, что это должен сделать именно президент, а не международные организации, например, ОБСЕ или другие страны — Россия, США, Турция, Азербайджан. Все уже устали от этой проблемы и ждут, что президент обязательно ее решит.

Во-вторых, сближения с Россией, причины этого ожидания достаточно глубоки и известны. Назову лишь одну из них. Около миллиона новых армян живут сейчас в России, и их родственники на родине получают из России финансовую помощь. Естественно, уже только по этой причине население должно быть ориентировано в сторону России.

В третьих, борьбы с коррупцией. Накажет ли новоизбранный президент чиновников, которые обворовали страну, затем уехали за рубеж (или не уехали)? Ждут от президента экономических преобразований, повышения уровня жизни. То есть решения всех болезненных проблем, которые остаются нерешенными долгие годы.

Кажется, ни один новый президент не в состоянии решить эти вопросы так быстро, как того хотят люди, тем не менее, им необходимо уделять большое внимание. Сегодня уже время задуматься над тем, как сделать, чтобы наше общество перестало разрушаться, миграция закончилась и чтобы в нашей маленькой стране жизнь хоть немного улучшилась. Сегодня все политики обращают внимание на социальные вопросы: говорят о пенсионерах, о малоимущих, о зарплатах, и все осознают, что настало время для решения и этих вопросов. Между тем еще пять-шесть лет назад социологи отмечали, что, когда проблемы войны перейдут на второй план, на первый придут социальные вопросы. Так и случилось. Кто бы ни был избран президентом, ему придется решать социальные вопросы.

Армения, фактически, входит в новую историческую полосу, где первостепенными становятся социальные вопросы населения, государства и общества. Внутренняя стабильность в стране в какой-то мере обеспечивается тем, как будут решаться социальные вопросы, если, конечно, война не возобновится. (В вопросе Арцаха общество четко ориентировано: Карабах должен быть независимым государством или входить в состав Армении, и ради этого люди готовы на новые лишения вплоть до военных действий. Большинство населения стремится к миру, потому что все устали, но в любом случае ни на какие уступки не пойдет.) Армянское общество стремится иметь цивилизованный европейский вид, но не хочет влезать в рыночные отношения, потому что нищета достигла больших масштабов. 75% населения Армении считает, что в прошлом было лучше, чем сейчас. Люди имеют в виду собственный уровень жизни, свое социальное положение. (Когда писались эти строки, мы еще не знали, что на президентских выборах 2003 г. именно социальные проблемы, а не вопрос Карабаха станут предметом самых острых дебатов и главным оружием оппозиции).

По результатам нашего социологического исследования, проведенного для IFES в 2001 г., было выявлено, что 59% населения частично информировано или совсем не информировано о политических процессах в местных общинах [15, с. 4]. Кроме того, опрошенные не очень уверены, что участие в выборах позволяет простым людям оказывать влияние на процесс принятия решений в Армении: 46% совершенно не уверены, а еще 17% частично уверены. Следовательно, низкий процент участия в выборах обусловлен еще и тем, что простые люди не уверены, что их голос может оказать существенное влияние на исход выборов. Не случайно, 62% респондентов в том же опросе, указали, что не считают Армению демократической страной, а 16% — считают ее "частично" демократической. И лишь 15% уверены в том, что Армения демократическая страна.

В общественном сознании современных армян странным образом сочетаются высокая политизированность недоверие к демократическому институту выборов и возможности простых людей влиять на результаты выборов. Высокая политизация общественного сознания, скорее, носит болезненный характер и основывается на недоверии, неудовлетворенности и разочаровании от властей и на политическом отчуждении населения [17]. Однако в армянской действительности разочарование и неудовлетворенность не приводят к политической активизации масс или поиску других путей воздействия на власти.

На вопрос о том, какие еще пути, кроме выборов, могут использовать граждане для оказания воздействия на дея-

тельность правительственных чиновников, 30% опрошенных ответили — "других путей нет", а 15% — "не знаю" [15, с. 41]. Однако наряду с такими, были ответы, из которых видно, что люди уверены, например, в том, что демонстрации (27%) и выказывание общественного недовольства (16%) являются единственным способом оказания воздействия на власти. Хорошо осознавая это, они, тем не менее, не прибегают к активным действиям, не предпринимают решительных шагов для существенного изменения ситуации в стране. И эта их пассивность основывается на уверенности в том, что для серьезных изменений необходимы серьезные средства, которых у правительства нет.

Своего рода "социальный нигилизм" и недоверие к способности властей существенным образом изменить общую ситуацию в стране сопровождается увереностью людей в отсутствии необходимых ресурсов для таких перемен [15, с. 47]. Люди считают, что правительство не особенно хочет что-либо изменить. Но если бы оно даже захотело, то вряд ли могло что-либо сделать из-за отсутствия у него необходимых для этого средств. Такая уверенность порождает в массах социальную апатию и отчуждение. Именно здесь следует искать источники социальной деструкции и доведения общества до атомизированного состояния, когда каждый его член прежде всего думает о себе и своем ближайшем окружении (семья, родственники, друзья) и не мыслит в более широких социальных категориях, таких как город, общество, нация, государство.

Подобная атомизация социального пространства — прямое следствие возрастания индивидуалистической ориентации и отсутствия плодотворного диалога и социального партнерства между государством и обществом. Наш сегодняшний социум разобщен более чем когда-либо. Хотя Армения пока приобретает опыт независимого государственного строительства, тем не менее, сегодня можно сказать, что она все еще только государство, но не общество. Правильнее было бы сказать, что Армения сегодня еще не государство, но уже и не общество. Потому что государство еще не построили, но зато утеряли то, что цементировало, объединяло армянское общество. Утеряли дух его единства в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века. Мобилизационный ресурс общества оказался полностью растраченным. Чтобы вновь его накопить, понадобятся, может быть, десятилетия. Мобилизационная модель общества ныне

не действует: общество деструктурировано, разобщено и атомизировано; утеряны главные ориентиры и ценности социального единства, которые срабатывали в допереходный период. Пора начать поиск новых интеграционных ценностей.

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ "ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ". СВОБОДА ПЕЧАТИ

Становление "четвертой власти" в Армении очень затянулось. Армянская пресса, как власть еще не состоялась. И это понятно: в стране около 5% населения читает газеты. Но есть еще одна причина, по которой о "четвертой власти" и говорить нечего: невозможно иметь сильную армянскую прессу, которая действует и работает только в Армении. Сильная пресса, сильные журналисты появятся только в том случае, когда они выйдут за пределы страны и начнут сотрудничать с известными международными средствами массовой информации. Так происходит во многих сферах, в том числе и в науке. Мы говорим, что у нас есть хорошие журналисты, но у нас нет журналистики.

Историю развития новых независимых СМИ в Армении специалисты делят на три этапа. Хотя независимые СМИ стали появляться лишь с обретением государственной независимости, тем не менее, еще в советское время нелегально издавались листовки и газеты самиздата, которые служили прообразом независимых средств массовой информации. Это первый период "эмбрионального" развития независимой прессы в Армении, который активно начался вместе с карабахским движением в конце 80-х годов и продолжался вплоть до 1991г. «С началом Карабахского движения произошел вплеск самиздатовской активности. Именно он стал тем своеобразным эмбрионом независимой прессы, который позже, по мере изменения политической ситуации в стране, трансформировался в такие издания, как например "Айк" (орган Армянского общенационального движения — АОД) или "Анкахуцюн" (орган Объединения национального самоопределения)» [18, с. 7]. Можно сказать в Армении самиздатовская пресса появилась благодаря гибкости действовавшего с 1989 г. советского закона о СМИ. Закон позволял издавать газеты и журна-

лы без официальной регистрации в Министерстве юстиции, если их разовый тираж не превышал 1000 экземпляров. Тогда же, в 1992 г., газета "Ерекоян Ереван" издала обзор армянского самиздата в 1988–1991 гг. Уже в независимой Армении в 1991 г. одним из первых был принят новый закон о печати, регламентирующий необходимость регистрации печатных СМИ тиражом более 100 экземпляров в Министерстве юстиции РА.

С принятием нового закона начался второй этап развития назависимых СМИ – 1991–1994 гг. Именно на этот период пришелся тяжелый энергетический кризис, блокада дорог и коммуникаций. Кризис и инфляция тяжело отразились и на печатном деле. Многие газеты закрылись из-за нехватки бумаги и средств. Тиражи изданий резко сократились, покупательная способность населения снизилась в несколько раз. Себестоимость печатной продукции возросла настолько, что ни одна газета не могла работать по принципу самоокупаемости. Даже сегодня, когда ситуация нормализовалась, ни одна газета не может окупить свои расходы за счет продажи. Стоимость газет невысока (100–150 драм, что приблизительно равно 0,2–0,3 долл.), но покупательная способность населения на средства информации еще ниже.

Третий этап начинается с 1994 г. и характеризуется определенным динамизмом. Открывается очень много газет и также много закрывается. Сегодня для профессионалов печатной прессы совершенно очевидно, что без помощи спонсоров и внешних источников финансирования ни одна газета продержаться не может. По признанию самих редакций, рассчитывать на прибыльность и самоокупаемость не приходится.

Дороговизна бумаги и невысокий спрос заставляют редакторов газет искать помощи у доноров и, следовательно, попадать в зависимость от внешних источников финансирования [18, с. 9]. Нередко таковыми оказываются те или иные политические партии. Состоятельные и даже не очень состоятельные политические партии считают своим долгом иметь печатный орган. Эта традиция, во многом идущая от большевиков, глубоко укоренилась в партийном менталитете современных политических деятелей. В результате, за короткий период в Армении появилось огромное количество различных партийных газет, многие из которых выходили в свет раз в месяц или с еще меньшей периодичностью. Десятки таких изданий после одного-двух выпусков больше никогда не выходили в свет.

Некогда обильно издающиеся районные газеты резко сократили тиражи. К 1996 г. 17 районных газет были закрыты и вместо них учреждены восемь газет вновь образованных администраций марзов. Периодичность у провинциальных газет низкая — один раз в неделю. Тиражи не превышают, как правило, тысячи экземпляров. Достаточно заметить, что в 1998 г. в республике было зарегистрировано более 320 наименований печатных периодических изданий, из которых регулярно выходили в свет только 40–45. Газетный бум, спровоцированный свободой печати и партийным всплеском, к настоящему времени частично стабилизировался, а частично перекочевал в сферу электронных СМИ и интернет-сайтов.

В Советской Армении издавалось чуть более десятка газет, которые были официальными органами партии, правительства, либо органами столь же официальных общественных организаций — профсоюзов, комсомола, пионерии, союзов писателей, кинематографистов и пр. При этом государственной цензуре подвергались все без исключения печатные издания вплоть до заводских многотиражек. После такого тотального контроля установление свободы печати и отмена госцензуры создали совершенно необычные условия для циркулирования информации в обществе. Не случайно, из всех достижений демократизации люди больше всего оценили свободу слова и свободу печати. Это было самым поразительным и неоспоримым завоеванием новых демократических порядков [19, с. 32]. Приученный к молчанию десятилетиями коммунистического режима советский социум, наконец, заговорил.

Историкам и социологам еще предстоит изучить тот колоссальный по объему и поразительный по откровенности материал, который стал ежедневно выплескиваться на страницах освобожденной от цензуры печати. Процесс был заложен в середине 80-х годов горбачевской гласностью, но пика своего достиг в начале 90-х, с обретением республиками государственной независимости, конституционным закреплением свободы печати и отменой политической цензуры. Это был период, как многие писали, "разгула" демократии и анархии печати. Свобода слова перехлестнула через все запреты и превратилась в анархию слова, в возможность публично и безнаказанно обвинить "всех и

вся в чем угодно". Однако вскоре, а именно к концу прошлого столетия, журналистский шторм, поднятый СМИ, несколько приутих и стал постепенно сходить на нет. Большую роль в этом сыграло создание современного законодательства, регулирующего широкий спектр деятельности всех средств массовой информации в республике.

Время "бури и натиска" сменилось на будни кропотливой и нелегкой работы. Однако свою социальную функцию частные СМИ, можно сказать, выполнили: они разбудили общество от многолетней советской спячки, открыли все окна в закупоренном до того информационном пространстве и сильно "проветрили" общественное сознание. Всемирное телевидение через спутниковые антенны и кабельную связь стало общедоступным. Армянский социум, можно сказать, подключился к глобальному информационному пространству. "Подключение" проходило нелегко и не без боли, не без потерь для общества, но оно состоялось.

В настоящее время в Министерстве юстиции РА зарегистрировано несколько сотен СМИ, но регулярно действуют 150 газет, 60 национальных и местных телекомпаний, около десятка FM-радиостанций и 5 информационных агентств. Заметим, что подавляющее большинство этих СМИ — частные компании. Из многочисленных газет только "Айастани Анрапетутюн" является официальным органом Национального собрания РА. Из всех телекомпаний лишь первый канал "Р1" Армянского национального телевидения является официальным рупором центральной власти, и только одна радиостанция из десятка действующих — государственная.

Здесь, правда, следует сразу же оговориться, что только государственные СМИ имеют максимальный охват и вещание по всей территории республики. У частных СМИ сфера распространения или вещания, как правило, не выходит за пределы столицы республики — Еревана. Среди большого количества частных теле- и радиокомпаний лишь единицы имеют оперативные новостные блоки программ и политические программы. Остальные предлагают аудитории преимущественно развлекательные программы. К тому же весьма активная оппозиционная телекомпания "А1+" недавно закрылась в ходе перерегистрации телекомпаний в соответствии с принятым в 2001 г. парламентом РА новым законом об общественном телевидении.

Обсуждение проекта этого закона проходило бурно,

журналистские организации активно протестовали против многих статей закона, направленных на ограничение их свобод. Однако закон был принят, вступил в силу и вскоре общество узрело первые результаты его исполнения. В республике действует несколько объединений журналистов, таких как Союз журналистов Армении, Ереванский пресс-клуб и другие, но они в редких случаях объединяют свои усилия, как, например, это было в ходе обсуждения нового закона об общественном телевидении.

Число пользователей интернета в республике невелико, порядка 30 тыс. [3, с. 70], что составляет менее 1% населения Армении.

Ситуация со СМИ в целом сложилась довольно противоречивая. По данным всех социологических опросов, в том числе проведенных под руководством автора, для подавляющего большинства населения (83%) республики основным источником информации является телевидение. Небольшая часть населения (12–15%) регулярно слушает радиопередачи. И лишь менее 10% населения читает газеты.

В различных исследованиях и в разное время эти цифры несколько колебались, но в основном уже в течение десяти лет они точно отражают предпочтения армянской аудитории СМИ. На протяжении ряда лет Армянская социологическая ассоциация (АСА) ежегодно под руководством автора проводила специальные медиаисследования, в том числе в сотрудничестве с такими известными и солидными компаниями, как Intermedia Corporation и Promedia/IREX. Армянская аудитория СМИ достаточно хорошо изучена. Отношение общества к средствам массовой информации, или к "четвертой власти", тоже вполне выявлено.

В социологическом исследовании весной 2002 г. было охвачено 1000 человек взрослого городского населения республики и дополнительно изучено 700 постоянных читателей различных газет в г. Ереване. Кроме того, в офисе АСА были проведены пять специальных фокус-групп с различными категориями читательской аудитории печатных изданий [20]. В результате были выявлены читательские предпочтения населения и отношение армянских читателей к различным печатным изданиям. В этом опросе, как и в ранее проведенных, было выявлено, что для 87,8% населения основным источником информации (о событиях в мире)

является телевидение, затем радио и лишь на третьем месте находятся печатные издания, газеты [20, с. 9]. Это означает, что самые свежие, оперативные новости люди получают от телевидения. Вместе с тем остальные СМИ они также считают важными и нужными. Так, для 40,2% опрошенных второй по важности (после телевидения) источник информации — радио, а для 27,4% — газеты. Интересно, что 1% опрошенных (только молодежь) в качестве важнейшего для них источника информации отметила интернет. Это совершенно новое явление в нашей действительности.

Низкий процент обращения к печатным изданиям, в качестве главных источников информации не означает, что население вовсе не читает газет. По данным исследования, приблизительно половина опрошенных (52,8%) не постоянно, но тем не менее просматривает газеты. Причем около 14% опрошенных регулярно читатет газеты. Правда, очень немного людей (7,2%) являются подписчиками газет (дома или на работе). Сегодня большинство читателей (86,3%) предпочитают не подписываться на газеты, а покупать их в газетных киосках. Заметим, что в прошлом (в советское время) подавляющее большинство тех же опрошенных людей (70%) были регулярными подписчиками газет на дому. И как правило, они подписывались на 5–7 различных газет и журналов. Сегодня ситуация коренным образом изменилась. Печатные СМИ практически полностью потеряли своих постоянных подписчиков.

Постоянная читательская аудитория печатных СМИ в Армении сократилась в 10 раз. Причины тому разнообразные, в том числе и технические, связанные, возможно, с временной деструкцией работы почтовых служб и почтальонов. Однако среди главных причин катастрофического сокращения числа подписчиков газет можно выделить две. Первая — дороговизна газет для большинства населения. На это указывали почти все опрашиваемые [20, с.15]. Если раньше стоимость газет примерно в 4–5 раз была меньше стоимости буханки хлеба, то сегодня их цены сравнялись. Не каждая армянская семья может себе позволить ежедневно покупать даже одну газету. А для того чтобы оформить годовую подписку, необходимо выплатить сразу огромную сумму, равную приблизительно двухмесячной средней зарплате работника. В условиях высокой безработицы и очень низкого уровня доходов населения это практически не выполнимо. Поэтому люди предпочитают покупать газеты в киосках от случая к случаю.

Вторая причина уже не экономического свойства, а скорее, идеологического и психологического. Четверть опрошенных отметили, что больше не читают газет, потому что вообще им не доверяют (26,5%) либо их не интересуют публикаемые в газетах материалы (13,6%) [20, с. 50]. Проблема доверия к СМИ в условиях свободы слова и независимости печати стала, пожалуй, ключевой в социальном сознании трансформирующегося общества. Именно печатные СМИ больше всего потеряли доверие в глазах населения.

По результатам исследования, люди больше доверяют телевидению (60,5%), и меньше газетам (6,7%). Никаким СМИ не доверяют 18,1% опрошенных [20, с. 10]. Налицо определенный кризис доверия к печатным СМИ. Объяснений этому можно найти множество, но, пожалуй, главная — низкая ответственность журналистов и редакций газет. Нередко об одном и том же событии люди черпают совершенно противоречивую информацию из различных газет. Газеты зачастую публикуют непроверенную информацию. Погоня за сенсацией стала главной целью наших журналистов. Иногда слухи и догадки выдаются на страницах газет за достоверные факты. Безответственность новой армянской журналистики оттолкнула многих читателей от газет. В республике можно зафиксировать рождение "желтой прессы".

Независимость газет от власти и государства заменилась их полной зависимостью от политических партий-учредителей или финансовых источников. Много случаев публикации "заказных" материалов. Низкий уровень оплаты работы журналистов стал причиной разрастания коррупции и взяточничества в этой среде. Некогда высокий престиж профессии газетного журналиста сегодня явно поблек и уступил место ведущим телепрограмм и тележурналистам. Сфера газетной журналистики интенсивно пополняется новыми молодыми неопытными кадрами, в том числе из студентов вузов и непрофессионалов. Уровень журналистики по мнению самих журналистов, в республике резко упал. Соответственно претерпели изменения и читательские ориентации аудитории СМИ (табл. 5) [20, с. 15].

Таблица 5

Рейтинги, процент читателей и тиражи газет из первой десятки популярных СМИ Армении

Место	Газета	Процент читателей	Тираж
1	Етер (Эфир)	28,7%	60 000
2	Иравунк (Право)	23,4%	15 000
3	Аравот (Утро)	23,1%	5 000
4	Азг (Нация)	13,4%	3 000
5	Голос Армении	12,1%	3 500
6	Айастани Анрапетутюн	9,6%	4 000
7	TV канал	7,9%	–
8	02 (Криминальная хроника)	7,6%	12 000
9	Айоц Ашхар	6,4%	3 500
10	Айкакан Жаманак	4,7%	3 500

Абсолютный лидер читательской популярности – газета "Етер", в которой публикуется полная программа телевидения и радиопередач на неделю. Если к ней добавить читательскую аудиторию русскоязычного издания той же газеты "Эфир" и еженедельник TV канал (7-е место), то картина станет совершенно очевидной: читателей газет больше всего интересуют издания, в которых публикуются программы телевизионных и радиопередач. Это, пожалуй, главный и не самый приятный для печатных СМИ вывод о предпочтениях и вкусах читательской аудитории. На втором и третьем месте по популярности идут оппозиционные газеты ("Иравунк", "Аравот"), затем центристски сбалансированная газета "Азг". Следующие места занимают поддерживающая власти республики газета "Голос Армении" официальное издание "Айастани Анрапетутюн". На восьмом месте находится газета "02", печатающая криминальную хронику, которая интересует читателей, пожалуй, во всех странах. И замыкают первую десятку наиболее популярных изданий оппозиционные газеты "Айоц Ашхар" и "Айкакан Жаманак". Такова нынешняя палитра читательских интересов армянской аудитории печатных СМИ.

ПРОБЛЕМА "ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА" И ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В современной социологии принято разделять общество на три сектора: государство, власть; бизнес, в основном частный бизнес, частное предпринимательство; общественные движения, в том числе общественные организации. Понятно, что существование третьего сектора уже само по себе говорит о том, что общество в какой-то степени руководствуется демократическими принципами, и в зависимости от того, насколько развит третий сектор, можно судить о степени демократизации общества.

Соотношение секторов изменяется, и по различным их соотношениям можно судить о том, является ли общество демократическим или нет, развито оно или нет и т.д. Есть общества, где государственный сектор очень велик, он подавляет и бизнес-сектор и общественный сектор. Есть общества, где бизнес-сектор достаточно большой, а государственный сектор очень маленький (например, в Швейцарии). Не существует такого общества, в котором третий сектор был бы очень большим по сравнению с первыми двумя.

Можно сказать, что в Армении существует третий сектор. Он пока еще не состоялся, находится лишь в стадии развития. Отметим одну интересную особенность, свойственную, конечно, не только Армении, но и другим странам СНГ: в этих странах все три сектора развиваются одновременно. Между тем в странах, имеющих глубокие демократические традиции, скажем, в Англии и Соединенных Штатах, вначале сформировалось государство, затем развился частный бизнес и только потом – общественные организации. В Армении эти три сектора почти одновременно состоялись, сформировались и развились. Фактически, в истории нет такого примера, когда формируется и независимое демократическое государство, и частный бизнес, и общественные организации. Это новое явление, интересное для теоретиков.

Третий сектор – основа демократического, гражданского общества, так как объединяет, координирует и организовывает естественную активность и предприимчивость граждан. Не в сфере бизнеса или государства, а в обще-

ственной сфере. Не случайно, на Западе организации третьего сектора называются неправительственными. Они также называются неприбыльными организациями.

В развитых странах общественное движение началось с того, что люди, имевшие работу и большую зарплату, добровольно объединялись в организации, желая улучшить благосостояние своего района, города или страны, решить какие-нибудь проблемы в сфере защиты животных, природы, защиты прав человека и др. Сегодня уже существуют общественные организации международного масштаба, которые имеют большие финансовые возможности, но не занимаются бизнесом. Свои финансы они предоставляют для решения тех или иных проблем детей, женщин, молодежи и т.д. Существуют также международные общественные организации, которые получают средства из государственных бюджетов различных стран. Однако это не мешает им быть независимыми от государственных структур и не заниматься бизнесом.

Первоначально общественные организации сформировались как движение по защите прав человека. Так как основным субъектом, нарушающим права человека, является государство с его силовыми структурами, на Западе сформировались неправительственные организации (НПО). Довольно долгое время на Западе государственные и общественные структуры занимали противоположные позиции: они не были в конфликте, но были противодействующими друг другу силами. В 1992 г. в Копенгагене состоялась большая встреча представителей НПО, и считается, что после этой встречи НПО перешли из оппозиции к сотрудничеству с государством.

Есть страны, где НПО не регистрируются даже по закону не предусматривается, что они должны регистрироваться. Есть страны, которые не имеют сильных НПО и даже закона о них. В Армении зарегистрировано 2800 НПО. Это много или мало для Армении? Для сравнения скажем, что в Грузии существует более 5000 НПО, в Азербайджане — 600. Конечно, количественные показатели тоже важный фактор, по нему можно судить о степени развития сектора (табл. 6).

По количеству НПО на тысячу жителей переходные страны можно разбить на три группы, как это показано в таблице 6. В первую группу входят семь стран, в которых, как минимум, одно НПО приходится на тысячу жителей;

Таблица 6

Число зарегистрированных в 1990–2001 гг. неправительственных организаций в странах с переходной экономикой

Страна	Население, млн.	Количество зарегистрированных НПО (1999–2001)	НПО на 1000 жителей
Словения	2	15000	7,5
Венгрия	10	67151	6,7
Чехия	10,3	50000	4,8
Словакия	5,4	16849	3,1
Латвия	2,4	4500	1,9
Румыния	22,4	25226	1,1
Эстония	1,4	14000	1
Армения	**3,2**	**2800**	**0,8**
Литва	3,7	3000	0,8
Польша	38,6	30000	0,8
Украина	49,1	35000	0,7
Грузия	5,5	4000	0,7
Молдова	4,3	2500	0,6
Киргизия	5	3000	0,6
Россия	145,4	70000	0,5
Албания	3,4	800	0,2
Казахстан	14,8	3050	0,2
Югославия	10,7	2000	0,18
Азербайджан	8,1	1400	0,17
Болгария	8,1	1000	0,12
Узбекистан	25,1	2300	0,09
Белоруссия	10	700	0,07

Примечание: данные взяты из [3, с. 50–445]

во вторую 13 стран (в том числе и Армения), в которых менее одного НПО приходится на тысячу жителей. И наконец, в третью группу входят страны, в которых НПО явно недостаточно. Заметим, что в таблицу мы включили не все страны постсоветского блока, а только те, данные по которым были доступны. Но уже из этих данных можно сделать некоторые выводы о степени развитости неправительственного сектора и гражданского общества в целом.

Количественные показатели зарегистрированных властями НПО, конечно, не могут служить прямым свидетельством развитости третьего сектора как важной составляющей гражданского общества. Есть страны, в которых влас-

ти всячески препятствуют открытию новых НПО и их регистрации, видя в в этих организациях лишь оппозицию и противников режима.

Азербайджанский историк Э. Полухов пишет по этому поводу: "Власти республики до последнего времени с опаской смотрели на активность НПО, оказывая всяческое противодействие их официальной регистрации и нормальному функционированию" [21, с. 87]. Такое отношение властей, наряду с острой внутриполитической борьбой, развернувшейся в Азербайджане, "далеко и надолго отодвинуло вопрос развития НПО" [21, с. 88].

Судя по данным представленной нами таблицы, большинству стран еще многое предстоит сделать для развития третьего сектора. В особенности, если учесть два важных обстоятельства. Во-первых, в этих странах имеются НПО, которые по тем или иным причинам все еще не зарегистрированы. Если облегчить процедуру регистрации в этих странах и несколько смягчить законодательство по НПО, то, безусловно, их число заметно возрастет. Во-вторых, даже среди зарегистрированных НПО немало таких организаций, которые существуют только на бумаге и практически никакой деятельности не развертывают. По мнению экспертов и на основе анализа различных источников, мы склоняемся к следующей оценке: как минимум, 30–40% зарегистрированных НПО никакой деятельностью не занимаются. Как правило, активными являются 30–35% действующих в стране НПО.

В 1998 г. в НПО-центре, основанном Армянской ассамблеей Америки в Ереване, было зарегистрировано порядка 630 неправительственных организаций. Из них 492 действовали в столице, в Ереване, 110 — во втором городе страны, в Гюмри, 14 — в Ванадзоре и еще около десятка в других городах республики [22, с. 31]. Профиль деятельности этих НПО представлен на рисунке 6.

Конечно, по этим данным нельзя судить о всем секторе НПО, поскольку они относятся только к тем из них, которые зарегистрированы в НПО — центре Американской ассамблеи Америки. В действительности НПО намного больше. Кроме того, НПО, занимающиеся проблемами беженцев и мигрантов, имеют свой собственный ресурсный центр, созданный Армянской социологической ассоциацией при поддержке Международной организации по миграции. В нем зарегистрированы 40 НПО, а во всем миграционном секторе страны задействованы более 50 НПО.

Рис. 6. **Распределение армянских НПО по сферам деятельности**

На правах НПО функционирует Федерация независимых профсоюзов Армении "Миабанутюн" ("Единство"). В настоящее время в Армении зарегистрировано 524 профессиональных союза. Конечно, они уже не пользуются тем огромным влиянием, которое имели в советское время. Ни власти, ни трудовые коллективы не считаются особенно с мнением профсоюзных комитетов. Кроме того, бесчисленное количество их на местах, в трудовых коллективах, просто прекратили свое существование. Главная причина тому — экономический кризис и остановка производства на половине промышленных предприятий страны.

Профсоюзы лишились мощной финансовой базы и полностью потеряли контроль над трудовыми коллективами. В условиях перехода к рыночной экономике владельцы частных фирм и заводов никакого внимания не обращают на активность профсоюзов. Отсутствие нового трудового законодательства и закона о профсоюзах, в свою очередь, сильно мешает возрождению их деятельности. Сегодня работники частных предприятий и организаций чувствуют себя абсолютно беззащитными перед произволом админи-

страции. Профсоюзы пока не могут должным образом защищать их трудовые права.

В Армении общественные движения получили особенно интенсивное развитие после землетрясения 1988 г. Конечно, до 1988 г. организации, занимающиеся экологическими проблемами, проявляли активность. Затем стали появляться организации, оказывавшие гуманитарную помощь, и сегодня их количество достигает 400. Это не случайно: международные организации, оказызавшие гуманитарную помощь, предпочитают иметь дело с НПО. По той же причине в Армении стали создаваться многочисленные общественные организации гуманитарного профиля.

Приблизительно в 1992 г. в Армении оживилась деятельность НПО, занимающихся проблемами защиты прав человека. И это тоже было не случайно: в 1992 г. в Осло была подписана Декларация о сотрудничестве между общественными организациями и ООН. И все же в Армении, общественных организаций по защите прав человека не так много, по нашим данным — 20–25.

Что касается НПО, занимающихся проблемами детей и женщин, то оживление их деятельности началось в 1994 г. в связи с подготовкой к Всемирному конгрессу женщин в Пекине. Он был организован ООН, и в его работе принимали участие правительственные и неправительственные структуры. Тогда же впервые под руководством автора был подготовлен отчет для UNDP о положении женщин в Армении. Отчет был представлен на Пекинском конгрессе [23]. Съезд дал большой толчок для развития в Армении НПО по защите прав женщин и детей. Сегодня число таких организаций составляет 200.

Наконец, Женевская конференция 1996 г., которая была посвящена проблемам миграции беженцев и перемещенных лиц в странах СНГ, дала старт НПО миграционного направления. Сегодня в Армении действует 50 таких НПО. Они не просто предоставляют гуманитарную помощь, а занимаются и другими проблемами беженцев и перемещенных лиц.

Мы остановились на четырех основных направлениях армянских НПО. Проблемы, решением которых они заняты, понятны обществу и служат объединению самих организаций в общественный сектор. Эти организации активно взаимодействуют между собой, обмениваются информацией. И, наконец, в третьих, у них есть опыт сотрудничества с международными организациями.

Существуют три уровня восприятия общественного движения, да и развивается оно по тем же трем уровням. Первый — уровень города, страны, государства — то, что на Западе называют "local level" — местный уровень. Второй уровень — региональный, третий — международный. В зависимости от того, насколько НПО Армении вовлечены в деятельность на всех трех уровнях, можно оценить степень формирования в стране общественного сектора. Как и в сфере СМИ, без международных контактов невозможно формирование мощного общественного сектора. Если у армянских НПО не будет связи на региональном уровне, т.е. с Грузией, Азербайджаном, Ираном, они не смогут выйти на уровень международного сотрудничества. Если они будут заниматься только проблемами Армении, это будет препятствовать дальнейшему их развитию. В процессе становления общественных организаций и в других странах происходило то же самое. Когда они формируются, то начинают устанавливать определенные связи с соседними странами и, наконец, выходят на международный уровень — такова внутренняя логика развития.

Обычно НПО разделяются на три вида. Одни формируются и действуют отдельно от государства и власти, иногда даже противодействуя государству и власти и находясь в продолжительной оппозиции. Другие предпочитают развивать деятельность, сотрудничая с местными и государственными органами, третьи создаются самими властями. Последние можно назвать "искусственными". В Армении существуют все виды НПО, как и в странах СНГ и на Западе.

Необходимо отметить финансовые источники деятельности НПО. В отличие от развитых стран, в Армении НПО до сих пор существуют, основываясь на помощи международных организаций или структур ООН. Это, конечно, нельзя назвать нормальным явлением, но оно присуще всем странам с переходной экономикой. Конечно, было бы желательно и правильнее, чтобы НПО пользовались внутренними ресурсами, а точнее, ресурсами второго сектора — частного бизнеса. Есть местные бизнесмены, однако пока нет меценатов, спонсоров. Но армянская история знает многочисленные примеры меценатства. Несомненно, скоро наши бизнесмены не только будут открывать новые магазины, но и будут помогать некоторым НПО, как это уже было в недалеком прошлом в связи с

потоком беженцев и после землетрясения. Просто для помощи НПО еще не создан национальный фонд, не предоставлялись гранты несмотря на то, что в частном виде такая деятельность осуществлялась. В конце концов, этот социальный институт сформируется, и НПО смогут пользоваться внутренними ресурсами. Но и бизнес должен правильно оценить ситуацию и понять, что развитие третьего сектора выгодно и ему. Поскольку НПО способствуют демократизации общества, частный бизнес от этого только выигрывает.

Отметим, что до сих пор третий сектор общества, как и "четвертая власть", находится в стадии формирования. Активно идет объединение НПО по направлениям деятельности. Они уже сознают, что являются представителями определенного сектора общества. Настанет время, когда НПО осознают себя как общественную силу.

На протяжении нескольких лет Агентство по международному развитию США проводит анализ деятельности НПО в 28 странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. На основе измерения различных показателей устойчивого развития НПО агентство составляет ежегодный индекс устойчивости (NGO Sustainability Index) для всех этих стран (табл. 7) [24]. Начиная с 1997 г. армянские НПО непрерывно поднимались по индексной шкале и в 2001 г. заняли 19-е место.

В расчетах индекса устойчивого развития сектора НПО во внимание принимаются несколько показателей: законодательное поле НПО; организационные возможности; финансовая самостоятельность; консультатирование; предоставляемые услуги; инфраструктура НПО, отношение населения. По всем этим показателям наиболее развитыми являются НПО Центральной и Восточной Европы.

Армянские НПО вплоть до 1991 г. создавались на основе старого, принятого еще в советское время закона о добровольных объединениях граждан. В 1991 г. был принят первый закон об общественно-политических организациях, а в 1996 г. этот закон был усовершенствован. Однако в 1999 г. Национальное собрание приняло новый Гражданский кодекс, и все НПО должны были пройти перерегистрацию с целью приведения своих уставов в соответствие с требованиями Гражданского кодекса, предъявляемыми к некоммерческим организациям.

В декабре 2001 г. был разработан новый закон для

Таблица 7

Индекс устойчивого развития НПО в странах с переходной экономикой

Страна	Индекс устойчивости				
	1997	1998	1999	2000	2001
Северная часть					
Чехия	-	-	-	2,4	2,3
Эстония	-	-	-	2,4	2,1
Венгрия	2,3	1,6	2,1	2,3	2,6
Латвия	3,6	4,2	-	2,8	2,9
Литва	4,0	3,0	2,9	3,1	2,9
Польша	1,8	2,0	2,1	2,1	2,1
Словакия	2,8	2,8	2,2	1,9	1,9
Южная часть					
Албания	4,4	4,2	4,8	4,6	4,6
Босния	-	5,6	5,3	4,9	4,5
Болгария	4,0	3,6	4,0	3,7	3,6
Хорватия	4,6	4,4	4,6	4,3	3,8
Косово	-	-	4,4	4,6	4,6
Македония	4,4	4,4	4,6	4,6	4,1
Черногория	-	-	4,6	4,6	4,7
Румыния	3,6	3,8	4,0	4,1	4,0
Сербия	4,8	5,4	5,4	4,6	4,1
Евразия					
Армения	-	**5,5**	**5,1**	**5,0**	**4,4**
Азербайджан	-	6,3	5,6	5,0	5,0
Белоруссия	-	-	-	5,7	5,5
Грузия	-	3,6	3,8	4,0	4,0
Казахстан	4,6	4,4	4,8	4,7	4,3
Киргизия	4,6	3,9	4,2	4,3	4,3
Молдова	-	-	-	4,6	4,2
Россия	3,4	3,4	4,1	4,3	4,2
Таджикистан	-	6,6	6,1	5,4	5,1
Туркменистан	-	-	6,6	6,0	5,8
Украина	4,0	4,2	4,1	4,4	4,3
Узбекистан	-	4,7	5,3	5,1	4,6

НПО, отвечающий требованиям Гражданского кодекса и Совета Европы, членом которого Армения стала в ноябре месяце того же года. Примечательным было то, что в подготовке и обсуждениях проекта нового закона принимали широкое участие представители НПО. Следует здесь же заметить, что начиная с середины 90-х годов ряд армянских НПО стал регулярно привлекаться к разработке и обсуждению законопроектов по профильным вопросам. Причем их активное участие поддерживалось как правительством, так и парламентом. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, значительно выросли и окрепли сами НПО. Они приобрели определенный опыт работы с международными организациями. Во-вторых, под давлением международных структур власти страны вынуждены были привлекать НПО к сотрудничеству в различных сферах. Кроме того, институциональное развитие многих НПО достигло солидного уровня. В некоторых сферах НПО по организационной структуре, оснащенности значительно превосходили родственные государственные агентства.

С другой стороны, кадровый потенциал, задействованный в секторе НПО, по своему уровню, навыкам, знаниям значительно превосходил уровень госслужащих, поскольку в системе кадрого подбора в госсекторе доминировали далеко не профессиональные качества кандидатов. Коррупция, поразившая все уровни госаппарата, в конечном счете привела к выталкиванию способных, высококвалифицированных служащих. Вакантные места, как правило, замещались оборотистыми приспособленцами, "своими" людьми, "бронированными" кадрами с толстыми кошельками. Торговля должностями получила широкое распространение.

В третьем же секторе дела обстояли совсем иначе. Успешное становление и развитие НПО во многом зависело от знаний, опыта и умений руководителя находить доноров, грантодателей, партнеров и уметь грамотно реализовывать проекты. А поскольку абсолютное большинство доноров и организаций, предоставляющих гранты НПО, являются зарубежными организациями, то и требования их, соответственно, стимулировали развитие НПО в современном духе. Знание иностранных языков и компьютерных технологий относится к числу базовых.

Успешному формированию и развитию НПО-сектора в республике в огромной степени способствовал НПО-

центр Армянской ассамблеи Америки. Курсы для лидеров НПО, организованные НПО-центром, закончили многие активисты третьего сектора. В республике открылись и другие специализированные ресурсные и тренинг-центры для НПО, например, ресурсный центр миграционного сектора Армянской социологической ассоциации. Фактически, при непосредственном участии и поддержке со стороны авторитетных международных организаций третий сектор в республике наладил эффективную систему подготовки квалифицированных кадров для развития НПО-движения, чего нельзя сказать о системе подготовки новых кадров для государственной службы. Единственный созданный специально для этого институт — Академия государственной службы был основан в 2001г. на базе действовавшей ранее (и весьма неэффективно) школы госслужащих.

НПО-сектор благодаря своей деполитизированности стал привлекать способных, умелых и активных людей. Независимость от государства, финансовая самостоятельность НПО невольно приближают формирующиеся в секторе ориентации к оппозиционным. Во многих вопросах НПО критически настроены к официально проводимой государством политике. И этим пользуются оппозиционные политические партии. Однако НПО следует твердо усвоить, что их целью является не борьба за власть, а борьба за общество, за создание развитого гражданского общества, способного противостоять диктату государства и предотвратить господство авторитарных тенденций в управлении обществом.

Слабостью сектора НПО является его концентрация в столице. Подавляющее большинство общественных организаций зарегистрировны и действуют в Ереване. Но начиная с второй половины 90-х годов многие ереванские НПО стали открывать свои филиалы, а затем и ресурсные центры в различных марзах республики. Сегодня признанной стратегией развития НПО-движения в республике стало расширение сектора в сельских районах. Укреплению и развитию гражданского общества способствовала также новая административная форма управления на местах, базирующаяся на формировании местного общинного самоуправления.

Другим стратегическим направлением развития НПО-движения в Армении является создание региональных НПО-

сетей, включающих неправительственные организации стран Южного Кавказа или Кавказа в целом. Начиная с середины 90-х годов создано несколько объединений или сетей НПО по миграционным, правозащитным, женским, конфликтологическим, журналистским, правовым, по обмену военнопленными и другим направлениям деятельности. За несколько лет совместной работы НПО региона подготовили неплохую почву для народной дипломатии, ослабления напряженности между конфликтующими сторонами и избавления соседних народов от "образа врага".

Есть две опасности для независимого развития НПО в постсоветских государствах. Автор имел возможность подробно рассказать о них в своем выступлении в мае 1999 г. в Страсбурге, где проходило заседание правового комитета Европарламента по законодательству НПО в странах Южного Кавказа. Одна опасность исходит от бизнеса, другая — от политических партий.

Дело в том, что по решению специальной комиссии при правительстве республики то или иное НПО, занимающееся благотворительностью или другими видами деятельности, освобождалось от уплаты налогов. Это не могло не вызвать интерес коммерческих структур. Некоторые из них стали создавать собственные НПО или использовать уже действующие для своих финансовых операций. В этом заключается угроза коммерциализации НПО-сектора.

С другой стороны, как уже отмечалось, оппозиционные политические партии и движения ищут среди НПО потенциальных партнеров, чтобы использовать их в своих политических целях. В этом заключается угроза политизации НПО-сектора.

За истекшие после конференции в Страсбурге годы отчетливо проявились еще две угрозы развитию НПО-движения в нашей республике. Прежде всего — это возрастающее желание государственных органов взять под строгий контроль деятельность НПО и финансовые потоки, которые поступают от международных организаций. Одновременно сотрудники госаппарата стали создавать "свои" НПО, через которые пытаются привлекать средства международных доноров и грантодателей. В этом заключается угроза потери независимости НПО-сектором.

Усиливщийся интерес госчиновников к НПО-сектору и стремление подчинить его себе объясняется все возрастающим объемом ежегодных средств, поступаемых из-за рубежа. Так организация Европейского союза ТАСИС начиная с 1996 г. на развитие армянских НПО ежегодно выделяет 500 тыс. евро. Агентство по международному развитию США только в 2001 г. выделило 13 млн. долл. на развитие услуг, предоставляемых НПО. Фонд Евразия в общей сложности выделил гранты НПО на сумму в 750 тыс. долл. В период 1994–1999 гг. общая помощь, оказанная различными странами, достигла 450 млн. долл [25, с. 13]. Ежегодно это составляет примерное 75 млн. долл.

Если учесть, что число активно действующих в Армении НПО не превышает 700 тыс., то получается, что каждое активное НПО ежегодно получало сумму, приблизительно равную 107 тыс. долл. Для нынешних условий в республике — это весьма солидная сумма, за счет которой можно поддерживать жизнь двух десятков семей на достаточном уровне. Пока существующее законодательство в Армении не настолько совершенно, чтобы ограждать НПО от указанных угроз.

В нашей стране, как и практически во всех постсоветских странах, приняты новые законы по НПО, которые довольно строго регламентируют их деятельность. Государство не легко уступает монопольную власть над гражданским сектором, которую оно имело в советские времена. Но тем не менее оно вынуждено постепенно уступать. Следует отметить позитивные стороны постепенного "освобождения" третьего сектора от тотального госконтроля. Дело в том, что необходимо определенное время для того, чтобы сформировался сильный, действительно независимый от бизнеса и государства сектор.

Сами НПО как бы становятся инструментом переходного периода, когда государство не справляется со многими социальными обязательствами и "уходит" из социальной сферы — образования, здравоохранения, защиты неимущих слоев, многодетных семей, инвалидов, матерей-одиночек и пенсионеров. Государство пытается "списать" социальную сферу с себя на третий сектор [26, с. 27]. В поисках защиты люди объединяются в общественные организации, где есть юридически грамотные специалисты, независимые от бюрократического произвола. Общественность находит поддержку в этих формах негосударственного и неофициального объединения граждан.

В условиях ослабления и даже частичного распада ряда государственных структур и традиционных общественных

институтов, возможно, именно в общественных организациях формируются наиболее выраженные формы самоорганизации населения [27, с. 59]. Проблема общественной самоорганизации и саморегуляции — одна из важнейших на современном этапе развития человечества.

Формы и возможности государственного регулирования общественной жизни исчерпали себя во многих сферах и не имеют более перспективы развития. Оно постепенно уступает место возрастающей активности населения развитых стран и самоорганизации социальной сферы, свободной от бюрократизации и ограничения социальных инициатив и инноваций.

По традиции рассматривают две базовые модели развития демократии — корпоративную, первоосновой которой является корпорация западноевропейского типа, описанную еще Гегелем, и американскую, важнейший элемент которой, согласно А. Токвилю, — сложившаяся независимо от государства община [26, с. 28, 29]. А. Токвиль первым предложил характеризовать НПО как "объединения людей на основе добровольного выбора (а не принуждения) и с опорой на авторитет морали (а не власти)" (цит. по [26, с. 28]). В этих объединениях происходит своеобразная гражданская социализация личности и накапливается реальный опыт цивильного общества.

В Армении утвердилась, можно сказать, корпоративная модель по прототипу ремесленных или торговых объединений. Добровольность участия в деятельности НПО здесь основывается, скорее, на стремлении обеспечить какую-то занятость на фоне массовой безработицы. И кроме того, участие в НПО обеспечивает немалую финансовую поддержку. Принцип добровольности несколько отходит на второй план, по сравнению с теми непосредственными выгодами и интересами, которыми руководствуется, пожалуй, подавляющее большинство членов НПО. Поэтому в армянской корпоративной модели, в отличие от западноевропейской, превалируют частные интересы членов НПО, а не общие интересы гражданского сообщества.

Социальные и экономические условия, в которых возникали и развивались НПО в Армении и когда-то давно на Западе, сильно различаются, поэтому сравнение необходимо проводить с большой осторожностью. В принципе, подходы к пониманию места и роли отдельного индивида в обществе у нас и на Западе также совершенно различны.

В странах западной демократии считается, что человек как существо разумное обладает определенной свободой воли и действует автономно на основе личного выбора при полном осознании ответственности за свои поступки. В России, например, "превалирует взгляд на индивида как на существо, в целом социально безответственное, пассивное, неспособное к самоорганизации, а потому требующее опеки со стороны власти, контроля за всеми своими проявлениями (вплоть до семейных и личных отношений). Государство осознанно стремится к ограничению диапазона его ролей, статусов и видов деятельности, и уже тем более к недопущению создания самим субъектом их новых форм и вариаций" [26, с. 27].

В Армении взгляд на индивида и его роль в обществе отличается как от западной, так и от российской точек зрения. Здесь индивид предстает, скорее, как активное, способное к самостоятельным действиям, но безответственное в социальном плане существо, а потому опять-таки требующее постоянного контроля и ограничения со стороны государства. Последнее стремится к всестороннему ограничению диапазона его деятельности по причине деструктивного характера самой деятельности, направленной на удовлетворение сугубо индивидуальных потребностей, зачастую идущих вразрез с общественными, коллективными целями.

Подчеркнутый индивидуализм армянской модели общественной самодеятельности, даже при наличии большого потенциала активности субъектов, делает невозможной социальную саморегуляцию. Именно по этой причине армянское общество (как и российское [26 с. 27]), можно сказать, еще не готово к самоуправлению. "Его судьбу, — как пишет Г. Лапина, — вершат слабо связанные с обществом органы государства, которые считают нужным обращаться к гражданам за пониманием и поддержкой только перед выборами и в моменты общенациональных кризисов. Соответственно и население рассматривает государственную власть как нечто, стоящее над обществом, если не противостоящее ему" [26, с. 27]. Эта характеристика вполне справедлива и для отношений, складывающихся между обществом и государством в нашей стране.

Отношение государственной власти к неправительственному сектору, как мы указывали, носит противоречивый характер. В свою очередь, отношение населения к дея-

тельности НПО также неоднозначно. Под руководством автора несколько раз в 1995–2001 гг. проводились социологические исследования с целью выяснить отношение населения к НПО и их деятельности. По нашим данным, только 3% взрослого населения республики так или иначе вовлечены в сферу деятельности армянских НПО. Отношение к НПО в общем и целом положительное. В ряде случаев, в частности, в плане урегулирования региональных конфликтов, деятельность НПО оценивается намного позитивнее, чем политических партий и религиозных организаций [28, с. 29] (эти результаты получены в ходе социологического исследования, проведенного Армянской социологической ассоциацией под руководством автора, в рамках регионального проекта ТАСИС на Южном Кавказе). Достаточно положительно оценивается населением деятельность пунктов юридической консультации, организованных различными правозащитными НПО [29, с. 160] (это было выяснено в результате социологического изучения, проведенного Армянской социологической ассоциацией под руководством автора для НПО "Армянская ассоциация молодых юристов" в 2000–2001 гг.)

И все-таки население очень мало знает о деятельности НПО и имеет слабое представление о развитости третьего сектора. И в этом немалая вина СМИ, которые до последнего времени давали негативную информацию о деятельности НПО как организаций, занятых только поисками грантов. Отношение СМИ к третьему сектору нередко бывает продиктовано конкурентными соображениями, зачастую под прямым диктатом "заказчиков" из различных лагерей и кланов. Между тем СМИ не отдают себе отчета в том, что, дискредитируя третий сектор и НПО, они тем самым наносят непоправимый ущерб и свободе печати.

Между различными институтами демократии и гражданского общества нет еще понимания общих целей и необходимости консолидации усилий. Частный бизнес развивается сам по себе, НПО сами по себе, а независимые СМИ сами по себе. В Армении нет пока никакого согласия между этими тремя важнейшими институтами демократии. Этим пользуется государственная бюрократия в центре и на местах, пытающаяся не упустить из рук ослабевшие рычаги регулирования и контроля над обществом.

Литература

1. *Паин Э.А.* Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы // Мир России. 1995. №1.

2. *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000.

3. Nations in Transition 2002. Freedom House. Washington, 2002.

4. Гражданское общество, правовое гусударство и право ("Круглый стол" журналов "Государство и право" и "Вопросы философии") // Вопросы философии. 2002. №1.

5. Официальный информационный бюллетень Республики Армения. Ереван, 2002. № 34. С.4, 7, 8.

6. Программа АРФ "Дашнакцутюн". Ереван, 1998.

7. *Казарян В.*, Партия Рамкавар-Азатакан. Руководство и краткая история. Ереван, 1991.

8. *Погосян Г., Мхитарян С.* Политические партии Армении (информация и анализ 1991–1996 гг.) Ереван: Мхитар Гош, 1997 (на арм. яз.).

9. Democracy and Local Governance.Ten Empirical Studies. University of Hawai'I, 1993.

10. *Marsh A.* Protest and Political Consciousness. L., 1977.

11. *Vic D.* Limits to Democracy: Citizen Participation and the Political Elite //Democracy, Civil Society and Pluralism. Publishers, Warsaw, 1995.

12. *Заборова Е.Н.* Участие граждан в управлении городом // Социологические исследования. 2002. №2.

13. *Цветкова Г.* Местное самоуправление и проблемы местных сообществ // Социологические исследования. 2002. №2.

14. Armenian Citizen's Participation. Public Opinion Survey. Yerevan, 1999, 2000, 2001.

15. Citizen's Awareness and Participation in Armenia. Yerevan, 2001.

16. *Погосян Г.* Политические контуры Армении в ближайшем будущем // Многообразие интересов и институты власти. М.: Луч, 1994.

17. *Carson T., Pogossian G.* Electoral Experience, Confidence in Leadership and Civil Participation in Armenia: Public attitudes toward political life. Washington, 2000.

18. Средства массовой информации Армении. Общественная организация "ТИМ". Ереван, 1996.

19. *Poghosyan G.* Assessment of the results of independence // 10 Years of Independence and Transition in Armenia. UNDP. Armenia, 2001.

20. Чтение газет в Армении. PROMEDIA / Армянская социологическая ассоциация. Руководитель Погосян Г., Ереван, 2002 (на арм. яз.).

21. *Полухов Э.* Азербайджан: проблемы становления и развития неправительственных организаций // Центральная Азия и Кавказ. 2001. №4(16).

22. Human Development Report. Armenia 1998. Yerevan, 1998.
23. National Report on the Conditions of Women in RA. Armenia, 1995.
24. The 2001 NGO Sustainability Index. For Central and Eastern Europe and Eurasia. // http:// USAID.gov/regions/europe_eurasia/ /dem_gov.
25. Оценка сектора НПО Армении. Всемирное обучение. Ереван, 2001.
26. *Лапина Г.* О роли общественных организаций в процессах саморазвития и саморегулирования социальных систем современного мира // Российский социально-политический вестник. 1998. №3.
27. Формирование третьего сектора в России // Российский социально-политический вестник. 1999. № 1.
28. Перспективы решения конфликтов на Кавказе – региональный проект ТАСИС "Южно-Кавказская сеть за гражданскую поддержку". Ереван, 2001.
29. Бесплатные юридические службы в Армении. Ереван. 2001 (на арм. яз.).

ГЛАВА IV

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Изучение социальной структуры трансформирующегося общества является одной из центральных проблем социологии. Любые более или менее серьезные изменения в социальной, экономической или политической сфере рано или поздно затрагивают базовые структуры общества. По степени их трансформации можно судить о глубине и влиятельности осуществленных реформ.

Базовые системы общества, как правило, не сразу реагируют на внешние изменения, они достаточно консервативны и менее подвержены легким преобразованиям. Социальная структура относится к числу очень трудно изменяемых, консервативно-инерционных подсистем общества. Однако если изменения затрагивают, наконец, социальную структуру, то они, как правило, носят трудно обратимый характер. На социальной структуре общества совершенно явственно бывают видны результаты коренных социально-экономических институциональных реформ. Академик Т.И. Заславская пишет, что социальная структура – это своего рода "солнечное сплетение" общества, без четкого представления о состоянии и главных направлениях динамики которой очень трудно эффективно решать стратегические проблемы развития общества [1]. Таким образом, социальная структура – и индикатор перемен и одновременно главный показатель путей дальнейшего развития трансформационного процесса.

Постсоветские общества испытывают глубокие трансформации, начиная уже с 90-х годов прошлого века. За истекшие годы, с учетом горбачевских преобразований, наше общество претерпело очень серьезные изменения, подверглось фундаментальным реформам. Реформы эти были

настолько глубоки и продолжительны, что, безусловно, коснулись его социальной структуры. Процесс еще не завершен, поэтому уместно рассматривать не новую структуру общества, которую можно ожидать по завершении реформ, а скорее, трансформационную структуру. Иными словами, претерпевшую серьезные преобразования стратификационную структуру, которая уже сильно отдалилась от исходной, но все еще находится в процессе трансформации, и потому далека от стабилизации или от той, которую можно ожидать после завершения трансформационных процессов.

Социальная структура советского общества берется нами как исходная, первоначальная. Она считалась универсальной для всех советских государств и сводилась к хорошо знакомой классической классовой триаде: рабочий класс, крестьянство и служащие, включая "прослойку" интеллигенции. Теоретический концепт классовой социальной структуры, уже начиная с 80-х годов, далеко не соответствовал реальной социальной стратификации советского общества, внутренние социоструктурные преобразования которого в то время, как правило, не изучались с достаточной глубиной и серьезностью. Тем не менее для социологов советского периода уже было вполне очевидно, что внутри простой классово обозначенной или теоретико-методологически заданной социальной структуры наметились существенные тренды в сторону большего расслоения и усложнения.

После начала глубоких трансформаций 90-х годов советская социоструктурная модель окончательно видоизменилась и в том виде, в каком она была, осталась в прошлом. По этому поводу Т.И. Заславская делает весьма интересное замечание: "Российское общество, застрявшее между двух социальных систем, стало объектом неуправляемого развития, что оказало разрушительное влияние как на его институциональную систему, так и на многие стороны его социальной структуры" [2, с. 9]. Действительно, постсоветские общества застряли в социально-политическом пространстве между двух исторических систем: прежняя социоструктурная модель уже разрушена, а новая еще не состоялась, не стабилизировалась. Трансформационная структура фиксирует происшедшие разительные перемены, и прежде всего — всеобщее понижение уровня жизни и благосостояния людей.

Падение уровня жизни, во всяком случае в Армении, произошло так резко и неожиданно, что здесь вполне уместно известное сравнение с моделью движения "лифта", которую используют западные социологи для описания изменений в социальной структуре постиндустриального капиталистического общества [3, с. 9]. Исчезновение и приглушение классовых противоречий и в целом тенденции к стиранию классовых различий они объясняют общим ростом благосостояния населения. Внутренние различия между уровнем жизни различных социальных слоев по-прежнему остаются огромными, однако они, не становятся причиной обострения классовых противоречий или классовой борьбы. Притупление классового антагонистического отношения между социальными слоями западные социологи объясняют общим повышением условий жизни для всех слоев — как высших, так и низших. "Лифт" общественного благосостояния резко поднялся вверх, и многие блага и услуги стали доступны также для средних и низших слоев общества. Это, в свою очередь, освободило людей от сильной классовой привязанности, классовой коллективной судьбы и, резко расширив диапазон индивидуальных возможностей, увеличило личностно-индивидуализированную компоненту в стратегиях конструирования собственного образа жизни.

Ассоциация с моделью "лифта" в нашем случае также правомерна, но лишь с той разницей, что армянский общественный "лифт" резко опустился вниз, а не поднялся вверх, но при этом появилось социальное неравенство. Однако, благодаря демократизации сфер жизни, многое стало доступным (при наличии, правда, денег): поездки за границу, учеба за рубежом, покупка некогда недоступного автомобиля, аудио- и видеотехники, квартиры и собственного дома, в том числе за рубежом. Если есть деньги, можно открыть свой небольшой бизнес. Социального протеста нет, несмотря на возрастающее неравенство, потому что ослабла классовая привязанность, возросли возможности конструирования индивидуального стиля жизни независимо от классовой принадлежности. Появилась сильная мотивация к труду, и люди сами увеличили свою занятость и продолжительность труда. Люди стали работать в нескольких местах либо на одном месте, но с большей интенсивностью и продолжительностью труда. Частные магазинчики и лавочки открыты до поздней ночи, а иногда и круглосуточно. Практически вся сфера обслуживания работает бо-

лее интенсивно, особенно по субботам и воскресениям, в праздничные дни. Сфера обслуживания резко возросла и стала приспосабливаться к вкусам покупателей.

Многие исследователи отмечают аморфность, крайнюю неустойчивость и неопределенность новой трансформационной структуры постсоветского общества. По мнению некоторых социологов, виной тому — и отсутствие теоретически обоснованной политики социальной реконструкции общества, и то, что во многом эта реконструкция проистекает стихийно [3, с. 91].

В нашем обществе меняются формы собственности, социальные институты, социальные отношения между различными группами и слоями, возникают новые слои, исчезают старые, иногда происходит дробление социальных групп, другими словами, идет процесс формирования в новом социальном пространстве иных форм интеграции и дезинтеграции. Как справедливо отмечает З.Т. Голенкова, процессам интеграции в общественном развитии уделяли внимание в своих концепциях еще Конт, Спенсер, Дюркгейм, Зиммель, Знанецкий, Сорокин, Парсонс и другие [3, с. 92]. Социальная интеграция при этом рассматривается чаще всего как некая гармонизация отношений внутри социальных групп. А дезинтеграция понимается приблизительно как социальная аномия, порождающая различные социальные конфликты и неравенства. Так, П. Сорокин, рассматривал дезинтеграцию исключительно как источник неравенства, несправедливости и конфликтов, как социальный порок [3, с. 93].

В сегодняшних процессах, затрагивающих трансформационную структуру, можно явственно заметить дезинтеграционные тенденции. Размываются старые социоструктурные конструкты, но возникающие на их месте новые не имеют пока четких координат и не всегда строятся на рациональной основе. Меняются принципы социальной стратификации, что в общем-то характерно для многих обществ нашего времени.

Существенно расширилась доля средних слоев в современных капиталистических обществах. Если для ранних этапов капиталистического общества характерным было наличие большого числа мелких собственников и частных предпринимателей, которые составляли до 80% активного населения, то уже в развитых капиталистических странах до 75% экономически активного населения составляют наемные работники [3, с. 95]. Таким образом, больше половины населения относится к среднему классу.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению трансформационной структуры современного армянского общества, выделим базовые факторы, определяющие ее характерную специфику, глубину, масштабы и направление изменений. Начнем с изменения форм собственности в обществе и соотношений между различными формами. Затем следует отметить глубокие изменения институциональных основ, повлекшие за собой изменения в структуре занятости, а также серьезные изменения в соотношении различных ветвей экономики. Наконец, большую роль в становлении новой трансформационной структуры играют резкое снижение уровня жизни и миграция населения. В Армении миграция, безработица и обнищание населения приняли размеры, угрожающие национальной безопасности и построению независимой государственности.

Сегодня, спустя более десяти лет после начала реформ, основной формой собственности в Армении является частная, на долю которой приходится 86,2%. Государственная и муниципальная собственность имеет удельный вес, равный 8%. Остальные 5,8% приходятся на различные формы смешанной собственности (с участием или без участия иностранного капитала) [4]. Соответственно изменилась и структура занятости: доля занятых в государственном секторе сократилась в десять раз, а в частном секторе возросла в несколько раз.

Изменилось и соотношение ветвей экономики. Резко сократилась доля промышленного производства, возросла сфера услуг, и соответственно, доля сельскохозяйственного сектора. Если судить по структуре занятости, то в 2001г. в сельскохозяйственном секторе Армении было занято 55% всех трудовых ресурсов, в промышленности 25% и в сфере обслуживания и сервиса 20% [5, с. 29]. По общему вкладу в структуру ВВП, согласно тому же источнику, сельское хозяйство занимало 40%, индустрия 25% и сервис 35%. Как видим, действительно, произошла деиндустриализация страны, что повлекло за собой изменение структуры занятости, а следовательно, и трансформационной стратификационной структуры общества.

Деиндустриализация и возрастание доли занятых в сельском хозяйстве, а также доли сельскохозяйственного сектора экономики в структуре ВВП — прямой показатель движения назад, деградации армянского общества. Армения на протяжении всех послевоенных лет остава-

лась индустриальной страной, которая давно перестала уже быть аграрной. К началу 90-х годов 70% населения Армении проживало в городах, а в сельском хозяйстве было занято не более 18% населения. Сегодня, спустя более десяти лет модернизации, по-прежнему 67,6% населения проживает в городах, но доля занятых в сельском хозяйстве возросла в три раза. С одной стороны — это результат полной приватизации земли, с другой — остановки более чем 40% промышленности республики. Закономерно в плане модернизации страны расширение сферы обслуживания. В развитых капиталистических странах доля занятых в сфере сервиса с 80-х годов прошлого века стала превышать долю занятых в индустрии.

Для сравнения заметим, что в США, например, доля занятых в сельском хозяйстве трудовых ресурсов не превышает 3%. Китай сегодня прикладывает гигантские усилия, чтобы вывести страну из сельскохозяйственной фазы на индустриальный путь развития. В 1978 г. в Китае 70% всех трудовых ресурсов были заняты в сельском хозяйстве, 17,4% — в индустрии и 12,1% — в сфере обслуживания. Но уже к 1996 г. соотношение существенно изменилось: 50,5% — в сельском хозяйстве, 23,5% — в индустрии и 26% — в сфере обслуживания. При этом доля сельскохозяйственного производства в ВВП страны сократилась с 30 до 20% за тот же период, а доля производства услуг в сфере обслуживания возросла с 20 до 30% [6].

В Армении мы наблюдаем обратную картину. Некогда ведущий и самый многочисленный рабочий класс (66%), частично растворился в возросшей сфере обслуживания, частично пополнил ряды мелких собственников и предпринимателей, но большей частью люмпенизировался и влился в армию безработных. По официальным данным, безработица в республике не превышает 12%. Однако в реальности она составляет все 45% [7, с. 345]. Если же учесть, что значительная часть работающих на предприятиях загружена полсмены, бывают длительные простои, а невыплаты зарплат в некоторых отраслях накапливаются за несколько месяцев, то картина занятости в стране будет выглядеть весьма жалко. Согласно официальным данным, с 1990 по 2000 г. численность промышленно-производственного персонала в стране сократилась на 310 тыс. человек [7, с. 349]. Не случайно, экономический совет Центрально-Европейского экономического обозрения в 1991–1999 гг. отводил Армении 20 место по уровню развития рыночной

экономики среди 27 постсоветских государств [8].

Трансформационная структура армянского общества сегодня многослойная. Появился класс крупных и средних частных собственников, появилось более 335 тыс. фермерских хозяйств, владеющих земельными участками, скотом, птицей, садами. В городах образовался слой мелких собственников, индустриальных предпринимателей, в основном в сфере услуг и обслуживания. Социальное расслоение и социальная стратификация в обществе несравненно возросли, одновременно резко усилились тенденции углубления социального неравенства.

Глубокие изменения в демографической структуре общества также влияют на трансформационную структуру. Вследствие масштабной миграции произошел дисбаланс в доле мужского и женского населения. Доля женщин в обществе сегодня достигает 55%, мужчин — 45%. Между тем в начале 90-х это соотношение равнялось 51,5% и 48,5% соответственно. Кроме того, ощутимо возросла доля людей старшего и старческого возроста (более 60 лет) в составе населения, средняя продолжительность жизни сократилась, составив 70,5 лет для мужчин и 74,5 лет женщин [9]. Возросла детская смертность и сократилась в два раза рождаемость.

Естественный прирост населения в Армении только за период с 1997 по 2000 г. сократился с 5,3 до 2,7 на тысячу населения [9, с. 29]. По индексу человеческого развития Армения занимала 72 место в 1999 г. [10]. Общий средний коэффицент рождаемости в стране с 1960 по 2000 г. сократился с 4,7 до 1,02 (в расчете на одну женщину) [7, с. 41, 42]. Известный армянский демограф академик В.Е. Ходжабекян отмечает, что происходит старение населения: доля взрослого населения возрастает, паралельно уменьшается доля трудоспособного и несовершеннолетнего населения, что в свою очередь приводит к старению экономически активного населения [7, с. 323]. На рынке труда двойная, тройная и даже более кратная занятость работников становится нормой. Достигнув пенсионного возраста, люди всеми силами пытаются сохранить за собой трудовые места и не уходят на пенсию.

Наряду с этим, замечено резкое увеличение потока несовершеннолетних на рынок труда, что объясняется ухудшением уровня жизни армянских семей. Меняется социальная структура и составляющие ее социальные слои. Аналогичные изменения имеют место также и в России. "Рабочий класс как понятие и объект исследования прак-

тически исчез из общественного поля зрения", — пишет российский философ В.В. Трушков [11, с. 45]. Произведя соответствующие расчеты, он показал, что численность рабочего класса в России сократилась в 90-е годы примерно в 1,4 раза. Однако, это не означает, что его вообще не осталось, как пытаются представить некоторые исследователи. По нашему мнению, дело не в численности или физическом существовании рабочего класса, а в той его роли и месте в новой стратификационной структуре, которая складывается в трансформирующихся постсоветских обществах.

Вообще надо заметить, что возросло число классификационных критерев социальной стратификации, теперь в многомерных моделях используются новые критерии, такие как средний доход на члена семьи, размер собственности, уровень образования, социальный статус и социальная позиция, престиж и даже самоидентификация. Чаще всего в качестве стратификационных критериев применяют комбинации объективных и субъективных качеств. Ряд известных российских социологов в стратификационной модели современного российского общества выделяет шесть основных групп [1, с. 3]:

• *правящую политическую и экономическую элиту* — 0,5%;

• *субэлиту, или верхний слой* (крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий, верхнее звено федеральной и региональной бюрократии) — 6,5%;

• *средний слой* (мелкие предприниматели, менеджеры, руководители учреждений бюджетной сферы, профессионалы бизнес-профиля, управленцы, генералитет, силовики) — 20%;

• *базовый слой* (интеллигенция, специалисты, рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса) — 60%;

• *нижний слой* (неквалифицированные работники, работники без профессий, временно безработные) — 7%;

• *социальное "дно"* (безработные, бездомные, бродяги, алкоголики, наркоманы, проститутки, мелкие преступники, социально исключенные из большего общества) — 5%.

Эта социоструктурная модель, как видно, построена (за исключением социального "дна") на основе стратификации занятого населения, в которое, например, не вошли пенсионеры, домохозяйки, студенты и учащиеся, беженцы, инвалиды. Однако, несмотря на это, она дает достаточно

четкое представление о совершенно новой трансформационной структуре российского общества.

Армянская стратификационная модель, на наш взгляд, отличается несколько меньшей дробностью социальных групп. На основе многочисленных социологических исследований, проведенных под руководством автора, была разработана следующая социальная стратификационная модель армянского общества, которая может быть представлена следующим образом:

• *верхний класс* (политическая и экономическая элита, крупные собственники, олигархи и директорский корпус ведущих индустриальных и торговых корпораций) — 5–7%;

• *средний класс* (мелкие бизнесмены и предприниматели, частные владельцы, высокооплачиваемые профессионалы, госчиновники и управленцы) — 10–12%;

• *основной слой* (рядовые работники, служащие, рабочие, крестьяне, представители интеллигенции, пенсионеры, учащиеся, мелкие торговцы, домохозяйки, работники сферы обслуживания) — 65%;

• *социальное "дно"* (бродяги, бомжи, хронически безработные, проститутки, наркоманы, социальные "аутсайдеры") — 15%.

В трансформационной структуре представлены, конечно, основные социальные группы населения. Верхний слой включает в себя также новую политическую и экономическую элиту, которая в армянском обществе практически сращена с крупным бизнесом и "олигархами". Дальнейшее расслоение, возможно, приведет к выделению элиты в отдельный социальный слой, но сейчас это не представляется актуальным.

Для армянской трансформационной модели характерен очень немногочисленный средний слой, что же касается разделения на основной слой и социальное "дно", то оно пока весьма условно, поскольку границы между различными социальными группами вообще еще очень размыты и явно не выражены. В целом трансформационная структура призвана отразить две самые главные тенденции: углубляющееся расслоение армянского общества на многомерные стратификационные слои и растущую социальную дистанцию между верхним и основным слоями общества.

Социальная дифференция особенно резко видна на стратификационной модели, построенной на основе доходов

населения и уровня материального благосостояния. Здесь можно выделить следующие группы: *сверхбогатые*, владеющие огромными средствами и большой собственностью в стране и за рубежом — 3%; *богатые* и *обеспеченные*, способные открывать собственный бизнес, свое дело, расширять владения и недвижимость — до 15%; *малообеспеченные* и *социально нуждающиеся*, составляющие основную часть населения, для которых проблема выживания все еще остается главной в их жизнедеятельности — до 80%.

Самым многочисленным в социальной структуре является базовый слой, он же составляет и слой социально незащищенного малоимущего населения. Средний слой, который должен был обеспечивать экономический рост и стабильность в обществе, еще слишком малочислен и слаб. Многие потенциальные представители этого слоя выехали из Армении в поисках заработка и лучших условий жизни. Средний слой фактически должен был выполнять роль цементирующей силы в обществе, поддерживать традиции и базовые ценности и вместе с тем обеспечивать эволюционное развитие общества. Это должен был быть слой новых предпринимателей, мелких и средних бизнесменов, обеспеченных специалистов и высокооплачиваемых интеллектуалов. Вместо этого мы получили слой "новых бедных" из числа ранее обеспеченной интеллигенции — учителей, преподавателей, научных работников, инженеров, безработных рабочих, служащих мелких и крупных предприятий и учреждений.

Для сравнения социальной структуры общества исследователи обычно прибегают к различным образам. Так, считается, что конфигурация классической социальной структуры развитых европейских стран напоминает "лимон", а латиноамериканских стран — "Эйфелевую башню". Российские социологи социальную структуру общества представляют в виде "придавленного к основанию треугольника" [3, с. 100]. По этой аналогии социальная структура современного армянского общества, скорее, выглядит как перевернутый бумажный кораблик с торчащим сверху небольшим острым треугольником. Предстоит пройти долгий путь и приложить огромные усилия, чтобы придать ему форму "золотого" лимона.

Однако не исключено, что каждое общество обладает своей, только ему присущей конфигурацией социальной структуры, которая необязательно должна быть похожа на

другие. Какой будет окончательная социальная структура армянского общества, пока трудно сказать. Ясно одно, что она находится еще в динамике, еще не устоялась и будет меняться. Будем надеяться, что изменения пойдут в сторону сокращения социальных слоев бедности и увеличения среднего, сравнительно обеспеченного слоя.

В России, например, многие возлагают надежды на то, что "мотором" возрождения страны станет "современный, динамичный, обладающий стратегическим мышлением, одним словом, — цивилизованный предприниматель" [12, с. 77]. Весь вопрос в том, имеются ли прочные социальные корни предпринимательского класса в наших обществах? И ответ на него должен быть дан на основе не социального мифотворчества, как это часто бывает в среде различных политических деятелей, а строгого, научно обоснованного анализа. Причем государство, в лице складывающихся политико-экономических элит, должно решить для себя открыто и честно — заинтересовано ли оно в развитии и расширении многочисленного класса крепких отечественных предпринимателей. Ведь черезвычайно важно не только само по себе образование класса предпринимателей из различных других слоев общества, но твердая государственная поддержка этого процесса.

В Армении, как показывают многочисленные социологические исследования и изучение процессов миграции населения, за последние десять лет государство не оказывало серьезной поддержки становлению массового слоя малых бизнесменов и средных предпринимателей. Образование этого слоя во многом проходило, скорее, вопреки, чем благодаря поддержке государственных структур. Многие предприниматели уехали из Армении в другие страны, где они с большей эффективностью смогли развернуть частное предпринимательство.

В нашей стране произошло "вымывание" свободного предпринимателя. Остались главным образом те из них, кто занимается слишком мелким семейным бизнесом, либо крупные и очень крупные бизнесмены, хорошо интегрированные во властные структуры, "бронированные" различного рода "крышами". Ни для кого не секрет, что многие из этих бизнесменов вышли из бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры либо теневого бизнеса, частично легализованного.

Известный российский социолог член-корреспондент

РАН Ю.В. Арутюнян в связи с этим справедливо отмечает: «Произошла весьма своеобразная социальная "революция". Обычно революции претендуют на то, чтобы "те, кто был ничем, стал всем". В данном случае должностная номенклатура — наиболее удачливые из тех, кто был почти "всем", стали ими уже окончательно и безгранично. Не случайно партийно-государственный аппарат, как считает Р.В. Рывкина, "инициировал перестройку", когда для этого уже в 80-е годы открылись возможности.

Те, кто в недавнем прошлом находились на партийно-хозяйственных или общественно-командных высотах, поднялись еще выше, а главное, приобрели новое качество — стали собственниками-капиталистами, получив тем самым легальную возможность закрепить свои господствующие позиции в обществе и обеспечить себя и свою родню, наследников "до седьмого колена" вдруг обретенной собственностью, в том числе на средства производства» [13, с. 32]. В этих словах много правды и трудно с ними не согласиться.

Действительно, произошедшая "революция" носила во многом верхушечный характер, была прежде всего в интересах обворовавшейся партийно-хозяйственной номенклатуры и открывала хорошие перспективы для легализации их огромных теневых накоплений. Широкие массы были заворожены демократическими лозунгами и поверили в возможность расширения социальных свобод. Однако на деле в выигрыше оказались новые "хозяева жизни" или, иначе говоря, национальная буржуазия, которая долго зрела в недрах коммунистического строя.

Именно это обстоятельство дает основание многим исследователям называть идущие реформы "реставрацией" капитализма, верхушечным переворотом, откатом назад от социалистических принципов. По мнению армянского философа В.А. Погосяна, произошедшее следует квалифицировать не как демократизацию общества, а именно как либерализацию, причем в наихудшем исполнении. Результатом ее, с одной стороны, явилась коммерциализация бывшего госаппарата и сращивание его с теневой экономикой [14, с. 191], а с другой стороны, обнищание масс, маргинализация общества, рост экстремизма и национализма в обществе [3, с. 101]. Параллельно идет формирование еще одного нового класса — класса современных наемных работников.

Разгосударствление и приватизация неизбежно привели к возникновению новой социальной структуры. На смену государственной экономике пришла многосекторная экономика с большим разнообразием форм собственности — государственной, частной, муниципальной, арендной, акционерной, смешанной и др. [15, с. 41]. Группа наемных работников (в государственном или частном секторе), фактически, составляет основную часть занятого населения. В современной России 92,2% всего занятого населения страны — это работающие по найму [15, с. 41, 42]. Наемные работники представляют собой базовый элемент в макроструктуре общества.

В современном армянском обществе существуют большие группы маргинального населения и социально исключенных из актуального социума. Маргинальные слои характеризуются по-разному, мы подразумеваем под маргинальными слоями ту часть населения, которая в силу различных причин "выпала" из нормального политического и экономического процесса. Это, в первую очередь, многочисленные группы беженцев, члены неполных семей, семей погибших на войне или потерявших в результате землетрясения кормильцев, людей, потерявших в ходе экономических реформ свои сбережения и лишившихся жилья и недвижимости, наркоманов, проституток, деморализованных и деклассированных элементов. Для трансформационной структуры переходного армянского общества характерно резкое возрастание доли маргинальных социальных групп в общей структуре населения. Здесь отрицательную роль сыграла также миграция, в результате которой значительно возросла доля неполных семей, временно или навсегда покинутых мужчинами-кормильцами. Подобные дистантные семьи нередко становятся основой для воспроизводства маргинальных слоев, пополняют ряды социально исключенных категорий населения.

ПАДЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ, БЕДНОСТЬ И ИМУЩЕСТВЕННОЕ РАССЛОЕНИЕ

Пожалуй, самым негативным следствием реформ явилось резкое падение уровня жизни и массовое обнищание населения. Сегодня уже ни для кого не секрет, что необратимое массовое обнищание было запрограммировано в са-

мой структуре и характере реформ [16]. Получилась модернизация наоборот. Стратегической целью модернизации советского общества было его дальнейшее развитие в русле либерализации экономики и демократизации политического устройства. Все это было нацелено на улучшение уровня и качества жизни простых людей, на подтягивание к европейским стандартам и западным меркам "way of life" ("стиль жизни"). Однако на деле, по прошествии более чем десяти лет с начала реформ, общества "догоняющей модернизации" получили беспрецедентную нищету для большей части населения. Результат реформ оказался прямо противоположным декларируемым целям реформации.

Перед трансформирующимися обществами во весь рост стала тяжелейшая задача преодоления бедности. Причем здесь речь может идти только о **"новой бедности"**, поскольку в советском прошлом этих обществ массовая бедность была полностью преодолена еще до Второй мировой войны. Без всякого сомнения "новая бедность" явилась одним из прямых результатов реформ. Прогнозирование такого результата не представляло особого труда, тем более что уже имелся опыт модернизаций в латиноамериканских странах. Однако каждая страна проходит свой, особый путь модернизации, со своими специфическими трудностями и проблемами. Общим на этом пути является резкое падение уровня жизни в период "шоковой терапии" и перехода к новым рыночным отношениям.

Специфика и длительность "переходного периода" зависят от множества факторов. Но прежде всего необходимо преодолеть бедность, быстро перестроить экономические отношения с тем, чтобы обеспечить равные возможности экономической активности для широкого круга членов общества и социальных групп. Известный российский социолог Н.Ф. Наумова пишет по этому поводу: "Главная задача по отношению к бедности в переходный период — сделать ее обратимым, временным и, тем более, не наследуемым социальным состоянием" [16, с. 46]. Соглашаясь в целом с этим мнением, думаю, что главная задача состояла, скорее, в том, чтобы не довести общество до массовой бедности, смягчить "шоковый" компонент переходного периода таким образом, чтобы обнищание не стало уделом широких слоев общества, а было бы сведено до возможного минимума. Намного сложнее бороться с бедностью, чтобы она не стала необратимым и наследуемым

социальным состоянием для подавляющего большинства населения, чем предупредить и предотвратить ее массовое распространение.

Особенностью "новой бедности" является ее функциональный характер. Социальные слои населения, которые в прежней системе относились к категориям обеспеченных, в новых экономических условиях пополнили ряды безработных, малообеспеченных и бедных слоев населения. Это не наследственная, а приобретенная бедность в результате макроэкономических реформ. Ведь сегодня слои бедного населения пополнили вчерашние рабочие и служащие, представители интеллигенции, инженерно-технические работники, преподаватели школ, врачи, работники госучреждений и большая армия пенсионеров. "Новая бедность" как приобретенный феномен и как результат реформ стала камнем преткновения для углубления тех же реформ. Говоря диалектическим языком, реформы породили свою противоположность — бедность, которая тормозит дальнейшее развитие реформ. Фундаментальная ломка старой экономической системы породила армию безработных.

"Локомотив" дальнейшего развития реформ — пресловутый новый средний класс — оказался зажатым в тисках "новой бедности". Вся его социальная энергия тратится на борьбу за выживание, а не на развертывание экономической инициативы. Вопреки распространенному мнению, средний класс в современном обществе составляют не мелкие собственники, а высокооплачиваемые наемные работники. Они составляют в развитых странах 60–80% трудового населения. Именно высокооплачиваемые и хорошо обеспеченные наемные работники частного и государственного секторов экономики обеспечивают стабильность и бесконфликтное развитие общества. Государство должно прикладывать огромные усилия для расширения социального слоя наемных специалистов, особенно в период реформ и трансформации социальных отношений. Это самое эффективное средство борьбы против бедности, принявшей в нашей стране угрожающие масштабы.

Многочисленные исследования и публикации, посвященные проблеме бедности в современном обществе, страдают одним недостатком — отсутствием глубинного анализа причин этой бедности и соответственно возможных эффективных путей ее преодоления. Дело в том, что "новая

бедность" в постсоветских странах ничего общего не имеет с массовой бедностью населения в странах третьего мира и в развивающихся странах.

В странах третьего мира — полуколониальных и постколониальных, бедность и нищета являются хроническим состоянием общества. Это — следствие экономической отсталости страны, неразвитой индустрии, низкого уровня грамотности населения. Бедность, как правило, сопровождается низким уровнем медицинского обслуживания, недостаточным питанием, высокой смертностью, в том числе детской, распространением эпидемий, вирусных заболеваний, отсутствием регулярного электроснабжения, питьевой воды, недостаточными санитарно-гигиеническими условиями жизни людей, жилища и рядом других признаков. Все это не имеет никакого отношения к феномену постсоветской бедности среди населения с высоким уровнем образования, бытовых условий жизни, системы здравоохранения и культуры повседневной жизни. Для индустриально развитой Армении, где преобладает городское население, распространение бедности в конце XX в. не могло быть не чем иным, кроме как результатом социальной катастрофы.

Ответственность за "новую бедность" ложится не только на совершенно непродуманные экономические реформы, но и на экономически необоснованную раздутость оплачиваемого из госбюджета сектора рабочих и служащих. Избыточная занятость в советском обществе принимала все большие и большие масштабы и фактически отвечала политическим целям системы, но не экономической необходимости. В условиях перехода к рыночным отношениям отрицательный эффект "шоковой терапии" в советском обществе был многократно усилен именно из-за наличия избыточной, экономически "неоправданной", а потому искусственно раздутой занятости. Вся эта армия трудящихся "за государственный счет" оказалась выброшенной "за борт" рыночной экономикой. Не случайно социалистические страны Восточной Европы несколько менее болезненно пережили период "шоковой терапии" и раньше адаптировались к новым условиям. Дело в том, что после Второй мировой войны советский период у них длился сравнительно меньше, и потому население еще не полностью отвыкло от своего "буржуазного" прошлого.

Армения, даже в условиях советской "избыточной занятости", всегда была трудоизбыточным регионом. В республике рабочих мест было намного меньше, чем трудовых ресурсов. Именно поэтому даже в годы советской власти "отходничество" в Армении было привычным явлением. Ежегодно до 50 тыс. армянских работников находили временную, сезонную работу в других республиках Союза. Подобная сезонная трудовая миграция носила устойчивый характер на протяжении многих лет. Кроме того, отрицательный эффект рыночной реформы был многократно усилен также военной ситуацией первых лет независимости, блокадой транспортных артерий и трубопроводов республики и, как следствие, глубоким энергетическим кризисом.

Как известно, армянская атомная электростанция была законсервирована после катастрофического землетрясения 1988 г., а теплоэлектростанции не действовали из-за прекращения подачи газа и поступления мазута по железнодорожным линиям. В 1991–1995 гг. Армения оказалась в тяжелейшем экономическом кризисе. Даже одной из перечисленных причин было бы достаточно для возникновения масштабной безработицы и резкого ухудшения условий жизни людей. В Армении падение уровня жизни и обнищание населения за эти годы носило обвальный характер.

Люди "проели" все свои сбережения, накопленные за годы советской власти, продали столовое серебро, золотые изделия, семейные драгоценности. Последним "в расход" шло недвижимое имущество: дачи, земельные участки, дома и квартиры. Совершенно очевидно, что все это скупалось другой, несравненно меньшей, частью населения, которая именно в эти же годы стала обладателем огромного богатства за счет законной и незаконной торговли энергоносителями, горючим, оружием, медикаментами и продуктами питания в огромных для республики масштабах.

Свой "первоначальный капитал" крупные семейные бизнес-группировки сколотили именно в годы кризиса. Причем гипертрофированные доходы создавались не только за счет перераспределения средств и собственности граждан, но также за счет присвоения очень крупных денежных средств из огромной гуманитарной помощи и кредитов международных организаций, поступавших в республику. Таким образом закладывались совершенно гипертрофированная имущественная дифференциация населения и основы "новой бедности".

Государственные чиновники имели самое непосредственное участие в подталкивании населения к пропасти "новой бедности", в том числе и потому, что намеревались путем ускоренной приватизации государственной собственности за бесценок приобрести ее на фоне беднеющего и финансово ослабленного населения. В этой ситуации они повели себя как заядлые картежники, которые сначала отбирают козыри у противника, затем легко скупают все "взятки". К сожалению, противником госчиновников в данном случае оказался собственный народ.

Российские социологи также отмечают эту характерную особенность "кризисного социума", а именно: одновременность и сопоставимые масштабы процессов как абсолютного обеднения, так и обогощения людей. "Переходная природа нынешней социальной ситуации придает всем ее элементам, в том числе и социальной дифференциации, смутный — незавершенный и не до конца выявленный — характер. Если то, от чего отходит Россия, что рушится в нашей стране, сравнительно понятно, то куда мы движемся, какой строй и какая социальная структура формируется у нас, пока еще далеко не ясно" [17, с. 441].

Ясно одно, что масштабы бедности и имущественная дифференциация в нашей стране приняли угрожающий характер. Отличительной особенностью армянской "новой бедности" является явно выраженный ее городской характер. В отличие от традиционно бедных стран, в которых нищее население проживает в сельской местности, в Армении бедность — удел преимущественно жителей городов. Приватизация земли в деревне создала целый класс мелких земельных собственников или 335 тыс. частных фермерских хозяйств, в то время как приватизация промышленных предприятий породила армию безработных, пополнивших многотысячные ряды городской бедноты. Если колхозники в результате приватизации земли стали землевладельцами, то городские рабочие, в отличие от них, не стали совладельцами заводов и фабрик в результате ваучерной приватизации промышленности. Сегодня за чертой бедности, по официальным данным, находится более половины населения республики.

Структура бедности в Армении основывается на сложных расчетах, учитывающих не только уровень дохода населения, но и возможности получения образования, медицинской помощи, человеческого развития, защиты прав человека и удовлетворения его духовных запросов. Тем не менее уровень дохода и материальный достаток являются базовым показателем при анализе бедности. Государственная стратегическая программа РА по преодолению бедности, выделяет три группы бедных: *очень бедные*, душевой доход которых меньше минимальной продуктовой корзины (стоимость минимальной продуктовой корзины рассчитывается по методике ООН, основывающейся на медицинских нормах количества продуктов питания, содержащих по 2100 ккал на душу в день); *бедные*, у которых величина душевого дохода ниже общего уровня нищеты; *небедные*, у которых величина душевого дохода выше общего уровня нищеты [18, с. 7].

Таблица 8

Показатели бедности населения в Республике Армения

Год	Коэффициент Джини	Доля населения, %	
		бедного	очень бедного
1996	0,65	57,4	27,7
1999	0,57	55,1	22,9
2001	0,53	51,0	16,0

Для описания бедности часто используют коэффициент Джини, который показывает, насколько неравномерно или несправедливо распределяются доходы среди всех членов общества. При этом максимальное значение по уровню доходов коэффициента Джини, равное 1, означает высочайшую степень имущественной поляризации общества. Уровень бедности населения Армении имеет небольшую тенденцию к снижению, но тем не менее остается очень высоким (табл. 8) [18, с. 9]. Кроме того, величина коэффицента Джини свидетельствует об очень большой имущественной поляризации среди различных групп населения.

Об этом же свидетельствуют децильные коэффициенты распределения доходов среди населения. Динамику дифференциации доходов населения определяют, как правило, изменением децильного коэфицента дифференциации. Он представляет собой отношение уровней доходов 10% наиболее богатого и 10% наименее бедного населения. Приводим отношение децильных показателей обеспеченности населения Армении (данные 1999 г.) [9, с. 88]:

Децили, %		*Доля ВВП, %*
Беднейшие	10	0,4
	20	1,5
	30	2,5
	40	3,5
	50	4,9
	60	6,2
	70	8,1
	80	10,7
	90	16,0
Богатейшие	10	46,2

Фактически, 10% самых богатых людей в республике получают почти половину (46,2%) всего национального дохода. Разница в доходах между 20% самых богатых слоев населения (62,2%) и 20% самых бедных слоев населения (1,9%) отличается в 32 раза! Это свидетельствует об очень высокой степени поляризации населения по уровню доходов. Столь экстремальная поляризация тормозит экономическое развитие страны. Для сравнения отметим, что децильный коэффициент дифференциации доходов в России составлял в 1999 г. — 13,4, а в 2000 г. — 12,4% [19, с. 33]. Это означает, что в Армении степень имущественной дифференциации среди различных слоев населения в 2 раза больше, чем в России.

Наличие огромного количества бедного населения также затрудняет быстрый экономический рост. Дело в том, что даже серьезное увеличение ВВП не будет приводить к существенному сокращению бедности, поскольку львиная доля национального дохода перераспределяется среди богатых и обеспеченных слоев и лишь малая его часть выпадает на долю беднейших. За короткий период с конца 80-х до конца 90-х годов произошел резкий переход от *дефицита товаров*, к *дефициту денег* [19, с. 35]. При этом уровень жизни подавляющего большинства населения обвально понизился (табл. 9) [20, с. 55].

С точки зрения бедности, жители малых и средних городов находятся в более тяжелом положении, чем жители сел, особенно в зоне землетрясения, приграничных с Азербайджаном населенных пунктах и высокогорных районах в республики (табл. 10) [9, с. 89]. В числе наиболее бедных марзов оказались Ширак и Лори, пораженные катастрофическим землетрясением 1988 г., а также высокогорные Арагацотн и Сюник.

Таблица 9

Распределение бедности между городским и сельским населением Армении (в процентах)

Категории бедности	Село	Город	Ереван	Вся страна
Очень бедные	11,3	18,3	16,8	16,0
Бедные	34,7	33,6	29,9	34,9
Небедные	51,3	48,1	53,3	49,1

Таблица 10

Распределение бедности по всем марзам республики Армения (в процентах)

Марзы РА	Бедные	Очень бедные
Арагацотн	57,0	25,6
Арарат	49,4	17,1
Армавир	36,7	13,0
Гегаркуник	43,4	13,3
Лори	61,7	34,7
Котайк	60,3	30,5
Ширак	77,3	40,7
Сюник	50,0	25,9
Вайотц Дзор	34,7	15,6
Тавуш	27,6	13,6
Ереван	56,6	29,1

Среди различных групп населения наиболее бедными являются люди старшего возраста, пенсионеры. Средние размеры пенсий в Армении очень низкие: в 1995 г. пенсия составляла 2359 драм, в 1996 г. — 3152, в 1997 г. — 3673, в 1998 г. — 3793, в 1999 г. — 4421, в 2000 г. — 4473 [21, с. 7]. Если учесть, что пенсионеры практически не имеют иных источников доходов, кроме пенсий, то, очевидно, что они находятся ниже официального уровня бедности. Фактически, 94% пенсионеров должны считаться бедными, поскольку уровень пенсий никак не может обеспечить даже минимальную продуктовую корзину [21, с. 13]. Положение одиноких пенсионеров и пенсионеров, которым не в состоянии помогать их взрослые дети, проживающие отдельно в стране или за рубежом, просто бедственное.

Таблица 11

Среднемесячные зарплаты в Армении в 1995–2000 гг.

Год	Среднемесячные зарплаты, драмы	
	бюджетные организации	отрасли экономики
1995	3077	7060
1996	5152	9469
1997	7427	13581
1998	9934	18600
1999	12292	21157
2000	13983	22706

В Армении очень высокий уровень безработицы, однако даже те немногие, кто имеет работу, не могут нормально обеспечить семью пропитанием и оплачивать коммунальные расходы. Средний уровень официальных зарплат в 1995–2000 гг. тоже не был высоким (табл. 11) [21, с. 7]. За этот период зарплата бюджетников возросла в 4,5 раза, а в различных отраслях народного хозяйства (в том числе в частном секторе) – в 3,2 раза. Однако у бюджетников среднемесячная зарплата почти вдвое меньше, чем в частном секторе экономики, и в своем абсолютном значении она все равно ниже величины минимальной потребительской корзины. Это означает, что значительная часть работающего населения также находится ниже официального уровня бедности.

В отличие от многих развитых и неразвитых стран, в Армении иметь работу и получать регулярно зарплату еще вовсе не означает быть защищенным от бедности. К бедным относится 45–47% работающего населения Армении из-за чрезвычайно низкого уровня заработной платы [18, с. 10]. Для сравнения приведем размеры пенсий и среднемесячной заработной платы занятого населения стран СНГ (табл. 12) [20, с. 68]. Только в Молдове уровень зарплат, а также уровень пенсий в Грузии, Молдове и Киргизии несколько меньше, чем в Армении. В остальных странах СНГ эти показатели в два, а то и в три раза больше. Но даже эти небольшие по величине зарплаты и пенсии в Армении выплачиваются нерегулярно, иногда с задержками в несколько месяцев.

Кроме того, в стране очень высок уровень функциональной и скрытой безработицы. Это означает, что люди

Таблица 12

Соотношение средних зарплат и пенсий в странах СНГ и Армении

Страна	Средняя зарплата	Средняя пенсия
Армения	100	100
Азербайджан	195	118
Белоруссия	382	175
Грузия	100	79
Казахстан	343	229
Киргизия	119	62
Молдова	85	78
Россия	361	188
Украина	190	101

числятся работающими на каком-то предприятии, но простои в работе настолько длительные, что фактически они работают только несколько месяцев в году. Люди вынуждены работать в нескольких местах одновременно. В результате у работающих резко сокращается величина свободного времени, возрастает интенсивность труда и повышается уровень эксплуатации труда. В свою очередь, это ведет к перегрузкам, напряженности и плохо отражается на состоянии здоровья тех, кто вынужден интенсивно работать. Среди них возрастает травматизм и профессиональные заболевания.

В армянском обществе происходит своеобразная дифференциация населения: с одной стороны, имеются многочисленные социальные группы безработных, с другой стороны, есть также немногочисленные группы людей, сверх всякой нормы перегруженные работой. У них, как правило, ненормированный рабочий день и высокая интенсивность труда при сравнительно невысокой оплате. В результате страдают условия труда и качество его окончательных результатов.

По показателям уровня бедности в Армении, как правило, выделяют четыре социальные группы бедного населения: многодетные и большие семьи, безработные и получающие низкую заработную плату (работники сферы образования, культуры и искусства), беженцы и внутренние переселенцы, пенсионеры и инвалиды [18, с. 10].

Исследования свидетельствуют, что семьи, имеющие

трех и более детей, беднее остальных. Очень бедные семьи в 1,5 раза более обременены заботами по уходу за детьми [18, с. 10]. Среди беженцев, особенно проживающих во временных жилищах, доля очень бедных в 1,4 раза больше, чем среди основного населения. Более 90% одиноких пенсионеров нуждаются в материальной помощи [18, с. 11]. Пособия инвалидам и пенсии по старости в 2–2,5 раза ниже общего уровня бедности.

Заметим, что по официальным данным величина минимальной продуктовой корзины составляла в 2001 г. 12 тыс. драм. Средняя же пенсия в том же году составлял 5 200 драм [18, с. 11]. Следует отметить, что величина официальной минимальной продовольственной корзины явно занижена. Кроме того, не будем забывать, что для приготовления пищи, человек нуждается в электроэнергии, водоснабжении и других коммунальных услугах, цена на которые в нашей стране очень высока по сравнению с величиной средней пенсии или даже зарплаты. Поэтому у нас и существует такой необычный феномен, как бедность среди занятого населения.

Конечно, люди существуют не только за счет зарплаты или пенсии, есть и другие источники доходов. Процентное распределение населения по различным источникам доходов выглядит следующим образом (1998–1999 гг.) [20, с.11]:

трудовые доходы	46,2%
самообеспечение	5,2%
фермерские доходы	24,7%
трансферты	10,7%
денежные переводы	8,7%
продажа собственности	4,1%

По оценкам независимых экспертов, денежные переводы в Армению от родственников из-за рубежа составляют в год около 1 млрд. долл. Это более чем в два раза превосходит годовой бюджет страны. На первый взгляд, эта цифра противоречит процентному показателю денежных переводов (8,7%) в структуре источников доходов населения. Однако на деле противоречия нет, потому что переводы из-за рубежа получает не все население поровну, а лишь некоторая его часть. Если даже всю сумму денежных переводов из-за границы распределить поровну среди 3 млн. жителей страны, то получится около 340 долл. в год на душу.

Это меньше официального уровня нищеты в 1 долл. на душу в день, установленного ООН для слаборазвитых стран.

По результатам наших многочисленных социологических исследований, среднемесячный доход на одного члена семьи в Армении распределяется следующим образом:

менее 5 тыс. драм	16,4%
от 5 000 до 15 тыс. драм	37,9%
от 15 000 до 50 тыс. драм	35,4%
от 50 000 до 100 тыс. драм	5,8%
от 100 000 до 150 тыс. драм	1,4%
более 150 тыс. драм	0,6%

Получается, что 89,7% населения имеют в месяц доход менее 50 тыс. драм, т.е менее 85 долл. А для более чем половины населения (54,3%), среднемесячный душевой доход составляет менее 15 тыс. драм, т.е. менее 25 долл. По данным социологических опросов, доля не бедного населения составляет всего 7,8%. Из них только 0,6% имеют доход более 250 долларов США в месяц. Таким образом, доля обеспеченного и богатого населения очень невелика. Это отчасти объясняется тем, что богатые и обеспеченые семьи, как правило, редко попадают в число респондентов в социологических опросах. Тем не менее и по данным опросов, и по официальным данным процент населения, имеющий очень низкий доход, еще слишком высок в нашем обществе.

Анализ социальной структуры бедности и ее географического распределения по стране подсказывает несколько очень важных выводов для перспективной стратегии ее преодоления. Первое и самое важное: увеличение национального дохода само по себе не приводит к сокращению бедности, а наоборот, усиливает имущественную дифференциацию. Богатые становятся еще богаче, а бедные еще беднее. Это происходит из-за неравномерной доли участия различных групп населения в распределении национального дохода. Следовательно, даже интенсивный рост ВВП не может обеспечить рост благосостояния всех слоев населения. В мире существует немало стран с огромным количеством нищего населения и кучкой мультимиллионеров одновременно, ВВП которых в несколько раз превосходит показатели нашей страны, например Индия.

С другой стороны, увеличение, даже многократное, заработной платы тоже автоматически не приведет к пре-

одолению бедности в стране. Хотя бы по той простой причине, что уровень безработицы все еще очень высок. Следовательно, надо обеспечить людей работой, создать новые рабочие места, чтобы затем увеличение заработной платы отразилось бы на общем благоостоянии населения.

Однако анализ ситуации показывает, что и создание новых рабочих мест, и сокращение уровня безработицы, и увеличение заработной платы тоже не в состоянии полностью решить проблему бедности в нашей стране. Дело в том, что из-за масштабной миграции и падения рождаемости в стране идет интенсивный процесс старения населения. За последние десять лет доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась более чем на 30% [18, с. 11]. А если учесть отток из страны людей молодого и среднего возраста, то доля лиц старше трудоспособного возраста увеличится в 1,5 раза.

Резко нарушился баланс между мужчинами и женщинами, особенно среди молодежи и людей среднего возраста. Отсюда следует вывод, что возросла доля тех социальных групп населения, которые нуждаются в опеке и финансовой помощи со стороны государства, прежде всего пенсионеров, инвалидов, одиноких матерей, неполных семей и несовершенолетних детей без родителей. Социальное обеспечение и преодоление бедности в этих группах населения не решается простым увеличением рабочих мест и величины средней зарплаты.

Структура и глубина "новой бедности" в нашей стране свидетельствует о том, что ее преодоление потребует многих лет напряженной работы и выработки совершенно неординарных программ. Разработанная правительством РА "Обобщенная стратегическая программа по преодолению бедности" [18], с одной стороны, представляется нереальной и по крайней мере наполовину невыполнимой, с другой стороны, даже выполнение всех ее программных требований не гарантирует полного преодоления бедности в нашей стране. Эта программа, как и десятки других правительственных программ (начиная еще с советского периода и до наших дней), обречена стать еще одним "историческим" документом, переданным на реализацию разве что архивным мышам.

В сложившейся нестандартной ситуации нужны совершенно нестандартные, смелые решения. Очевидно, что с возросшим грузом нуждающегося в социальной помощи

населения наше государство просто не в состоянии реализовать интенсивные программы быстрого экономического роста. Следовательно, первое, что необходимо, — это перераспределить тяжесть социального обеспечения неработающего населения Армении с плеч работающего меньшинства на плечи всей армянской диаспоры. Без серьезной программной помощи диаспоры задача по преодолению бедности современной Армении не по силам.

Диаспора (старая и новая) по неформальным и формальным каналам оказывает всестороннюю помощь населению Армении. Другое дело, что часть этой помощи оседает в руках нечестных государственных чиновников. Следовательно, нужна система государственного социального обеспечения неимущих слоев населения Армении, которая должна быть рассчитана на совершенно конкретное и существенное участие армянской диаспоры. Это может быть программа, рассчитанная на ближайшие 10 или 15 лет, после чего она будет пересмотрена. Только так можно избавить новое армянское государство от тяжелого груза повседневных забот о неимущих слоях населения и направить все средства и усилия на интенсивное развитие экономики страны. В плане стратегической задачи преодоления бедности приоритетными становятся сокращение безработицы и рост доходов трудящегося населения.

Совершенно очевидно, что для решения такого масштаба государственных задач правительство страны должно пользоваться доверием не только населения страны, но и всей армянской диаспоры. Прежде всего, должен быть серьезно увеличен кредит доверия власти. Это значит, что нестандартные экономические программы должны быть надежно обеспечены политически. Иначе им не суждено будет осуществиться.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Вполне правомерно истекший XX в. называют "эрой миграции" [22]. Численность международных мигрантов возросла с 75 млн. человек в 1965 г. до 120 млн. в 1990 г. и до 140 млн. в конце минувшего века. Количество мигрантов в мире увеличивалось быстрее, чем население земного шара [23, с. 102]. Вследствие масштабных миграционных про-

цессов современные общества становятся культурно, этнически, конфессионально более разнообразными.

Есть три пути регулирования этого разнообразия — ассимиляция, сепаратизм и мультикультурализм. В настоящее время создается даже особое научное направление под названием "миграциология" [24]. Существует целый ряд миграционных теорий и концепций, таких как теория "новой экономической миграции" О. Старка и Д. Блума [25] или теория "двойной трудовой рыночной миграции" [26]. Экономисты разрабатывают неоклассические макро- и микроуровневые теории развития с учетом мировой миграции и неограниченного притока рабочей силы [27]. Социологи разрабатывают отдельное направление в своей науке — "социологию миграции". Международная социологическая ассоциация давно уже создала специальный исследовательский комитет (RC 33) по социологии миграции.

Конец XX столетия характеризуется несколькими глобальными тенденциями, которые во многом определяют геополитическую картину мира. Эти тенденции давно установлены и описаны в трудах историков нашего времени. Они особенно ярко проявились во второй половине столетия. Первая тенденция — деколонизация бывших империй, вторая — образование новых независимых государств. После Второй мировой войны на карте мира появились новые независимые национальные государства, которые существовали ранее как домены в составе еще больших государственных образований. Третья глобальная тенденция — объединение независимых государств в большие многосторонние союзы и агломерации. Яркий пример тому — образование на наших глазах Объединенной Европы.

Глобальные процессы последней декады XX в., затронувшие страны бывшего Советского Союза, породили новые реалии. На фоне мировых тенденций на Кавказе происходят специфические процессы депопуляции и моноэтнизации. Кавказ на глазах современников меняет свой исторически традиционный облик. Основными историческими переменами последней декады ушедшего века не только для Армении, но и для Южного Кавказа в целом стали: депопуляция, моноэтнизация, маргинализация общества.

Беспрецедентный в истории процесс депопуляции в странах Южного Кавказа явился одним из многочисленных негативных следствий распада коммунистической системы и попыток модернизации в этих странах. В общей сложности около 3 млн. человек покинули страны Южного Кавказа. К концу 90-х годов Армению покинули около 1 млн. людей. Основные причины, вызвавшие такую мощную волну миграции, — резкое сокращение рабочих мест, экономический кризис и сильное падение уровня жизни. Армения стала экспортером рабочей силы и квалифицированных кадров. Экспорт трудовых ресурсов, отток экономически активного населения в больших масштабах существенным образом изменили социально-демографическую структуру общества. Однако миграционные процессы имеют свою предысторию.

В Армении только в XX столетии было несколько крупных миграционных потоков. По данным архивов Национальной библиотеки, в 1917 г. существовало 202 миграционных поселения (гахтоджахнер, или "миграционные дома"), переправлявших армян в Индию, Австралию, Аргентину, Эфиопию, Северную Америку, а также в европейские, средневосточные и российские города. Есть сведения о том, что и до 1895 г. существовала медленная эмиграция армян из Турции в Соединенные Штаты и Европу [28]. Большинство армян там было землепользователями, меньшинство — ремесленниками и торговцами. Религия играла важную роль в моральной, духовной и интеллектуальной жизни людей. В городе Ани, руины которого сейчас находятся в восточной Турции, была "1001 церковь". Руины многочисленных семинарий и церквей находятся в Республике Армения, Азербайджане, Грузии, Турции и Нагорном Карабахе.

В 1894–1914 гг. произошли трагические перемены в жизни армян в Турции, которые в 1915–1922 гг. стали причиной значительных миграционных потоков. Подсчитано, что 200 тыс. армян [29] погибло только с 1894 по 1896 гг., когда оттоманское правительство пыталось уничтожить христианских армян, а также закрыть армянский вопрос раз и навсегда. Между 1894 и 1896 г. около 100 тыс. армян нашли убежище в других странах, и в 1895–1899 гг. приблизительно 70 980 армян поехали в Соединенные Штаты [30]. Эмиграция из Турции продолжалась до начала XX в.

За геноцидом и вынужденной депортацией армянских жителей Анатолии в 1915 г., которые были осуществлены по приказу правительства младотурков, последовала дис-

персия выживших в разные страны мира. В значительной степени современная армянская диаспора является последствием геноцида.

24 апреля 1915 г. турецкое правительство приказало заключить в тюрьму ведущих армянских интеллектуалов и лидеров. В последующие недели армянские мужчины были задержаны в городах и селах, скованы цепью и уведены под предлогом, что они должы служить в турецкой армии. Следуя отчету армянского Патриаршества 1878 г. и добавляя минимальный подсчет нормального статистического роста армян, Е. Хатанасян подсчитал, что в Оттоманской Турции в 1915 г. было 2 623 тыс. армян [31]. По оценкам Хатанасяна, погибло минимум 1 500 тыс. армян, а число выживших во время геноцида составляло около 1 000 тыс.

По данным переписи 1844 г., в Турции насчитывалось 2 400 тыс. армян [32, с. 116]. Беженцы, в основном женщины, дети и пожилые, месяцами ходили по горам во время жары и духоты, направлялись в курдские села и города, стараясь найти убежище [29]. Многие умерли из-за голода и нападений. Многие были отправлены в пустыни Сирии и убиты.

Широкая волна репатриации в Армению началась в странах Среднего Востока в 1946 г. Тогда правительство Советской Армении разослало приглашения армянам, живущим в диаспоре, мигрировать в Армению. Приглашение было принято многими из них. Люди всех профессий из стран Среднего Востока, таких как Ливан, Сирия, Палестина, Египет и Греция, продавали свое имущество и садились на корабли. На родине мигранты столкнулись с множеством трудностей, особенно после того, как советское правительство конфисковало их имущество. Они были вынуждены жить в ужасных условиях, в холодной горной стране, как и все другие граждане. Разочарованные репатрианты начали уезжать из Армении в 1970-е годы, когда их родственники подали прошение для их миграции в Соединенные Штаты и в европейские страны. Ниже приводятся число мигрантов в Советскую Армению с 1925–1965 гг.[31]:

Страна	*Число мигрантов*
Иран	50 000
Ирак	5 000
Ливан, Сирия	55 000

Египет	5 000
Кипр и Палестина	5 000
Греция	35 000
Франция	10 000
Болгария	5 000
Румыния	5 000
США	3 000
Итого	178 000

Волна вынужденной эмиграции армян поднялась в Азербайджане в 1988–1992 гг. В феврале 1988 г. правительство Азербайджана организовало погромы армянских жителей в Баку [33]. Последовали бойни в Сумгаите и Кировабаде [34]. Множество людей, переживших бойню нашли убежище в Армении, России, в Соединенных Штатах а также в других странах. Согласно классификации Управления Высочайшего комиссара по беженцам (УВКБ ООН), существует восемь категорий мигрантов. В Армении имеется шесть из них [35].

Первую категорию составляют *беженцы*, которые проживают на территории республики уже более 12 лет. В настоящее время из 360 000 беженцев, по данным УВКБ ООН, в Армении находится 264 339 [36, с. 27], а по данным Международной организации по миграции, несколько меньше — 249 100 [37, с. 50]. Примерно 50–60 тыс. из них приняли гражданство РА, остальные уехали из страны в поисках работы и лучшей жизни. Еще 6 тыс. беженцев иммигрирвали из Абхазии и поселились в Армении.

Армянские беженцы из Баку, Сумгаита и Кировабада владели только азербайджанским и русским языками; они должны были изучать армянский язык. К тому же, их профессиональные знания и опыт были свойственны разным отраслям промышленности и не могли быть использованы в стране, которая переживала энергетический кризис.

Армения столкнулась с кризисом из-за экономической блокады со стороны Азербайджана и разорения в результате землетрясения. С помощью международных гуманитарных организаций армянское правительство приняло программы адаптации и интеграции беженцев в обществе, так как возвращение назад не гарантировало бы их безопасность. Власти страны реализуют политику натурализации всех беженцев и в 1999 г. приняли закон, облегчающий порядок предоставления гражданства беженцам из Азербайджана.

Однако беженцы не спешат принять гражданство РА. Основными причинами этого являются отсутствие нормального жилья и работы для них. Принятие гражданства изменит их политический статус в стране, но социальное положение практически не улучшится. Кроме того, многие из них не хотят лишаться удостоверения беженца ООН в надежде использовать его для переезда в другую страну или получения какой-либо гуманитарной помощи.

Специальное социологическое исследование, проведенное под руководством автора совместно с сотрудниками ереванского офиса УВКБ ООН, позволило выявить настроения и мотивацию беженцев по отношению к принятию гражданства РА [38]. Многочисленные социологические исследования, проведенные за десять лет под руководством автора, последовательно и убедительно доказывали недостаточный уровень интегрированности беженцев в современное армянское общество [39, с. 52]. И проблема заключается не только в плохом знании родного языка. Армянское общество и государство оказались неготовыми к решению столь масштабной задачи, как обустройство 360 тыс. беженцев из Азербайджана. Страна экономически просто не могла, и сейчас еще не может, решать такую трудную задачу. К этому добавились также психологические проблемы взаимоотношений беженцев с местным населением. Власти лишь несколько лет назад окончательно определили государственную политику в отношении беженцев и взяли курс на их полную натурализацию. Все эти и ряд других факторов затянули процесс интеграции беженцев на многие годы, что явилось причиной миграции части из них в другие страны.

Еще одна категория мигрантов на территории Армении — *внутренне перемещенные лица.* Приблизительно 200 тыс. человек по разным причинам вынуждены были покинуть родные города и села и переселиться в другие места внутри страны. В основном это жители приграничных с Азербайджаном сел. В результате обстрелов и бомбардировок они лишились крова и вынуждены были в 1991–1994 гг. переехать в глубь Армении.

Среди них есть многочисленная группа лиц, которая относится к категории *экологических мигрантов*. Эти люди покинули места своего прежнего проживания после различных природных бедствий. В частности, в результате катастрофического Спитакского землетрясения 1988 г. около

100 тыс. жителей северных районов республики были эвакуированы в глубь страны. Еще 20 тыс. жителей Тавуша, Котайка и Вайоц Дзора вынуждены были переселиться из-за оползней и наводнений, разрушивших их селения в 2000 г. [37, с. 50].

Заметим также, что из-за катастрофического землетрясения 1988 г. множество раненых людей выехало в другие страны для лечения. Согласно правительственной статистике, около 130 тыс. было эвакуировано в республики Советского Союза, а 70 тыс. уехали сами [40].

Трудовая миграция — это самая многочисленная категория лиц, выехавших из страны в поисках работы и лучшей жизни. В течение последней декады XX в. из независимой Армении мигрировало 800–900 тыс. человек [37, с. 51], что составляет примерно треть населения сегодняшней Армении (по данным последней переписи 2001 г. в стране проживает 3200 тыс. человек). Потоки мигрантов из Армении в основном направлялись в Россию (620 тыс.), Украину (80 тыс.), Белоруссию (15 тыс.), США (100 тыс.), Западную Европу (20 тыс. человек) [37, с. 51].

В Западной Европе армянские мигранты, как правило, пытаются обосноваться в Германии [41], Бельгии, Нидерландах и Польше [42]. Очевидно, что они прежде всего устремляются в те страны, в которых имеются большие группы представителей исторической армянской диаспоры (число армян, проживающих за рубежом, в два-три раза превышает численность населения самой Армении). Такие страны, как Россия, например, пользуются повышенной привлекательностью для мигрантов. Очень многие из них выехали без оформления каких-либо документов о выезде. Первоначально они предполагали уехать на короткое время, заработать денег и вернуться обратно. Однако абсолютное большинство их еще не вернулось и проживает в различных странах в качестве *нелегальных мигрантов.* Другая часть (несравненно меньшая) пополнила ряды *сезонных мигрантов*, периодически выезжающих на какое-то время на заработки, преимущественно в Россию и другие страны СНГ, а затем возвращающихся на родину.

Социально-демографическая структура трудовых мигрантов включает совершенно различные социальные слои армянского общества. В основном это люди в возрасте от 18 до 55 лет, большая их часть (65%) — мужчины в трудоспособном возрасте. Как правило, это квалифицированные

рабочие со средним и профессиональным средним образованием. Но есть много людей (30–35%) с оконченным высшим образованием [43, с. 46]. Если в 1991–1994 гг. мужчины уезжали в одиночку и пытались устроиться за рубежом (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Европа), то впоследствии они стали вывозить членов своих семей и выезжать полностью с семьями. Не секрет, что среди уезжающих много молодежи допризывного возраста, которая таким образом пытается уклониться от службы в армянской армии.

В рамках трудовой миграции мы рассматриваем также явление, которое образно называют "утечкой умов". Впервые термин "brain drain" появился в докладе Лондонского королевского общества в 1962 г. для обозначения эмиграции ученых, инженеров и техников из Великобритании в США [44, с. 77]. Согласно данным Управления статистики РА в 1995 г. среди всех эмигрантов, уехавших из Армении, ученые, преподаватели, инженеры и специалисты составляли 30% [45, с. 10]. Это намного превышает средний показатель по стране.

Мировая трудовая миграция, массовые перемещения трудовых ресурсов, в том числе интеллектуальная миграция, являются движущей силой развития мировой экономики, интенсификации глобальных процессов. Интеллектуальная миграция, переманивание кадров ученых из других регионов имеет древнюю историю [44, с. 78]. Однако то, что полезно для одних, в данном случае стран-импортеров, оказывается вредным для других — стран-экспортеров.

Армения находится среди стран, экспортирующих трудовые ресурсы, квалифицированных специалистов, интеллектуальных работников. Для небольшой страны трата средств на подготовку специалистов, а затем экспорт их за рубеж могут оказаться губительными. С "утечкой умов" Армения теряет интеллектуальное и духовное богатство страны, которое складывается десятилетиями и относится к числу трудновосполнимых или невосполнимых ресурсов.

Хотя традиционно под "утечкой умов" понимается переселение в другую страну специалистов с высшим образованием, сейчас в ту же категорию попадают работа по контрактам с зарубежными фирмами и челночная миграция специалистов [46, с. 4, 5]. Миграционные процессы являются серьезным фактором социальных преобразований и

влияют на демографическую и социальную ситуацию страны вызывая деформацию половозрастной структуры за счет "убытия... наиболее здоровых, молодых, профессионально подготовленных граждан" [23, с. 103].

По своей исторической значимости, масштабам и силе воздействия на общественную жизнь в стране миграция в Армении, пожалуй, — самое крупное явление второй половины XX в. Причины, породившие такую крупномасштабную миграцию, разнообразны. Исследователи, как правило, указывают на энергетический кризис, холод, голод и войну в начале 90-х годов. Безусловно, это самые главные причины, но далеко не единственные. Глубинный, социально-исторический анализ причин и обстоятельств, породивших столь масштабные миграционные потоки, свидетельствует о том, что миграция армян — это многофакторное, многоплановое явление, которое порой неверно упрощается и сводится к известному ряду очевидных причин. На самом деле корни миграции уходят глубоко в историю народа.

Армяне всегда были весьма мобильны и склонны к переездам в силу высоких личностно-адаптивных качеств, которые позволяли им быстро и легко приспособиться в новой среде обитания. Вот эта веками выработавшаяся способность к мобильности и адаптации у части населения в условиях Советской Армении искусственно сдерживалась. Советский режим резко ограничивал свободу передвижения, особенно за пределы государства.

Внутри бывшего советского государства передвижения были возможны, хотя были в огромной степени регламентированы и находились под строгим контролем государства. Особый паспортный режим и режим военного учета делал любые самостоятельные передвижения граждан делом довольно трудным, полностью подотчетным и регистрируемым со стороны местных властей.

С крушением коммунистического режима десятилетиями сдерживаемая миграционная "пружина" была отпущена. У армян появилась возможность реализации высокой активности передвижений. Многие люди сорвались с насиженных мест и устремились в другие страны, в том числе в Западную Европу и США.

К этому следует добавить такой важный "миграционный" фактор, как трудоизбыточность. Армения и в советские годы была трудоизбыточным регионом, в котором проживало больше трудовых ресурсов, чем страна могла

трудоустроить. Сезонное отходничество среди армян было хорошо известно еще в то время. С приобретением свободы передвижения армяне в поисках заработков устремились в Россию, в другие страны бывшего Союза, где у них уже имелись давние деловые контакты и даже родственные связи с местной армянской диаспорой.

Причинный анализ миграции позволил нам разработать классификацию побудительных факторов и объективных обстоятельств, приведших к масштабному оттоку населения в конце XX в. [47].

Культурно-исторические факторы. Важнейший из них — издревле сложившаяся склонность армян к высокой мобильности и адаптивности к новым условиям проживания. К этому классу факторов мы относим также исторически возникшую многочисленную армянскую диаспору во многих странах Европы, Азии и Америки. Тесные контакты с ней, присущие армянскому этническому характеру, стимулировали миграционные настроения людей.

Историко-политические факторы. Среди них — распад Советского Союза, возникновение 15-ти независимых государств, открытость государственных границ и свобода передвижения для бывших советских граждан. К этому же ряду факторов следует отнести многолетнюю политическую пропаганду эпохи холодной войны, которую вели западные державы по отношению к населению Советского Союза. Цель политической пропаганды заключалась в восхвалении западных ценностей, свобод и западного образа жизни. Очень многие советские люди, восприняв эту пропаганду, устремились в Европу в поисках более высокого жизненного стандарта. Отметим также особую внутриполитическую ситуацию, которая сложилась в независимых государствах с приходом к власти новых национальных политических элит. В Армении (как впрочем, в Грузии и Азербайджане) был провозглашен примат национальных ценностей: языка, культуры, традиций и пр. Этот своеобразный "национальный" ренессанс создал для русскоязычной части населения республики некоторый дискомфорт, усиливший в свою очередь миграционные настроения. Не случайно, среди мигрантов первых лет установления независимости государственности было очень много русскоязычных кадров, в том числе из армян, которые предпочли уехать в Россию по политическим соображениям.

Не последнюю роль среди историко-политических факторов миграции играла собственно и смена политического режима. За долгие годы советской власти в Армении (как и в других республиках) сложились большие группы кадровых работников парт- и госаппарата, а также членов их семей и родственников. Для многих из них крах коммунистического режима одновременно означал конец трудовой карьеры, смену стратегии жизни. Эти люди оказались, если не изгоями нового общества, то во всяком случае в числе отверженных в новой жизни. Немалая их часть при первой же возможности эмигрировала в Россию и в другие страны.

Факторы войны и конфликта. Вооруженный конфликт вокруг Нагорного Карабаха, вылившийся в дальнейшем в войну между армянами и азребайджанцами, стал причиной перемещения огромного количества людей с обеих сторон. Около 500 тыс. армян вынуждены были бежать из Азербайджана. Большая часть их — 360 тыс. — направилась в Армению.

В результате войны из Нагорного Карабаха в Армению прибыли 78 тыс. беженцев. Кроме того, 75 тыс. жителей армянских сел в приграничных районах с Азербайджаном вынуждены были оставить родные края из-за постоянных бомбардировок и разрушений. Гнетущая обстановка войны и затянувшегося конфликта стала причиной миграции из Армении многих тысяч ее жителей.

Экономические факторы. В первые годы независимости Армения столкнулась с блокадой дорог и коммуникаций, остановкой почти половины промышленных предприятий страны, жестоким энергетическим кризисом, высоким уровнем безработицы, резким падением уровня жизни для основной части населения, потерей прежних рынков сбыта продукции и поставщиков сырья и многим другим. Экономические факторы явились главной причиной миграции почти трети населения республики за последние годы.

Психологические факторы. В различные периоды они то ослабевали, то усиливались, но, как правило, оказывали существенное влияние на социальное самочувствие граждан и формирование миграционных настроений. Психологические факторы прежде всего связаны с ощущением некоторой утраты "спокойной жизни" и безысходности положения для определенной части населения. Люди не видят хорошего будущего для своих детей и стараются обу-

строить их жизнь за границей. В середине 90-х годов в Армении было очень распространено стремление любой ценой женить детей на иностранцах, чтобы они могли выехать из страны. Психологический фактор безысходности, недоверия к будущему страны играл огромную "выталкивающую" роль в формировании миграционных настроений населения. В наши дни он несколько ослаб, однако не потерял свою актуальность.

В приведенной классификации, безусловно, базовыми являются экономические факторы. Этим обусловлено также и то, что большинство армянских мигрантов вовлечено в поток экономической миграции, и в частности, трудовой миграции. Экономические мигранты, или "гастарбайтеры", оказывают помощь значительной части населения в республике; они содействуют улучшению социальных условий в государстве. Однако их отсутствие вредит экономике республики. Они лишают государство предпринимателей свободного рынка и замедляют образование среднего класса. Существуют также моральные обстоятельства. В центральном регионе России, где созданы армянские общины, прежде всего в Краснодарском и Ставропольском краях, усиливаются антикавказские настроения.

В 1998 г. правительство Армении заявило, что оно готово принять армянских мигрантов из Европы, в частности из Германии, Бельгии и Греции. Правительство Германии уже приняло решение о постепенном возвращении 7 тыс. армян, которые там проживали временно [41]. В ближайшем будущем ожидается возвращение множества мигрантов из западной Европы. К тому же, семьи мигрируют обратно в Армению из Центральной и Средней Азии, в частности из Туркменистана и России.

В июне–июле 1998 г. в Гааге состоялся симпозиум ООН по проблемам международной миграции, на котором констатировался факт возрастания международной мобильности населения за последнюю декаду истекшего века. Там же отмечалось, что в эпоху глобализации государства, как правило, приветствуют потоки капитала, торговли и ноу-хау, но склонны отторгать потоки мигрантов. Так, например, начиная с 80-х годов реакцией государств на национальном уровне на возрастающую международную мобильность населения было уменьшение квот на въезд и ужесточение пограничного контроля [48, с. 7].

Об этом же свидетельствует нежелание многих стран, куда направляются потоки мигрантов, ратифицировать конвенцию ООН 1990 г. "О правах трудовых мигрантов и членов их семей". Эксперты по проблемам трудовой миграции отмечают многократно возросшие миграционные потоки из бедных стран и говорят о возникновении целой "индустрии миграции", занятой международными перевозками людей и их трудоустройством, в том числе и нелегальных мигрантов незаконными путями [48, с. 10].

Масштабы международной миграции постоянно возрастали, охватывая все новые страны и континенты [48, с. 11]. И хотя экономика многих индустриально развитых европейских стран не может обходиться без дополнительной рабочей силы приезжающих мигрантов, тем не менее, многие политики склонны рассматривать миграцию, скорее, как угрозу национальной безопасности и идентичности, чем как необходимую поддержку для экономического развития и расширения кооперации [48, с. 16].

Основные потоки мигрантов (42,7%) из различных стран устремляются в Западную Европу, Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию. Европейские страны-приемники — это Бельгия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды и Швейцария. Только в 1990 г. в эти страны были направлены потоки мигрантов из Турции (2,2 млн.), Италии (1,4 млн.), Марокко (1 млн.), Югославии (900 тыс.), Португалии (846 тыс.), Алжира (632 тыс.) и Испании (551 тыс.) [48, с. 27].

После распада Советского Союза в 1991 г. к международным миграционным потокам присоединились многотысячные потоки мигрантов из стран бывшего Союза. Вместе с внешней миграцией резко возросло перемещение населения внутри стран бывшего Союза и между странами СНГ. По данным Европейского регионального бюро УВКБ ООН, в странах СНГ уже в 1991–1992 гг. было зарегистрировано 700 тыс. беженцев и 2,3 млн. внутренне перемещенных лиц [48, с. 31].

Однако к 1997 г. миграционные потоки в странах СНГ значительно ослабли благодаря прекращению многочисленных вооруженных конфликтов. В 1999 г. Международная организация по миграции издала специальный доклад "Миграция населения в странах СНГ: 1997–1998 гг.", в котором, в частности, говорится: "Главным миграционным трендом в 1997 г. на постсоветском пространстве было движение в/из России. В 1997 г. по сравнению с предыдущим годом

иммиграция в Россию из стран СНГ и Балтии сократилась лишь на 7,5 %, в то время как эмиграция из России упала на 20%. Россия является главной страной следования для большинства эмигрантов из стран СНГ. В то время как в большинстве стран СНГ продолжает наблюдаться перевес эмиграции над иммиграцией, для России характерны противоположные тенденции" [49, с. 14]. Более половины всех мигрантов в странах СНГ составляют: русские (54%), украинцы (16%), белорусы (3,5%) и народы Закавказья (6%) [49, с. 14]. В структуре мигрантов преобладают мужчины трудоспособного возраста, квалифицированные рабочие, специалисты, люди с высшим образованием. Из стран СНГ мигранты, как правило, направляются в Германию и другие страны Западной Европы, в США и в Израиль (приблизительно 220 тыс. человек в год) [49, с. 15].

Миграционные потоки не обошли стороной также и Армению. В последние годы в республике проживали транзитные мигранты — курдские и афганские беженцы, которые нелегально пересекли границы Армении и готовились уехать в Европу. В настоящее время Армения используется как буферное государство, откуда транзитные мигранты пытаются уехать в Западную Европу.

В XX столетии армяне, как и некоторые другие этнические группы, мигрировали из-за геноцида, депортации, политических и религиозных давлений, войны, неблагополучных экономических условий и кризиса, стихийных бедствий. Причины миграции не отличались от тех, которые преобладали в прошедших веках, за исключением геноцида. В прошлом веке геноцид и массовая дисперсия выживших способствовали созданию армянских общин во всем мире. Эти общины оказывают финансовую и духовную поддержку родине во время ее демократизации. Достоин внимания сам факт, что маленькая нация, состоящая из менее 10 млн. людей, смогла выжить в тяжелейших условиях и сохранить свою культуру.

В силу целого ряда причин — войн, межэтнических конфликтов, экономического кризиса и многого другого, по крайней мере три больших государства Южного Кавказа – Армения, Грузия и Азербайджан — лишились значительной части своего некоренного населения. В течение 90-х годов Закавказье покинуло огромное число русских, евреев, украинцев, немцев, греков и представителей других наций. Во всех трех странах Южного Кавказа произошла **моноэтнизация,** или этническая гомогенизация населения.

Этническая однородность ни в одном из этих государств не ставилась в качестве политической цели. Она, скорее, стала неожиданным, хотя и закономерным результатом распада Советского Союза и образования независимых государств. Глобальная тенденция образования новых национальных государств на Кавказе преломилась в процессах моноэтнизации этих государств [50, с. 176].

В Армении, например, которая и прежде отличалась преобладанием армянского населения, эти процессы достигли, можно сказать, своего апогея. Сегодня 97% населения республики составляют армяне. Эта уникальная по своему этническому составу страна. Состав национальных меньшинств, населявших некогда многонациональную Грузию, сократился примерно на 10% [51]. Тот же процесс моноэтнизации прошел в Азербайджане: сегодня 89% его населения составляют азербайджанцы [52].

В одной из своих последних работ Д. Белл пишет: "Самым судьбоносным событием в XX в., событием, отодвинутым в тень феноменами коммунизма и фашизма, стал распад империй" [53]. По его подсчетам, за короткий период после Второй мировой войны на обломках британской, французской, голландской, бельгийской, португальской, советской империй возникло 120 новых государств.

Заметим, что до Второй мировой войны 80% населения планеты находились под владычеством западных держав. Поистине распад империй и образование новых независимых национальных государств и этнических групп внутри них произошел со стремительностью, которая может удивить будущих историков. При этом Д. Белл подмечает один интересный факт: почти все новые государства многонациональны по составу. Они представляют собой территориальное объединение этнических и национальных групп, но несмотря на это новые независимые государства, как правило, возникают в качестве **национальных государств** — по названию табельной нации, а не территории.

Распад империй, который носит глобальный исторический характер, не только стимулирует возникновение новых национальных государств, но и поддерживает рост национального самосознания внутри этих государств. Тем более, что, как показывает исторический опыт, большинство их многонациональны по своему составу. Немногим стра-

нам удалось избежать проблемы конфликта национальных меньшинств, их населяющих. Каждая страна решает ее по-своему.

Так, например, в Сингапуре каждые пять лет власти осуществляют депортацию пакистанских рабочих, наводнивших эту страну. В Японии похоже уже смирились с существованием в Токио и Осаке замкнутых анклавов корейских, китайских и пакистанских рабочих. Для Швеции большой проблемой становятся проживающие там турки и цыгане, для Румынии и Словакии — проживающие там цыгане и венгры. Чехословакия по этой причине распалась на два государства — Чехию и Словакию. Так же на месте прежней Югославии образовалось несколько государств. В Испании все еще остро стоит проблема басков и Каталонии. Сходные проблемы имеются в Канаде и Великобритании (Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия). Эти проблемы не обошли стороной и Кавказ, где проживают 50 различных этнических групп. Не может не касаться Южного Кавказа также стремление к созданию национальной государственности огромного по численности курдского населения, разбросанного между Турцией, Ираном и Ираком.

Д. Белл отмечает, что у многих наций происходит возрождение национального самосознания: "Парадоксально, но и сегодня национализм может служить объяснением складывающейся новой реальности" [53, с.24]. Не случайно, еще в 1959 г. в своей знаменитой книге о марксизме "Опиум интеллектуалов" Р. Арон обосновал утверждение о том, что тремя основными идеологическими течениями XX в. были национализм, марксизм и либерализм. Два крайних проявления сочетания этих идеологий — национал-социализм (фашизм) и коммунистический интернационал (во главе с СССР) потерпели полный исторический крах. Конец коммунизма обозначил одновременно и конец капитализма в лице западного империализма.

В 1989 г. известный американский философ Ф. Фукуяма опубликовал статью под названием "Конец истории", которая была переиздана в 30 странах мира. На основе этой статьи автор в 1992 г. опубликовал книгу "Конец истории и последний человек", где по существу обосновывал идею о конце великого противостояния двух миров, о конце холодной войны и о фактической победе демократии и рынка.

Во второй своей книге "Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния" Ф. Фукуяма пишет о том, что идеология тоталитаризма предусматривала "уничтожение независимого гражданского общества и создание новой социалистической общности", в центре которой должно было находиться коммунистическое государство. Крах коммунистической империи одновременно разрушил практически все формы общественных объединений, кроме семьи и национальности. В условиях отсутствия различных добровольных объединений, как считает Ф. Фукуяма, люди вынуждены были потянуться к единственно сохранившимся объединениям по формальному признаку, а именно, к семье и национальности. "Самыми простыми из них, позволявшими людям избежать чувства разобщенности, слабости и беззащитности перед лицом более мощных исторических сил, бушевавших вокруг, стали объединения по этническим признакам" [54, с. 78]. По сути, он своеобразным способом обосновывает уже высказанную идею о росте национального самосознания среди народов, населяющих бывшие империи, и идею о национализме как феномене, во многом объясняющем новые социальные реалии после "конца истории".

Проведенный нами анализ также свидетельствует о том, что национализм и в постсоветских обществах переживает своего рода возрождение. Если в Европе или в Америке со словом "National", как правило, связывается понятие государства (National Library, National Security), то в Армении, как и в целом ряде стран, термин "National" воспринимается именно в смысле национальный, но не государственный.

Последствия миграции бывают весьма ощутимыми для общества. В апреле 2002 г. Государственная дума РФ провела специальные парламентские слушания "Миграция в России: проблемы и противоречия". На них в частности отмечалось, что за последние годы количество нелегальной миграции в Россию из стран СНГ достигло 10 млн. человек [55, с. 137, 138]. При этом внутренние миграционные потоки сократились почти вдвое. На слушаниях говорилось о неодходимости государственного регулирования миграционных потоков с учетом того, что дальнейшее экономическое развитие России нуждается в притоке квалифицированной рабочей силы и специалистов.

Армения относится к странам поставляющим трудо-

вые ресурсы в другие регионы мира. Экономисты утверждают, что и в будущем в Армении будет избыток трудовых ресурсов порядка 70–80 тыс. в год. "Если исходить из того, что экономический рост составит ежегодно 6%, что может создать 30–35 тыс. новых рабочих мест, то даже при этих обстоятельствах в ближайшие годы внутренний рынок не сможет поглотить входящую в него рабочую силу" [45, с. 9]. Академик В.Е. Ходжабекян отмечает, что в 1986–1990 гг. количество населения в активном экономическом возрасте (25–50 лет) составляло в среднем 1 млн. человек. Но уже в 1996–2005 гг. оно достигнет 1 млн. 350 тыс. человек [7, с. 341]. Иначе говоря, увеличится число лиц, входящих в трудовой возраст и нуждающихся в трудоустройстве. Это свидетельствует о том, что Армения и в будущем будет поставлять рабочие руки в другие страны.

Последствия миграции сказываются весьма отрицательно на современном армянском обществе. Экономисты и демографы выделяют следующие отрицательные последствия [7, с. 233, 234]:

• непоправимый урон генофонду нации в связи с тем, что часть детей рождается за пределами страны, а те дети, которые рождаются в стране, в основном из необеспеченных или малообеспеченных семей;

• изменение половозрастной структуры населения страны, его старение, сокращение численности семей; юношей становится меньше, а девушек — больше, вследствие чего "отодвигается" средний брачный возраст;

• изменение возрастной "пирамиды" населения за счет оттока молодых людей, старения населения, уменьшения доли трудоспособного населения;

• сокращение рождаемости и количества родившихся детей в расчете на одну женщину в фертильном возрасте;

• падение квалификационного уровеня трудовых ресурсов из-за миграции квалифицированных кадров;

• увеличение нагрузки на работающую часть населения со стороны неработающих групп и людей, нуждающихся в социальной опеке и поддержке.

Добавим еще несколько чрезвычайно важных социально-политических последствий миграции.

• Из-за миграции преимущественно экономически активной части населения общество лишается основы для формирования нового среднего класса, в результате проваливают демократические реформы, под угрозой свободное конкурентное развитие в целом.

• Возрастает социальная нагрузка на государство, ответственное за поддержку социально слабых слоев общества. Государство вынуждено ужесточать налоговую политику, и следовательно, условия развития свободного частного предпринимательства. Контроль государства над частным сектором бизнеса не ослабевает, а наоборот, возрастает и, как результат, возрастает коррупция и доля теневой экономики; бизнес уходит в "тень".

• Наносится непоправимый ущерб гражданскому обществу, поскольку из страны уезжает не только экономически самостоятельная, но и политически активная часть населения, что приводит к слабому общественному сектору, слабой политической оппозиции и, как следствие, к усилению авторитарных тенденций в управлении.

• Общество, ослабленное и экономически, и политически, становится более "управляемым", оно не способно эффективно противостоять коррупции, произволу властей, нарушению прав граждан, повсеместному попранию трудовых прав частными работодателями.

• Растет теневая экономика, клановость, монополизация секторов экономики и элиминируется рыночная конкуренция на внутреннем рынке.

Не следует упускать из виду то обстоятельство, что миграция как социальный феномен является составной частью глобального процесса саморегуляции социальных систем. И с этой точки зрения масштабная миграция последнего десятилетия помогла Армении решить некоторые серьезные проблемы, вставшие на пути ее независимого развития. В частности, механизм трудовой миграции позволил сотням тысячам армян найти работу за рубежом, благодаря чему был сдержан беспрецедентный рост уровня безработицы в стране. Фактически, произошло стихийное, нерегулируемое перераспределение трудовых ресурсов из трудоизбыточной Армении, испытывающей к тому же глубокий экономический кризис, в другие регионы бывшего Советского Союза, где в них ощущалась потребность.

Все эти годы армянское государство даже не пыталось взять под контроль трудовую миграцию. Между тем многие государства (Турция, Филиппины, Корея и др.) получают огромные денежные доходы за счет организованного экспорта трудовой силы. Кроме того, сами рабочие,

выезжающие на заработки в другие страны, пользуются правовой защитой своих государств и работают по контрактам на легальной основе. Армянская трудовая миграция последних десяти лет почти полностью осуществлялась по индивидуальной инициативе работников, без специальных контрактов и, как правило, на совершенно нелегальной основе. Это значит, что армянские трудовые мигранты не имели никакой правовой защиты и потому представляли в этих странах группы риска.

Только в конце 2000 г. правительство РА разработало политику в области трудовой миграции и приняло соответствующий закон. Однако к тому времени абсолютное большинство мигрантов давно уже выехало из страны и самостоятельно обустроилось за рубежом. Если учесть также, что впоследствии они вывезли детей и стариков-родителей, то можно полагать, что они не намерены вернуться назад.

Сегодня в стране происходят иные миграционные процессы, в регулировании которых государство, как и прежде, не желает принимать сколь-нибудь существенного участия. И это чревато новыми негативными последствиями. Прежде всего — это процесс возвращения нелегальных армянских мигрантов и их реинтеграция в обществе. Затем проблема нелегального вывоза женщин и детей в третьи страны с целью их эксплуатации, в том числе в сексбизнесе. И наконец, проблема транзитных мигрантов в Армении.

Начиная с 1997 г. некоторые европейские страны, в частности Германия, стали депортировать обратно армянских нелегальных мигрантов, ищущих убежища в их странах [41, с. 80]. Ситуация в Армении после прекращения военных действий изменилась, и причины, по которым армянские мигранты обращались в Европе за политическим или иным убежищем, потеряли свою актуальность. К тому же произошло некоторое ужесточение миграционных законодательств в этих странах. В результате тысячи армян стали, вопреки их воле, возвращаться на родину из Германии, Бельгии, Голландии, Польши и других стран. В последнее время несколько тысяч армян, нелегально проживавших в Туркмении, по решению правительства этой среднеазиатской страны начали организованными группами возвращаться на родину. Первая такая группа в составе 114 человек при финансовой поддержке Международной организации по миграции вернулась самолетом Ашхабад–Ереван 15 ноября 2002 г.

Процесс возвращения нелегально проживающих за рубежом армянских мигрантов ширится и принимает большие масштабы. Между тем армянское правительство не имеет никаких программ по их реинтеграции в армянском обществе. Процесс носит, как и прежде, совершенно неконтролируемый, стихийный характер. Очень многие репатрианты не имеют на родине никакой работы, не нажили больших сбережений за рубежом, а часть из них успела продать свое жилье в Армении. Репатриция нелегальных армянских мигрантов грозит стать серьезной социальной проблемой для общества и государства, пока власти страны упорно не хотят видеть ее и предпринять необходимые шаги для регулирования процесса.

Проблема нелегального вывоза из страны женщин и детей (trafficking) с целью их эксплуатации, в том числе в сфере сексуального бизнеса, — совершенно новое явление в миграционных процессах Армении. В нашей стране впервые о "трафике" заговорили журналисты в конце 90-х годов. Были замечены случаи нелегального вывоза молодых девушек, женщин и даже подростков с целью продажи их в сферу секс-бизнеса в восточных странах.

Безработица, нищета и хроническая нехватка продуктов питания поставили многие армянские семьи, многих одиноких женщин и матерей в катастрофическое положение. В стране появилась проституция, причем возраст женщин "свободной профессии" резко помолодел. Со временем поклонницы древнейшей профессии стали выезжать в другие страны в поисках богатых клиентов. Эта ситуация создала благоприятную базу для развития нелегального вывоза и продажи людей.

При содействии Международной организации по миграции Армянская социологическая ассоциация под руководством автора в 2000 г. провела специальное исследование и подготовила первый доклад о нелегальном вывозе женщин и детей с целью эксплуатации в Арабские Эмираты, Турцию, Сирию, Ливан и другие страны [56, с. 73]. Спустя несколько месяцев, по решению правительства РА была создана Межведомственная комиссия по предупреждению нелегального вывоза людей из страны. В настоящее время ведутся работы по внесению изменений в проект нового Уголовного кодекса с целью предусмотрения уголовной

ответственности за организацию нелегального вывоза и продажи людей в третьи страны.

В последние несколько лет Армения стала транзитной страной для мигрантов из Индии, Афганистана и Пакистана, направляющихся в Россию и Европу. Их не очень много, тем не менее, порядка 95 транзитных мигрантов были зарегистрированы в стране в 2000–2001 гг. [37, с. 50]. Многие из них, потерпев неудачу на своем пути, возвращаются обратно на родину не без помощи международных организаций, и в частности, Международной организации по миграции. Только в 2002 г. эта организация совместно с Армянской социологической ассоциацией вернула 11 граждан Афганистана, трех граждан Индии и семью из трех человек в Пакистан после их неудавшейся попытки проникнуть через территорию Армении в Европу.

Таким образом, Армения постепенно вовлекается в мировые миграционные потоки, и это обстоятельство следует учесть при разработке государственной политики в области миграции. Очень важно, чтобы Армения из страны-поставщика квалифицированной трудовой силы и специалистов не стала бы одновременно страной-приемником неквалифицированных рабочих и разнорабочих из еще более бедных азиатских стран. В течение ближайших 10–15 лет такой сценарий развития миграционных процессов может сильно изменить социальную и демографическую ситуацию в стране в худшую сторону.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСТВО

Советское общество не было правовым уже хотя бы потому, что в нем господствовало верховенство партийной идеологии, а не верховенство права. Основные права и свободы человека были юридически гарантированы Конституцией СССР и ресурсно обеспечены государством, тем не менее, на практике они "полностью не выполнялись" [57, с. 3]. Из неправового, каковым оно было в советское время, наше общество перешло в новое состояние, которое можно охарактеризовать как **бесправное.**

В современном армянском обществе имущественное положение гражданина существенным образом влияет на степень защищенности его прав перед законом. Бедные, как

правило, менее защищенные. Их права попираются безнаказанно со стороны как властей, так и криминальных элементов. Незащищенность рядовых граждан становится серьезным препятствием на пути развития гражданского общества. В то же время люди очень хорошо понимают, что лучше, чем они сами, никто их права не будет защищать.

По признанию Верховного комиссара ООН по правам человека М. Робинсон, только 7% населения планеты что-то знает о Всеобщей декларации прав человека. Если бы люди лучше знали свои права, они могли бы действительно эффективно отстаивать их [58, с. 37].

Именно в сфере социально-экономических прав чаще всего случаются нарушения, которые уже приняли массовый характер. Заметим сразу, что, по мнению специалистов, фактическим нарушением прав человека является уже то, что многие международные конвенции и правовые акты не полностью включены в текст Конституции и законов страны. Так, во Всеобщей декларации прав человека предусматривается необходимость обеспечения питанием, одеждой, жилищем и не только работника, но и членов его семьи, детей [19, с. 42].

Сегодня в большинстве стран СНГ реальные права на труд, жизнь, жилье, достойный уровень жизни, образование и здравоохранение не соответствуют международным правовым нормам. Социально-экономические права населения серьезно нарушаются. Государство практически не в состоянии защищать эти права. Более того, оно даже оказалось своего рода тормозом на пути становления гражданского общества в наших странах [19, с. 45]. Оно даже не пытается создать должной атмосферы всеобщего уважения к правам человека, хотя повсюду декларирует приверженность демократическим ценностям.

Пожалуй, в самом массовом порядке нарушаются экономические права граждан. Достаточно отметить один только факт: до сих пор армянское государство не собирается компенсировать вклады населения в сберегательных банках. Люди потеряли огромные сбережения в начале экономических реформ, и пока нет даже надежды, что они когда-нибудь будут им возмещены. Сплошь и рядом нарушаются потребительские права граждан. Огромное количество фальсифицированных и некондиционных продуктов, некачественных препаратов с просроченным сроком и даже

их подделок ежедневно выбрасывается на наши рынки, и рядовой покупатель пока никак не защищен от обмана.

Вообще чувство защищенности оказалось потерянным в целом ряде жизненно важных сфер, включая сферу безопасности граждан. Серия громких убийств, в том числе весьма высокопоставленных лиц, осталась так и нераскрытой. В таких условиях жизнь и безопасность граждан представляются совершенно незащищенными и не гарантированными никакими законами. Сегодня "демократическое" государство своему гражданину не гарантирует практически ничего: ни охраны жилья, бизнеса, вкладов в банки, рабочего места, ни даже жизни и безопасности его семьи.

Не защищены также политические права людей. Такое базовое политическое право, как избирательное, право на защиту результатов голосования на выборах также недостаточно гарантированы. Сплошь и рядом приходится слышать о различных фальсификациях на выборах или во время подсчета голосов. Обеспечение надежных гарантий честных и справедливых выборов — первейшее условие защиты избирательных прав граждан нашей страны [59, с. 88].

Российские социологи отмечают, что даже местное самоуправление "не стало эффективным средством развития политических прав российских граждан" [19, с. 47]. Что касается Армении, то местное самоуправление, еще не став действенным механизмом расширения гражданского общества, уже достаточно сильно дискредитировано.

Более десяти лет назад начались коренные перемены в социально-политическом устройстве, в установлении и развитии демократических институтов, в развитии основ гражданского общества. Однако соблюдение прав человека, базовых гражданских свобод по-прежнему проблематично [60, с. 160]. Изучению положения с правами человека было посвящено специальное широкомасштабное социологическое исследование в рамках проекта "Южно-Кавказская сеть за гражданскую поддержку", осуществляемого Европейской комиссией. Армянская часть проекта осуществлялась под руководством автора [61]. Социологическое исследование проводилось по совместно разработанной методологии одновременно в Армении, Азербайджане и Грузии в течении двух недель в мае 2002 г.

По свидетельству опрошенных, права человека в Армении нарушаются довольно часто. При этом главными нарушителями базовых прав и свобод являются, как правило, государственные органы: полиция, суды, прокуратура. Активнее защищают права человека СМИ. Знания людей о своих конституционных правах и свободах они сами оценивают не очень высоко. Кроме того, судя по ответам опрошенных, люди чувствуют себя беспомощными и незащищенными в случае нарушения их прав. Они либо ничего в таких случаях не предпринимают, либо ограничиваются словесным возмущением и обсуждением в кругу друзей.

Вместе с тем люди хорошо понимают, что основной гарантией защиты их законных прав может быть только их гражданская активность, сплоченность и готовность к совместным активным действиям. Они отмечают также необходимость честных выборов с целью смены коррумпированных бюрократов в различных органах власти, особенно в правоохранительных органах.

В общем и целом, 78,7% опрошенных ответили, что их собственные права нарушаются (часто или иногда). Никогда не нарушались права у 15,3% опрошенных. Главным источником информации являются государственные (61,1%) и частные (21,4%) СМИ. Очень мало кто (5.5%) черпает информацию из книг и брошюр.

По мнению опрошенных, больше всего в стране соблюдается свобода передвижения и выбор места жительства, затем — свобода информации и собраний. На последнем месте — свобода совести. Интересно, что свобода предпринимательства оценивается не очень высоко. Для страны, которая находится в блокаде и в тяжелых экономических условиях, этот результат не может не настораживать. Получается, что политические и административные свободы соблюдаются лучше, чем экономические.

Из 12 гражданских прав, по оценкам опрошенных, лучше всего соблюдаются следующие: право на жилище, право на собственность, затем право на участие в политической жизни и избирательное право. Несколько менее соблюдаются право на отдых, право на образование и культуру. Ниже среднего, по оценкам опрошенных, соблюдаются право на жизнь и безопасность и право на труд. И на последнем месте отмечены право на охрану здоровья, право на справедливый суд и социальную помощь. Как видим, и в этом

случае соблюдение политических прав граждан обеспечивается на более высоком уровне, чем социальных и юридических.

Из оценок опрошенных видно, что лучше всего обеспечивается конституционное равенство между мужчинами и женщинами и между различными этническими группами. Затем отмечено равенство религиозных групп и равный доступ к образованию. Хуже всего обеспечивается конституционное равенство перед законом всех граждан независимо от их имущественного или общественного положения, а также равный доступ для каждого в здравоохранительных учреждениях.

Обобщая результаты опроса по трем базовым параметрам граждан — свободы, права, равенства, можно сказать, что в Армении граждане в политическом отношении чувствуют себя несколько более свободными и защищенными, чем в социальном, экономическом и правовом. По крайней мере так было в мае 2002 г.

Уровень знания конституционных прав и свобод опрошенные оценивают ниже чем "удовлетворительно". Очевидным образом видна правовая неграмотность населения. Уровень соблюдения прав и свобод граждан различными государственными органами оценивается довольно низко. Ниже всего в этом ряду стоят: парламент, прокуратура, суды, Министерство национальной безопасности, администрация президента, несколько выше — местные органы власти и армия. Можно предположить, что после многолетней критики дела в армянской армии пошли на улучшение.

Большая часть людей не предпринимает никаких особых шагов, когда нарушаются их права. Они, как правило, ограничиваются возмущением и обсуждением в кругу друзей (53,6% опрещенных). Только 17,4% протестуют гласно и пытаются бороться. А 15% активно борются до победного конца. Половина населения фактически пассивна. К ней можно добавить еще 14% опрошенных, которые не дали ответа на этот вопрос.

Когда ущемляются права других, только 12% оказывают действенную помощь в борьбе за восстановление попранных свобод. Остальные ограничиваются словесной поддержкой (41,3%), ничего не предпринимают (12,6%) либо, наоборот, советуют не тратить зря время и силы на восстановление своих прав (34,1%). Заметим, что ответы

респондентов отличаются очевидной искренностью. Однако из них следует, что взаимная социальная поддержка граждан находится на очень низком уровне.

В целом гражданская активность населения в деле защиты своих прав очень низкая. Из ответов респондентов видно, что 42.5% ни к кому не обращаются, когда попираются их права и свободы. Скорее всего, они даже не знают, к кому можно обратиться. Некоторая часть из них (38,5%) в таких случаях обращается к друзьям и родственникам и лишь небольшая часть (11,5%) — в органы местной власти.

По мнению опрошенных, лучше всего права и свободы граждан защищаются средствами массовой информации как государственными (14,6%), так и независимыми (23,3%). После них указываются правозащитные организации (12%). Фактически, государственные СМИ и правозащитные орнанизации оцениваются приблизительно на одинаковом уровне (12–14%), а частным СМИ отводится первое место. Заметим, что почти четверть опрошенных (22,3%) не дали ответа на этот вопрос.

Можно выделить три главные причины невысокого уровня соблюдения прав и свобод граждан:

- незнание людьми законов и своих прав (37,3%), пассивность населения (40,3%), незрелость гражданского общества (24,6%), бедность основной массы людей (42,6%);
- несовершенство законов (54,4%);
- недостаточно демократический характер власти (38,3%).

Для укрепления прав и свобод граждан прежде всего, по мнению опрошенных, необходимо сделать следующее: провести честные и справедливые выборы на всех уровнях власти (69,2%); повысить жизненный уровень населения (68,1%); очистить полицию и прокуратуру от жестоких и коррумпированных лиц (56,8%); назначить честных и независимых судей (51,3%); принять более совершенные законы (45,6%); повысить правовую культуру населения (43,2%).

Деятельность правозащитных организаций в целом оценивается положительно (30.7%), хотя ощутимых результатов от их деятельности люди не видят. К тому же они считают (47.8%), что правозащитники заняты в основном саморекламой и выбиванием иностранных грантов, а не реальной помощью населению. Из международных орга-

низаций довольно высоко оценивается роль Совета Европы в укреплении прав и свобод армянских граждан, несколько ниже — роль ООН и ОБСЕ.

Мнения опрошенных на некоторые вопросы разделились: примерно половина (48,5%) считает, что критикующих власть людей у нас преследуют, а 24,8% — что они пользуются поддержкой, имеют высокий авторитет в обществе и чувствуют себя свободно. Скорее всего, обе стороны правы, потому что в нашем обществе имеются случаи как жестокого преследования, так и совершенно лояльного отношения к критикам власти. Все зависит от того, кто, кого именно и как критикует. Интересно, что 9,1% ответили, что критикующих власть людей у нас нет, а 17,6% вообще не дали ответа на этот вопрос.

Работу полиции люди в основном оценивают отрицательно: 38,6% считает, что полиция преследует свои собственные интересы и критикующих власть рядовым гражданам лучше с ней не пересекаться, а то потом нелегко будет отделаться (38,1%). Для справедливости отметим, что 5,2% считает, что полиция защищает закон и порядок, а еще 5,3% — что она защищает права граждан.

Правоохранительные органы, суды и прокуратура по-старинке, хорошо усвоенной еще с советских времен, продолжают усиленно защищать интересы государства от общества. А точнее, интересы исполнительной власти и госчиновников перед простыми гражданами. Даже многосложная реформа судебной власти не смогла перестроить в корне их работу и изменить ориентацию **с защиты власти на защиту закона от этой власти, а рядовых граждан — от чиновничьего произвола.** Очевидно, для достижения этого Армении понадобится еще не один десяток лет. Особенно, если учесть, что в стране нарастают авторитарные тенденции. Дальнейшее развитие прав человека будет зависеть, с одной стороны, от улучшения экономических условий и преодоления массовой бедности, а с другой, от развитости институтов гражданского общества.

В этом отношении особый интерес представляет проблема гражданства в новых условиях трансформирующегося общества. Провозгласившая независимую демократическую республику Армения придала понятию "гражданство" иное звучание и иной смысл. Гражданин сегодня —

это человек, который пользуется конституционными гражданскими правами РА и, кроме того (а может быть, это самое главное), является свободным гражданином республики, чьи свободы гарантированы Конституцией и законами. Понятие гражданства для многих жителей РА впервые стало наполняться новым смыслом.

Однако понятие "гражданство" претерпело определенную эволюцию за предшествующие десять лет. В общественном сознании сегодня "гражданин" — это уже не просто "демографическая" категория, а скорее, политическая, социальная. Понятия "население", "народ" постоянно дистанцируются в общественном сознании от понятия "гражданство". Не все члены общества одновременно ощущают себя его полноправными гражданами.

Юридически, согласно Конституции РА, родившиеся и проживающие на территории Армении лица являются гражданами РА и могут пользоваться всеми гражданскими правами. Спектр гражданских прав и свобод, оговоренных и гарантированных Конституцией, достаточно большой. Однако в реальной жизни не все жители нашей страны пользуются (или могут пользоваться) правами и свободами в полном объеме. Это тот самый интересный социальный факт, который собственно и натолкнул нас на мысль исследовать глубже понятие гражданства, его смысловую наполненность и реальное многообразие проявлений в нашем обществе.

По программе Национального научного фонда Швейцарии и организации SCOPE в Армении, Азербайджане и Грузии в 2002 г. проводилось изучение института гражданства. Программа предусматривала также социологический опрос.

В опросе, проведенном под руководством автора, приняло участие 250 студентов пяти различных факультетов и курсов ереванских вузов. На вопрос анкеты о том, насколько в Армении защищается равенство всех людей перед законом, 82,8% студентов ответили, что совершенно не защищается. В Грузии, Армении и Азербайджане были получены следующие средние показатели равенства людей перед законом — 1,54; 1,86 и 2,21 соответственно. Как видим, люди во всех трех республиках не ощущают равенства всех перед законом. Об этом же свидетельствуют довольно низкие средние показатели доверия к правительствам (1,36; 1,80; 2,43), президентам (1,40; 1,98;

3,06), полиции (1,26; 1,85; 1,98), судам (1,83; 1,97; 1,99) и парламентам (1,45; 1,69; 1,96). Очевидно, что далеко не все жители страны одновременно являются ее полноправными гражданами, даже если формально пользуются гражданством РА. Многое из того, что написано в Конституции и законах РА, там и остается, т.е. на бумаге. Реальная жизнь достаточно сильно отличается от того, что предписывается законами.

Хотя скромные возможности проекта позволили опросить только 250 студентов вузов Армении, тем не менее кое-какие выводы общего характера по ряду затрагиваемых вопросов можно сделать.

Очень многие граждане РА не пользуются одним из основных своих гражданских прав — правом голоса. Добровольный самоотвод и самоограничение своих гражданских прав — достаточно распространенное явление в нашей стране. Об этом свидетельствует статистика участия населения в выборах (парламентских, президентских, местных органов) за последние десять лет. Число лиц, принявших участие в выборах неизменно сокращалось [62]. Это означает, что очень многие граждане нашей страны добровольно отказались от некоторых своих базовых гражданских прав и, собственно, обязанностей. Реальный уход части населения от активного гражданства имеет целый ряд политических и социальных причин. Мы здесь фиксируем факт добровольного гражданского самоотречения, что носит, главным образом, характер политического отчуждения.

Отказываясь от некоторых базовых гражданских прав, часть населения страны выходит за рамки его активного гражданства. Юридически они продолжают числиться гражданами нашей страны, но таковыми как бы не являются. Феномен "частичного", или "неполного", гражданства, как нам кажется, достаточно распространен в странах бывшего Советского Союза. Во многом он объясняется инерцией прошлых десятилетий и недостаточной развитостью демократических институтов и традиций в наших обществах. Здесь демократия все еще понимается как гарантия некоторого набора гражданских свобод (таких как свобода слова, совести, передвижений и т.д.). В общественном сознании она пока не ассоциируется с активным участием людей в принятии государственных решений, как это воспринимается в европейских странах.

Согласно мнению значительной части опрошенных, демократия — это понятие, которое не совсем подходит для нашей культуры и нашего менталитета. Есть даже студенты, которые считают, что это — западное клише, использование которого в нашей стране является искусственным. Отсюда некоторое разочарование и самоограничение или уход от активной жизненной позиции, что и является причиной феномена "неполного гражданства". Так, 26% опрошенных заявили, что они мало чем могут влиять на общественную и политическую жизнь в стране. Чуть больше половины думает, что такие люди, как они, не имеют влияния на действия правительства. При этом они совершенно уверены, что ключевые проблемы нашей страны могут быть разрешены только при условии активного и непосредственного участия граждан. Однако быть более активными в реальной жизни они не стремятся.

Как уже отмечалось, в результате миграции произошла моноэтнизация общества, самым опасным следствием которой может стать расцвет национализма. Сегодня в наших обществах представителям иных национальностей очень трудно пробиваться в высшие эшелоны власти. Как правило, национальные кадры занимают высшие административные и политические посты в стране. Постепенно национализм может превратиться в действенный фактор государственной политики. Это противоречит официально декларируемым демократическим ценностям.

Подавляющее большинство населения составляют представители коренной национальности, и национальные меньшинства все сильнее испытывают на себе давление большинства и ущемление гражданских прав. Это еще одно из проявлений феномена "неполного гражданства", или "ограниченного гражданства". Потому что в данном случае происходит не добровольный отказ от некоторых базовых гражданских прав, но ограничение этих прав "извне", давлением социального большинства. Причем это касается не только прав национальных и этнических меньшинств, но также религиозных меньшинств, политических, сексуальных и пр. [63]. В реальной жизни, однако, это не выглядит как преследование или нарушение законных прав меньшинств, а принимает форму негласного ограничения их прав без явного нарушения буквы закона.

Государство часто не может обеспечить базовые гражданские права своих граждан, представителей коренной национальности, не говоря уже о разного рода меньшинствах. Принадлежность к социальным, особенно национальным, меньшинствам в странах Южного Кавказа в реальной жизни нередко оборачивается ограничением их гражданских прав и свобод. Это граждане, которые по всеобщему умолчанию как властей, так и широкой общественности пользуются правами "ограниченного гражданства". Закон и реальная жизнь в этом случае (как и во многих других) резко расходятся.

Так, хотя большинство студентов согласны с утверждением о том, что страна является общим домом для разных этнических групп (средний показатель 2,72), тем не менее они считают, что армяне должны иметь больше прав, чем представители других национальностей (средний показатель 2,77). В еще большей степени они уверены, что все люди, проживающие в Армении, должны понимать и говорить на армянском языке (средний показатель 3,06). К тому же, они считают, что национальность, этническая принадлежность человека должна быть обязательно указана в армянском паспорте (средний показатель 3,37). Заметим, что в современных армянских паспортах национальность не указывается, отмечается только гражданство.

По мнению студентов, терпимость по отношению к меньшинствам не очень высока. Были получены следующие средние показатели по трем республикам: 2,86 — Грузия, 2,90 — Армения и 2,85 — Азербайджан.

По данным опроса, религиозная терпимость также невысока. Например, в отношении мусульман, католиков и иудаистов были получены довольно низкие средние показатели (по поводу права свободно исповедовать свою религию): 1,53; 1,80 и 1,90. Агрегированный показатель (composite score), полученный в виде новой переменной "религиозная терпимость", для Армении оказался несколько ниже (0,64), чем для Азербайджана (0,78) и Грузии (0,81). Впрочем, для моноэтничной и моноконфессиональной Армении это вполне естественно. Низкая религиозная терпимость видна также из ответов опрошенных студентов на вопрос о необходимости запретить деятельность таких религиозных групп, как "Свидетели Иеговы" и баптисты.

Понятие "неполного", или "ограниченного", гражданства можно распространить также на тех сотен тысяч граждан РА (по оценкам экспертов, 30% взрослого населения республики [43]), которые выехали из страны и годами проживают за ее пределами. Они не отказались или не лишились армянского гражданства, но, фактически, надолго выпали из социально-экономических и политических процессов страны. Они давно не пользуются своими гражданскими правами и не осуществляют никаких гражданских функций в общественной жизни Армении. Попытки некоторых влиятельных бизнесменов, в частности из России, повлиять на ход политических процессов внутри страны потерпели крах. Власти страны держат полный и надежный контроль в этой сфере и не дают "чужакам" проникнуть в нее.

Интересно, что мнение студентов на этот счет не далеко отходит от позиции властей: только рожденные в Армении армяне имеют право решать, как управлять Арменией (средний показатель 2,61). Но когда речь идет о правах, то студенты считают, что все этнические армяне должны иметь равные права (средний показатель 3,34).

На самом деле феномен "неполного", или "ограниченного", гражданства распространен довольно сильно в нашей стране. Так, например, в европейских странах развитой демократии говорят о защите прав человека; созданы и действуют специальные правозащитные организации, институты. В таких странах, как Армения, нарушение прав рядовых граждан носит настолько массовый характер, что здесь правильнее говорить о явлении "неполного гражданства" для большей части населения, чем об отдельных случаях нарушения их гражданских прав.

Даже такое базовое право, как право на жизнь, в нашей стране носит относительный характер. В зависимости от того, к какому слою общества вы принадлежите, ваши базовые гражданские права (в том числе и право на жизнь) могут быть хорошо защищены, а могут быть не защищены вовсе. Здесь можно убить человека и остаться безнаказанным. Все зависит от того, какого человека убили и кто совершил убийство. Если вы относитесь к касте власть имущих или богачей, а жертва оказалась человеком "из толпы", то имеются, пожалуй, полные гарантии вашей безнаказанно-

сти. Закон и правоохранительные органы далеко не безразличны к социальному статусу правонарушителя.

Правовой релятивизм ставит Закон в положение прислужника Власти и Денег. Поэтому значительная часть незащищенного или слабо защищенного населения в нашей стране оказывается в положении "неполного" гражданства. Гражданство для них носит, скорее, ситуативный характер. В каких-то ситуациях обыденной жизни они ощущают себя полноправными гражданами своей страны. Но наряду с этим в их жизни встречается целый ряд ситуаций, в которых факт их гражданства не имеет совершено никакого значения и никем в расчет не берется. В таких случаях власть, как правило, играет роль первой скрипки, т.е. именно она и не признает за некоторыми своими гражданами их права на "полное гражданство". Гражданство в такой стране не является неотъемлемым и конституционно защищенным правом каждого рядового гражданина, а как бы сильно зависит от его текущего социального и политического статуса.

Наряду с социальным феноменом "неполного", или "ограниченного", гражданства, существует также феномен "псевдогражданства" (semi-citizenship). В современном армянском обществе есть категория лиц, социальный статус которых позволяет говорить об их "псевдогражданстве". К этой категории можно отнести беженцев.

Начиная с 1988 г. в Армению из Азербайджана в результате погромов переехало около 360 тыс. армян. На протяжении более чем десяти лет они проживают в Армении. Часть из них получила карточки беженцев (документ ООН, удостоверяющий личность беженца). Другая часть сохранила бывшие азербайджанские паспорта граждан СССР. Юридически они относятся к числу беженцев, хотя многие из них (те, кто не имеет этого статуса) попросту являются людьми без гражданства (stateless).

Много лет они проживают в Армении бок о бок с местным населением и строят свою жизнь и жизнь своих детей на новом месте. Они лишены права избирать в высшие органы страны и быть избранными в эти органы. Им очень трудно поступить на работу в государственные учреждения, потому что они не являются гражданами РА. С другой стороны, их дети служат в армянской армии или учатся в государственных учебных заведениях. Учитывая все вышесказанное, их гражданское состояние

формально трудно отнести к категории как "граждан", так и к "неграждан". Нам представляется, что их состояние лучше всего описывается таким понятием, как "псевдогражданство". Около 45–47 тыс. беженцев приняли гражданство РА [64].

Опрошенные нами студенты считают, что беженцам надо предоставить право участвовать в выборах местных органов власти (средний показатель 2,79). Это могло бы несколько смягчить их и без того тяжелое положение.

Наконец, надо описать еще один феномен гражданства, который связан с армянами диаспоры. Большинство из них с интересом следит за тем, что происходит в Армении и изъявляет желание участвовать в этих процессах. В трудные для Армении первые годы независимости, а также после разрушительного землетрясения 1988 г. армяне диаспоры оказали огромную материальную, моральную и физическую помощь своим соотечественникам. Многие из них сражались добровольцами на фронтах карабахской войны. Эти люди вовсе не чувствуют себя в стороне от всего, что происходит в Армении, но ее гражданами они не являются.

На протяжении последних десяти лет армяне диаспоры постоянно поднимают вопрос о необходимости принятия в РА закона о двойном гражданстве. Это позволило бы им принять гражданство РА в качестве второго. Под давлением диаспоры правительство Армении недавно утвердило порядок, согласно которому армянам зарубежья по решению президента РА дается статус "Permanent Residence". Но этот статус ежегодно предоставляется очень узкому кругу лиц. Абсолютное большинство армян диспоры попрежнему не обладает никакими гражданскими правами в РА. Создается впечатление, что им дается право в Армении строить дороги, гостиницы, фабрики, помогать материально населению, но не право быть ее гражданами. Это их положение мы описываем термином "пустое" гражданство (empty citizenship),когда людям предоставляется возможность проявлять гражданскую активность без обладания полными правами гражданства.

Опрошенные студенты уверены, что Армения должна предоставить своим гражданам право на двойное гражданство (средний показатель 2,97). При этом они не видят опасности возникновения серьезной напряженности по той причине, что армяне диаспоры могут "купить" Армению

(средний показатель 2,14). Воздействие армянской диаспоры они в целом оценивают весьма позитивно (средний показатель 3,39).

Характерно, что по мнению немалой части студентов, армяне, проживающие в иностранных государствах и не являющиеся гражданами Республики Армения, должны обладать большими правами, чем граждане Армении представители другой национальности — русские, курды (средний показатель 2,39). Иными словами, они отдают предпочтение национальности в ущерб гражданству. Этот пример, пожалуй, лучше всего иллюстрирует нашу мысль о том, что для очень многих все еще понятие **национальности** заменяет и замещает собой понятие **гражданства.**

Таким образом, хотя и понятие "гражданство" претерпело в независимой Армении серьезную эволюцию и наполнилось настоящим содержанием, тем не менее, оно еще очень далеко от совершенства. Провозглашенные Конституцией и оговоренные в законах гражданские права и свободы пока в большей части остаются на бумаге. В реальной жизни, существует несколько типов гражданства для разных категорий социальных групп. И пока эти типы будут оставаться, наше общество нельзя будет называть гражданским.

В свою очередь, само понятие гражданства зачастую в общественном сознании ассоциируется с национальностью. Не случайно, студенты в качестве лучшей характеристики гражданина страны наряду с другими выделили следующие: тот, кто любит страну, — 86,4%, кто родился в стране — 22%, кто по происхождению является армянином — 25,6%.

Шкала из восьми градаций позволила выявить предпочтения студентов, а именно: какую социальную группу они считают для себя наиболее важной. (Самое интересное, что такая группа, как "соседи", у студентов всех трех стран отодвинулась практически на последнее место — деталь, которая является следствием урбанизации в наших странах.) Наиболее часто встречающейся группой самоидентификации у студентов является национальность — 33,2%, затем — "студент", и лишь на третьем месте — "гражданин РА". Во всех трех республиках Южного Кавказа первое место в шкале предпочтений занимает "семья", второе место — "друзья". Можно сказать, что эти категории

характеризуют традиционные кавказские ценности. На третьем месте у армянских студентов находится "нация", у грузинских — "страна", у азербайджанских — "трудовой коллектив".

Литература

1. *Заславская Т.И.* Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск: Наука, 1999.
2. *Заславская Т.И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. 2001. № 8.
3. *Голенкова З.Т.* Основные тенденции трнсформации социальных неравенств // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц., 2001.
4. Социально-экономическое положение РА. Ереван, 1999 (на арм. яз.).
5. *Pant D.R., Rigge E.K.* Armenia the Next Economy: an Inter-Disciplinary Future-View. CRESPI, 2001.
6. *Li Yi, Yin Iiafei.* The General Picture of Social Statification in China. XIV World Congress of Sociology. Montreal, 1998.
7. *Ходжабекян В. Е.* Воспроизводство и перемещения населения Армении в XIX–XX вв. и на пороге XXI в. Ереван: Гитутюн, 2001 (на арм. яз.).
8. Central European Economic Review (CEER) Board of Economist // CEER. 1999. V. VII. № 10.
9. Статистический ежегодник Армении. Ереван, 2001 (на арм. яз.).
10. Human Development Report, UNDP. Yerevan, 2001.
11. *Трушков В.В.* Современный рабочий класс России в зеркале статистики // Социологические исследования. 2002. № 2.
12. *Чепуренко А.Ю.* Предпринимательский класс в возрождающейся России // Мир России. Т. II. М.: Олма-Пресс, 1993.
13. *Арутюнян Ю.В.* О социальной структуре общества постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 9.
14. *Ильин В.И.* Государственная и социальная стратификация советского и постсоветского общества. Сыктывкар, 1996.
15. *Голенкова З.Т. Игитханян Е.Д.* Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социоогические исследования. 2002. № 9.
16. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999.
17. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

18. Обобщенная стратегическая программа РА по преодолению бедности // Взгляд на экономику. 2002. №12(24) (на арм. яз.).

19. Реформирование России: от мифов к реальности. Т. 1. М., 2001.

21. *Бархударян Л.* Государственные финансы и сокращение бедности. UNDP. Ереван, 2002 (на арм. яз.).

22. *Castles S., Miller M.I.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. L.: Macmillan, 1996.

23. *Юдина Т.Н.* О социологическом анализе миграционных процессов //Социологические исследования. 2002. №10.

24. *Ионцев В.А., Хорев Б.С.* Миграциология. М.: Изд-во МГУ, 1996.

25. *Stark O., Bloom D.E.* The new economics of labor migration // American Economic Review. 1985. № 75.

26. *Piore M.I.* Birds of Passage: Migrant Labor in Industrial Societies. Cambridge University Press, 1979.

27. *Lewis W.* Economic development with unlimited supplies of labor // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1954. №22.

28. *Hagopian G.* The immigration of Armenias to the United States // The Armenian Review. 1988. V. 41, № 2/162; *Kulhanjian G.A.* An abstract of the historical and sociological aspects of Armenisn immigration to the United States. 1890–1930. San Francisco: R&E Research Associates. 1975; *Mirak R.* Torn between two lands: Armenians in Armenica 1890 to World War I. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.

29. *Dadrian V.* The history of Armenian genocide: Ethic confict from the Balkans to the Caucasus. Providence, RI: Belghan, 1995.

30. *Tashjian J.H.* The Armenians of the United States and Canada. Boston: Hairenik Press, 1947.

31. *Хатанасян Е.* Число армян (Айоц Тив). Бостон: Комитет по 50-летию геноцида, 1965 (на арм. яз.).

32. *Тотоян Р.* Проблема численности армянского населения в Османской империи накануне Первой мировой войны в турецкой историографии // Вопросы истории и историографии армянского геноцида. 2002. №5 (на арм. яз.).

33. *Мосесова, Л., Овнанян А.* Бойни в Баку. Ереван, Нарекаци. 1992.

34. Трагедия Сумгаита. Т. 1. Записи свидетелей. Погромы против армян в Советском Азербайджане / Ред. Шахмурадян С. Кембридж: Зорян Институт, 1990.

35. *Погосян Г.А.* Вторая "навигация" // Доклад на годичном заседании рабочей группы УВКБ ООН в июне 2000 г. Женева, 2000.

36. Statistical Yearbook 2001. Geneva: UNHCR, October 2001.

37. Migration Trends in Eastern Europe and Central Asia. 2001–2002 Review. Geneva: IOM, 2002.

38. *Poghosyan G.* The Naturalization of Refugees in Armenia. Yerevan, 2001.

39. *Погосян Г., Авагян Г.* Социальная адаптация беженцев. Ереван, 1998 (на арм. яз.).

40. *Погосян Г.* Потрясение // Человек. 1990. №2. *Он же.* Зона бедствия // Промышленность, строительство и архитектура Армении. 1990. №1,2 (на арм. и русск. яз.).

41. *Poghosyan G.* Back to Homeland. Armenian Returnees from Germany. Yerevan: IOM/ASA, 1997.

42. *Marciniak T.* Armenians in Poland after 1989 // Migration in Armenia / Ed. Poghosyan G. Yerevan, 2001.

43. Human Development Report. Armenia 1998. Yerevan, 1999.

44. *Аракелян И.А.* Глобализация и международная интеллектуальная миграция // Глобализация и демократия: соперники или союзники? Ереван, 2002.

45. *Паноян А., Багдасарян Н.* О некоторых вопросах трудовой миграции населения Армении в Россию. Ереван, 1999.

46. *Воронков В., Освальд И., Фомин Э.* Утечка "умов": Ситуация в военно-промышленном комплексе и в науке. 1995.

47. Миграция из Армении / Под ред. Харатян Г. Ереван, 2003 (на арм. яз.).

48. Migration and Development. Special Issue // International Migration.UNEPA, IOM. V.37.1999.

49. Миграция населения в странах СНГ: 1997–1998 гг. МОМ, 1999.

50. *Poghosyan G.* Migration Processes in Armenia. Yerevan, 2003.

51. Ethnic-Confessional Groups and Challenges to Civic Integration in Georgia. Caucasus Institute for Peace, Democracy and Development. CIPDD. Tbilisi, 2002.

52. A to Z of Azerbaijan // www.azerb.com

53. *Bell D.* The Resumption of History in the New Century// *Bell D.* The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge (Ma)—L.: Harvard University Press, 2000. P. XI–XXVIII.

54. *Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1996.

55. Миграционные проблемы в современной России // Социологические исследования. 2002. №9.

56. Trafficking in Women and Children from the Republic of Armenia: A study. IOM, 2001.

57. *Кудрявцев В.П., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М.: Юность, 1995.

58. Представления учителей об эффективности деятельности ООН в Армении. Доклад по итогам социологического исследования. Ереван, 2002.

59. Выборы и демократия: фактор гражданского общества (по результатам социологического опроса). Ереван: Асогик, 2003.

60. Омбудсмен и демократическое общество: Мировой опыт. Ереван: Арег, 2003 (на арм. яз.).
61. Положение с правами человека в странах Южного Кавказа / Общ. ред. Погосяна Г. Ереван: Лусабац, 2003 (на русск. и англ. яз.).
62. Citizen's Awareness and Participation in Armenia. Survey 2001. IFES. Yerevan, 2001.
63. Selected Groups of Minorities in Armenia. Case study / Ed. Poghosyan G. ASA. Yerevan, 2001.
64. Naturalization of Refugees in Armenia. Sociological research / Ed. Poghosyan G. Yerevan, 2002.

ГЛАВА V

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Если бы можно было, как кинопленку, прокрутить обратно серпантин последнего десятилетия XX в., то, наверное, с пронзительной ясностью мы могли бы ощутить весь драматизм общественных переживаний, духовных утрат, падений и внушительных побед. Социологическое восприятие данного отрезка духовной истории армянского народа сродни его феноменологическому пониманию. Оно поддается аналитике, скорее всего, с методологической платформы "понимающей социологии". Хотя и она здесь служит лишь неким паллиативом, поскольку время и мысль еще не изготовили, говоря языком современной эпохи, того программного обеспечения, с помощью которого можно было бы вполне адекватно "прочитать" этот материал.

Глобальные вызовы современности и совершенно уникальная трансформационная модель армянского общества требуют столь же уникальных софттехнологий для их социологического анализа. Только новые оригинальные методологические подходы могут обеспечить удовлетворительное научное описание и объяснение еще идущей трансформации. Уникальность событийного ряда заключается также в том, что он еще не завершен. По всем канонам исторической социологии следовало бы дождаться завершения трансформационного процесса и лишь затем, спустя определенный отрезок времени, попытаться осмыслить и дать ему научное объяснение. Однако соблазн того, что событие огромной важности происходит на наших глазах, заставляет браться за научный анализ, чтобы не упустить что-то очень существенное, доступное только пытливому взгляду современника. Может быть, потом социологи будущего смогут извлечь большую пользу из анализа "по горячим следам", из эпицентра событий.

С другой стороны, социологическое объяснение представляет собой не только обычную рефлексию на историческое социальное событие, которое существует само по себе, независимо от социологического наблюдения. Социологическое объяснение как бы участвует в конструировании этого события. «Социологическое объяснение не определяется единственно ансамблем познавательных практик социолога: условием действенности социологического объяснения является "онтологическое соучастие" социолога и социальной действительности, практическая захваченность исследователя, нахождение "посреди" социального мира и доставляемая таким расположением "внутри" социального мира его "откровенность", раскрывающая характер практик» [1, с. 17]. Действительно, социологическое объяснение, в отличие от математического, физического и даже исторического, предполагает практическое и заинтересованное участие социолога в переживании социального явления. "Объяснить — значит сверх того, определить свою позицию в социальном мире, ибо социологическое объяснение есть момент этого мира" [1, с. 18].

Хорошо известно, что социальная сфера является наиболее инерционной, что особенно очевидно в эпохи больших перемен. Реформирование экономических отношений, глубинная модернизация политической системы и государственного устройства могут происходить достаточно быстро. Однако общество, общественное сознание не успевает за быстрым темпом перемен. Оно обладает определенной инерцией, на которую не распространяется власть декретов, законов и новых порядков. Обществу необходимо определенное время для адаптации к новым условиям.

Российские социологи также подмечают, что "несмотря на революционно-взрывной характер происходившей в последние годы смены социально-экономического строя, социокультурные стереотипы, определяющие общий склад сознания, изменяются пока достаточно плавно, эволюционно" [2, с. 243]. И это самое тяжелое и вместе с тем самое интересное время для жизни общества, время отказа от привычного старого и принятия нового, неведомого. Прежде всего — это время коренной смены ценностей.

Глубина, масштабность и темпы экономических и политических реформ порой оставляют далеко позади себя социальные преобразования. Общество "отстает" от модернизационного броска и это создает новые проблемы в трансформационном общественном сознании. Отказ от прежних ценностей сам по себе процесс довольно длительный и болезненный. Иногда на него уходит жизнь целого поколения.

Как правильно подмечают российские социологи, «переходный период — это особое "временное" состояния общества. В силу своей жестокости, даже беспощадности, немалой длительности и неустойчивости, оно закладывает основы и частично формирует очень долговременные, стратегические жизненные установки и ценностные ориентации. Если в кризисном обществе человек оказался в отчаянной жизненной ситуации и ему никто не пришел на помощь, не поддержал, а выручили деньги и сила, то выход общества из кризиса скорее всего не вернет ему ни утерянного доверия к людям, ни спокойного отношения к деньгам и силе. Тому, кто узнал вкус легких, а тем более — "бешеных" денег, трудовой рубль всегда покажется горьким. Многое, занесенное в душу человека вихрем "переходных" переживаний, так и останется в ней» [3, с. 42].

Инерционность общества, его консерватизм по отношению к быстрым переменам, по всей видимости, отражают действие некоего глубинного популяционного механизма самосохранения. А между тем хорошо известно, что одних экономических и политических модификаций недостаточно для глубинной модернизации общества. Теоретики модернизации, в частности И. Готовитц, решающую роль отводят культурным предпосылкам: наличию у населения, социальных групп «лидеров развивающегося общества, "факторов подъема", импульсов к реформе» (цит. по [4, с. 11]).

Еще в начале развития теории модернизации ее создатели важную роль отводили таким факторам, как групповые настроения, политические взгляды, культурные и жизненные ценности и нормы. Динамика этих ценностей означает одновременно изменение самого человека, "модернизацию личности" [4, с. 11]. От того, насколько быстро общество готово и способно к принятию новых ценностей и моделей индивидуальной организации жизни, зависит ход и успех модернизации в целом.

Здесь следует учесть, что модернизация — это системный процесс, и сбой в одном из модернизационных звеньев может привести к неудаче в целом. Очень важная роль в этом процессе отводится человеческим качествам [5] и социальным ценностям. Совершенно очевидно, что государ-

ство не может предпринять какое-либо обновление без активного участия общества. В противном случае инновации обречены на провал.

Насколько готово было наше общество к тем модернизационным преобразованиям, которые начали реализоваться в начале 90-х годов? Насколько способны и подготовлены были люди к переходу от коллективистских советских моделей организации социальной жизни к индивидуалистическим моделям? В какой степени изменились жизненные стратегии простых людей и социальных групп в связи с коренной трансформацией социального порядка? Ведь по существу произошла серьезная ломка прежних мировоззрений и отношения людей к своей жизни, к обществу и будущему.

Изучение обществ, находящихся в состоянии "догоняющей модернизации", свидетельствует о том, что становление новых ценностей — довольно сложный и противоречивый процесс. «В частности, потому, что он происходит не на "чистом месте" и не на "обломках распадающейся" нормативно-ценностной системы, хотя в таких обществах обычно наблюдается рост отклоняющегося поведения» [3, с. 44, 45]. В такие периоды наступает момент, когда чуть ли не весь прошлый жизненный опыт человека оказывается бесполезным, ненужным хламом. Изменения условий общественной жизни настолько глубоки, что прежний накопленный опыт не в состоянии адекватно формировать новые жизненные практики. Коллективистские ценности советского периода оказываются неадекватными новым изменившимся условиям общественной жизни. С самого начала реформ в 90-е прошлого века годы армянское общественное сознание неоднозначно относилось к идеям демократии, национальной независимости, рыночных отношений. Целый ряд социологических исследований, проведенных за последние десятилетия под руководством автора, позволяет проследить динамику общественных настроений и социальных ценностей.

Наиболее трудно пробивала дорогу в общественном сознании тех лет идея государственной независимости. После семидесяти лет существования в составе Советского Союза армянское общество с большой опаской относилось к выходу из состава коммунистической империи и построению независимого национального государства. И это происходило на фоне захватившего, пожалуй, все слои населения карабахского движения в поддержку независимости Нагорного Карабаха и его выхода из состава Азербайджанской ССР.

Тогда, в далеком 1988 г., люди надеялись на то, что коммунистическое руководство в Кремле примет справедливое решение и признает независимость Карабаха. Но мало кто был готов к тому, чтобы Армения сама вышла из состава СССР. Опросы общественного мнения свидетельствовали, что у значительной части населения, в особенности жителей зоны землетрясения, были серьезные опасения и сомнения относительно возможности восстановления армянской государственной независимости.

Самым главным аргументом противников независимости была проблема защиты границ от возможной агрессии со стороны Турции и Азербайджана. Без поддержки военных частей советской армии республика выглядела совершенно беззащитной перед лицом исторического противника — хорошо вооруженной Турции. Опасность военной угрозы многим тогда внушала сомнение относительно возможности построения независимого армянского государства в существующих геополитических условиях закавказского региона.

Среди общественных настроений бытовало также мнение, что экономика Армении, оказавшись лицом к лицу с мировой экономикой, не сможет выдержать конкуренции и приведет страну к упадку. Особенно часто подобного рода опасения высказывали жители зоны землетрясения. Они были уверены, что если Армения выйдет из состава Советского Союза, то разрушенные землетрясением их города и села некому будет восстанавливать. Они лишатся огромной технической, финансовой и кадровой помощи, поступающей из России и других республик СССР.

Во многом опасения жителей зоны землетрясения оказались провидческими. Действительно, почти сразу же после развала СССР помощь резко сократилась, почти полностью прекратились строительные работы, и восстановление разрушений в зоне землетрясения растянулось на десятилетия. Вскоре вся экономика страны оказалась в глубоком коллапсе. Таким образом, частично опасения населения оправдались, а частично — нет.

По истечении нескольких лет общественное сознание несколько успокоилось относительно возможности военной угрозы со стороны соседей. Вдобавок одержанная в кара-

бахской войне победа укрепила дух народа и внушила веру в собственные силы. Комплекс жертвы, надолго закрепившийся в национальном сознании после геноцида 1915 г., стал постепенно преодолеваться. Произошла очень серьезная эволюция во взглядах, мнениях и отношениях людей. Сегодня, несмотря на действительно тяжелые социально-экономические условия, в армянском менталитете идея независимого государства закрепилась достаточно прочно. Во всяком случае, острое ощущение незащищенности перед лицом военной угрозы уступило место дискуссиям о стратегическом партнерстве и о целесообразности вступления Армении в союз Белоруссия–Россия или в состав НАТО.

Становление новых ценностных представлений в обществе — довольно сложный процесс, сопровождающийся столкновениями и противоречиями между старыми и новыми ориентирами. В силу этого определенный ценностный релятивизм, размытость границ новой нормативной системы, недостаточная ее четкость делают поведение человека "иррациональным", непредсказуемым [3, с. 40]. Противоречивой, парадоксальной [6] становится сама новая ценностная система личности, его ориентации, взгляды, предпочтения и даже поведение. Старая система ценностей разлагается, а новая, декларированная еще не реализуется по той причине, что входит в противоречие с реальностью.

По утверждению известного российского социолога Ж.Т. Тощенко, состояние аномии охватило значительные слои населения. Дело в том, что произошел конфликт ожиданий. "Сознание людей было разбужено ожиданиями позитивных перемен, порожденных перестройкой во второй половине 1980-х гг., а затем подогрето событиями начала 1990-х гг., когда многим казалось, что новая парадигма развития, предложенная либеральными радикалами, приведет к тому, к чему люди всегда стремились и чего в конечном счете не могла им дать советская власть.

Но жизненные реалии оказались иными. И надежды людей в очередной раз рухнули, что породило не просто фрустрацию — дезорганизацию общественного сознания, а именно аномию, т.е. полное безразличие к любому общественному импульсу независимо от его направленности — позитивной или негативной" [6, с. 373].

Люди самоотстраняются от политических процессов, не ходят на выборы, не участвуют в движениях, не поддерживают политические партии. Интересно, что процесс социальной аномии или, как мы характеризовали ситуацию в Армении 1993–1997 гг., — социально-политического отчуждения, наступает не как прямое следствие крушения коммунистической системы и ценностей советского общества, а как нереализация ожиданий от либерально-демократических реформ. Это совершенно уникальная особенность аксиологического сознания постсоветского общества, обычно ускользает от внимания многих исследователей.

Казалось бы, в фокусе конфликта ценностей должны были столкнуться в общественном сознании ценности коммунистической идеологии с пришедшими им на смену ценностями демократически-либеральной идеологии. Такое столкновение, безусловно, имеет место, однако оно оказалось на периферии общественного сознания. Ценностный конфликт двух идеологий переходного периода почти полностью затмил другой конфликт, а именно: конфликт обманутых ожиданий.

Опросы общественого мнения, проведенные в середине 80-х годов, свидетельствовали о том, что армянское население с большим одобрением встретило горбачевскую реформу. Общественное сознание, во всяком случае передовой части общества, научной, технической и художественной интеллигенции, было достаточно подготовлено к восприятию ценностей демократии и свободных экономических отношений.

Мысленно часть населения давно уже осудила и коммунистическую уравниловку, и псевдокоммунистические моральные ценности однопартийной системы. С другой стороны, европейская демократия выглядела весьма привлекательной. Иначе говоря, у значительной части советского народа, латентно в сознании уже произошла некоторая переоценка ценностей, благодаря чему они с готовностью откликнулись на призыв модернизации советского общества.

Уже после распада СССР, что само по себе было неожиданностью для очень многих, в том числе радикально-реформаторски настроенных слоев, наступил период интенсивной европеизации бывшего советского общества. В самом начале 90-х годов социологические исследования уже свидетельствовали о расщеплении общественного сознания на три лагеря, придерживающихся различных ценностных ориентаций.

Аксиология первого лагеря основывалась на кардинальном обновлении, внедрении в сознание советского челове-

ка ценностей демократии и либерализма. Второй лагерь, достаточно многочисленный (может быть, самый многочисленный), придерживался горбачевской точки зрения о необходимости и возможности частичного реформирования советской системы. И третий — лагерь традиционных консерваторов — придерживался позиции, согласно которой любые изменения, особенно резкие, могут только навредить и разрушить завоевания социализма.

Все три "аксиологических" лагеря имели достаточную социальную базу в обществе. И надо сказать, что все три точки зрения, каждая по-своему, были верны. Для нас здесь важно отметить, что социально-нравственное сознание общества уже тогда не было монолитным, уже в те годы наметился процесс плюрализации нравственно-психологического состояния. В дальнейшем уже под воздействием радикал-либералов в обществе верх взяло направление коренной демократической модернизации.

Первоначально армянское общество с одобрением восприняло новые демократические ценности. Свобода слова, печати, свобода вероисповедания, многопартийная система и частная собственность были многими восприняты как долгожданные перемены. Социологические опросы 1990–1992 гг. фиксировали одобрение 60% населения. Особенно высоко общественное сознание оценивало вновь приобретенные гражданские свободы. Само понятие демократии у подавляющего большинства населения ассоциировалось с различными "свободами": свободой слова, совести, передвижений, политических союзов и т.п. В демократии прежде всего привлекала либерализация общественной жизни.

В 1994–1995 гг. многонациональный социологический проект, в котором автор участвовал с армянской стороны, преследовал цель изучить, как воспринимается демократия жителями 22 стран Европы и Азии [7]. Оказалось, что имеются существенные различия между тем, что понимают под термином "демократия" западноевропейцы и жители бывших советских республик (Россия, Украина, Казахстан, Армения, Литва).

Для европейца демократия прежде всего означала участие людей в принятии важных решений на различных уровнях социального управления: на местном, городском, районном и общегосударственном (национальном). Включенность в процесс принятия решений — обязательное условие функционирования демократии в представлении европейцев. Для населения постсоветских стран демократия прежде всего означала обретение различных гражданских и индивидуальных свобод [8, с. 30]. Вполне понятно, что после долгих лет отсутствия гражданских свобод в условиях коммунистического режима люди выше всего оценивали эти "дары" демократия.

Однако очень скоро наступило разочарование в демократических ценностях. Уже в 1996–1998 гг. социологические опросы зафиксировали в армянском общественном сознании эволюцию взглядов и ценностных представлений. Свобода печати стала восприниматься как вседозволенность и бесконтрольность "независимой", частной прессы. Быстро растущее число различных политических партий (в 1998 г. их было уже около 100) вызывало иронию и скептизм населения. Не случайно, социологические опросы фиксировали постепенный спад интереса по отношению к политическим партиям. В 2002 г. лишь 4% населения заявило, что является членом какой-либо политической партии, а 60–65% граждан никакой партии даже не симпатизировали.

Политические свободы, в частности свободные демократические выборы, также стали предметом разочарования людей. Предвыборные обещания кандидатов в депутаты и затем их поведение в парламенте, сам ход выборов и различные нарушения, обнаруженные во время подсчета голосов, сформировали недоверие к самому институту демократических выборов. Наступившее разочарование отразилось на электоральной активности граждан. Начиная с 1991 г. процент участия граждан в выборах местных органов власти, парламента республики и президента постепенно снижался (с 73% в 1991 г. до 38% в 1996 г.). Население стало испытывать психологический дискомфорт от неоправдавшихся ожиданий.

Эволюция ценностных представлений, разочарование в демократических ценностях еще больше усугублялись ростом "анархических" тенденций в обществе и экономическими реформами. В первые же годы независимого демократического переустройства общества обнаружилась слабость новой власти, усиление криминальных группировок, безнаказанность госчиновников и местных авторитетов на фоне растущей незащищенности простых людей. Общество стало резко ощущать ослабление законности и свою незащищенность. Параллельно происходили процессы разгосударствления госсобственности и приватизации

экономики, которые сопровождались разграблением, разворовыванием имущества госпредприятий. Одновременно огромное количество людей оказалось выброшенным на улицы. Произволу частных собственников предприятий и фирм трудовому люду нечего было противопоставить.

Профсоюзы почти полностью прекратили свое существование и не пользовались никаким влиянием в обществе. По данным социологических опросов 1996–1997 гг., значительная часть населения (70%) испытывала неудовлетворенность ходом экономических и политических реформ, идущих в стране. Наступивший период разочарования и "отрезвления" сформировал атмосферу постальгии по коммунистическому прошлому, социального запроса на власть "сильной руки".

Уже в те годы в армянском общественном сознании возобладали тенденции, способствующие приходу авторитарного руководства в стране. Эта серьезная смена аксиологических ориентиров отразилась на психологической и нравственной атмосфере в обществе. Многие новые демократические ценности оказались девальвированными. Образовавшийся аксиологический вакуум привел к определенной деморализации общественного сознания. Правда, как отмечают многие аналитики, «обыденное сознание, как правило, преувеличивает степень "падения нравов", что является естественным психологическим следствием возникающего у людей тревожного чувства, что в обществе необратимо слабеет социальный контроль, усиливается принцип "все дозволено"» [3, с. 45]. Таким образом, новые ценности возникают в разболтанной, разлаженной, но живой и действующей нормативно-ценностной системе.

Основой ее живучести является «устойчивость фундаментальных ("высших") ценностей, связанных с религией и глубокими культурными традициями...» [3, с. 45]. Практически все социологические исследования, проведенные под руководством автора, свидетельствуют о некотором снижении моральных норм во всех социальных группах. Российские социологи также отмечают тенденцию ослабления "позитивных моральных качеств... примерно в равной степени всеми группами респондентов независимо от их возраста и материального положения, что свидетельствует об ощущении россиянами постепенного вытеснения этих качеств из сферы межличностного взаимодействия" [2, с. 367]. Социальный феномен "заката морали" является предметом обсуждения как на Западе, так и в постсоветских странах.

Моральный плюрализм и множественность нравственных стандартов [2, с. 373] отражают лик новой эпохи. Так, у нас в категорию малопорицаемых или вовсе не порицаемых обществом действий подпадают: уклонение от уплаты налогов, обман властей, неуплата сумм за электроэнергию, водоснабжение, квартплату, междугородние телефонные переговоры, дача взятки, ловкачество, жульничество, покупка дешевых краденных вещей, супружеская неверность, фактическое многоженство, невозвращение долгов, жестокое обращение с животными, загрязнение окружающей среды и многое другое. Это не означает, что все абсолютно оправдывают аморальные действия. Но безразличие к подобным деяниям, отсутствие строгого социального порицания и давления на тех, кто такие действия совершает, приводит к тому, что устанавливается атмосфера вседозволенности и безнаказанности. В итоге, падение нравов и моральный кризис в трансформирующемся обществе.

В течение 1991–2001 гг. многочисленные толпы армянских работников устремились в Россию и на Запад. Масштабная миграция усилила чувство психологического дискомфорта у армянского населения. Традиционные ценности семьи, детей, близкого дружеского окружения как были, так и остались в сознании людей. Сегодня в сознании простого армянина доминируют ценности семьи и личного окружения. В иерархии ценностных установок такие ценности, как родина, страна, нация, государство, оказались вытесненными на периферию общественного сознания. Фактически, произошла аксиологическая фокусировка, что приводит на деле к атомизации социального пространства: каждый прежде всего думает о себе и о своей семье, к другим проблемам относится безразлично.

Вдобавок, государство "ушло" из многих сфер социальной жизни, оставив граждан один на один со своей судьбой. Для многих граждан это был очередной стресс, пережитый после долгих лет доминирования государства во всех сферах общественной жизни. По этой причине ожидания людей от государства свелись к социальному миниму-

му. Люди поняли, что уже нельзя надеяться на власть, а следует полагаться только на собственные силы. Определенный индивидуализм и ранее был присущ армянскому менталитету, в услових же рыночных отношений и ослабления государственной власти он еще более углубился. На смену псевдоколлективистским настроениям пришел прагматизм и социальный эгоизм индивидуального предпринимательства. Социальное пространство оказалось расколотым на множество подсистем. Нравственная сфера сузилась до размеров ячейки общества – семьи.

Социологическое исследование жителей трех городов республики (Ереван, Гюмри, Ванадзор), проведенное в марте 1993 г., показало, насколько изменились ценностные представления в армянском общественном сознании. Опрошенным был предложен список из 17 дихотомических базовых характеристик, описывающих человеческие качества:

1. Честность	Нечестность
2. Доброта	Злость
3. Трудолюбие	Лень
4. Воля	Безволие
5. Вера	Безверие
6. Свободолюбие	Раболепие
7. Индивидуализм	Коллективизм
8. Преданность	Предательство
9. Законопослушность	Нарушение законов
10. Национальный патриотизм	Преклонение перед иностранным
11. Предприимчивость	Пассивность
12. Терпимость	Нетерпимость
13. Традиционализм	Инновативизм
14. Выносливость	Невыносливость
15. Благовоспитанность	Грубость
16. Бунтарство	Покорность
17. Стремление к знаниям	Отсутствие интереса к знаниям

Положительные оценки получили такие качества, как "трудолюбие", "предприимчивость", "индивидуализм" и "выносливость". По мнению опрошенных, именно эти качества лучше всего характеризуют современного типичного армянина [9]. Наибольшие позитивные оценки

получили такие качества или черты армянского характера, как "выносливость" и "предприимчивость", затем только "трудолюбие" и "индивидуализм". В числе отрицательных качеств, характеризующих армян, оказались "грубость", "непослушание закону", "нечестность" и "предательство". Наиболее ярко выраженной отрицательной чертой, по мнению опрошенных, является "непослушанию закону". Таковыми были автохарактерстики армян в середине 90-х годов. Фактически, они отражают черты самоидентификации армянского общественного самосознания.

Моральный выбор современного армянина свелся к дилемме – патриотизм или эгоистический космополитизм. "Патриоты" предпочли пережить все невзгоды вместе с родиной, а "эгоистические космополиты" выехали из страны в поисках лучшей жизни. Интересно, что первые не слишком сильно обвиняли последних. По крайней мере в социологическом исследовании 1993 г. подавляющее большинство (70%) опрошенных оказались потенциальными мигрантами и высказывали намерение при удобном стечении обстоятельств уехать из страны. Особенно они были озабочены будущим своих детей. Вот это невидение перспективы, недоверие к своему будущему было весьма характерным для армянского национального сознания периода 1991–1997 гг.

В условиях морального релятивизма такие общечеловеческие ценности, как честность, преданность, порядочность, справедливость, оказались совершенно девальвированными. Реалии переходного морального сознания вытолкнули их и отбросили как неработающий, бесполезный балласт. Стратегии личного успеха, постепенно выполняющие доминантные роли в массовом поведении, оттеснили на второй план, в глубь индивидуального сознания, многие инструментальные ценности. Все пути или почти все пути к успеху оказались общественно приемлемыми. Аксиологический релятивизм, в некоторой степени деморализация общества, ностальгия по коммунистическому прошлому и желание прихода к власти "сильной руки" – вот та нравственно-психологическая атмосфера, которая достаточно полно описывает духовное состояние современного армянского общества.

Картина была бы не полной, если бы мы не коснулись религиозного сознания армян. Вынужденно скрываемое в

советские годы христианство в полную силу развернулось в период трансформации общества. Церковь и религия получили большой простор для деятельности, а люди перестали скрывать свои религиозные убеждения. Повсюду стали строиться, иногда на средства частных лиц и общины, новые церкви. Опросы общественного мнения 1995–2002 гг. свидетельствуют о том, что 95% населения республики считают себя приверженцами Армянской апостольской церкви.

Религия, всегда занимала существенное место в духовном сознании армян, а сейчас она получила полную легализацию. Демократические реформы реабилитировали религию, свободу совести и вероисповеданий, и вернули церковь обществу. По новой Конституции РА церковь и сегодня отделена от государства, но она не отделена от общества. Однако долгие годы советской изоляции церкви от общественности наложили отпечаток на ее деятельность. Сегодня армянская церковь с трудом находит дорогу к отчужденным душам людей. Она разучилась говорить со своими прихожанами открыто о волнующих их проблемах. Духовная проповедь отцов церкви не доходит до сердца людей, не отвечает на их вопросы, не успокаивает души и не может указать путь выхода из духовного кризиса. Армянской церкви предстоит еще завоевать доверие своих прихожан, возратить верующих в свое лоно. Для этого ей самой необходимо преобразоваться, повернуться лицом к обществу, к тревогам и заботам простых людей.

За годы советской власти, находясь в изоляции от христианской общины, церковь и духовенство оторвались, ушли от реальной жизни. Церковь углубилась в себя, обслуживала духовные запросы ограниченного круга людей, жила больше интересами армянской диаспоры. Церковь превратилась в некое учреждение по отправлению духовных потребностей. Она нуждается в серьезном реформировании в соответствии с новым своим статусом в системе современных социальных отношений [10].

Образовавшийся духовный вакуум быстро стали заполнять разнообразные религиозные секты и духовные течения Запада и Востока. Сегодня идет настоящая "охота за душами", и Армянская апостольская церковь в этой борьбе прибегает пока к помощи государства вместо того, чтобы занять активную позицию. Социологические исследования свидетельствуют, что различного рода секты получили довольно большое распространение в Армении [11]. По официальным данным, в республике зарегистрировано порядка 50 различных религиозных организаций. Некоторым организациям отказано в официальной регистрации, однако несмотря на это они продолжают свою деятельность во многих районах республики и проповедуют свои догматы. Они раздают бесплатную литературу религиозного содержания и иногда оказывают гуманитарную помощь своим последователям.

Таким образом, новоявленные организации и секты становятся привлекательными для местного населения. К тому же массовая бедность служит хорошей питательной средой для распространения разного толка мессианских идей и течений. Простой народ живет в ожидании чуда и готов в каждом, кто идет к нему со словами сочувствия, видеть своего спасителя. Сказывается также усталость общества от нескончаемых перемен и желание обрести стабильность.

Начиная с III века до н.э. армянский этнос формировался под воздействием многобожия и язычества. Только с III в.н.э. начало насаждаться христианство, причем оно насаждалось "сверху" с большим трудом [12, с. 38–40]. Оно распространялось первоначально на греческом и ассирийском языках, которыми владела только знать. Народ продолжал еще очень долгое время пребывать в язычестве и с трудом расставался с ним. И впоследствии, вплоть до настоящего времени, он сохранил некоторые языческие обряды в религиозном поведении (обряд жертвоприношения, перепрыгивание через костер, приношение огня и др.). И христианской церкви пришлось смириться с этим.

Эпоха советского безбожия оказалась благодатной почвой для возрождения языческого духа в народе. Нравственная ткань язычества вновь проросла через почти две тысячи лет благодаря созданной большевиками длительной паузе в христианской жизни общества. Отлучение большевиками армянского общества от христианской церкви привело к тому, что христианство стало подпольной религией и было загнано в область социльного бессознательного. Вместе с тем невольное развитие и распространение получили

32* 5645

вновь возрожденные языческие обряды и языческая "мораль", ничего общего не имеющая с христианской.

Сегодня мы являемся свидетелями становления того нового общественного сознания, в котором христианские ценности вновь постепенно возвращаются из социального подсознания в реальную жизненную практику. Но им приходиться пробираться сквозь пласты эпохи безбожия и язычества.

Политические процессы, идущие в стране, также демонстрируют эволюцию аксиологического сознания общества. Предвыборная президентская кампания в феврале 2003 г. наглядно продемонстрировала вектор политических устремлений армянского общества. Наиболее популярными из 11 кандидатов в президенты оказались два представителя оппозиции: приверженец коммунистического прошлого и жесткий критик настоящего.

Такие же политические ориентации доминировали в общественном сознании армян и на парламентских выборах 1999 г. Тогда с огромным успехом выступила объединенная партия под руководством К. Демирчяна (бывшего первого секретаря ЦК Компартии Армении) и В. Саркисяна (министра обороны РА). В глазах подавляющего большинства населения первый пользовался огромным авторитетом постальгического коммунистического лидера, а второй олицетворял собой идеал сильной власти, "сильной руки". Неожиданный политический альянс двух лидеров как нельзя лучше отвечал сакральным символам власти, сформировавшимся к тому времени в массовом политическом сознании.

Спустя несколько месяцев после убедительной победы на парламентских выборах, 27 октября 1999 г., оба лидера уже в качестве руководителей государства (один в должности спикера парламента, другой — премьер-министра) были расстреляны группой террористов в здании Национального собрания. В очередной раз общество испытало шок и потрясение. Последовавшие за этим действия властей привели к усилению депрессии в обществе и углубили его политическое отчуждение. События эти сыграли большую роль в формировании ценностного сознания, в особенности политического сознания, общества.

В периоды выборов особенно ярко проявляются доминанты нормативной демократии — требование равных возможностей для кандидатов, четкого соблюдения процедуры демократических выборов. На президентских выборах 2003 г. в Армении были даже использованы прозрачные урны для голосования. Отношение к демократическим ценностям различное у разных социальных и возрастных групп. Старшее поколение больше подвержено постальгии по коммунистическому прошлому. Такие же настроения распространены в среде рабочих, пенсионеров, безработных и домохозяек, людей со средним образованием, жителей малых городов и деревень. Приверженность же к демократическим ценностям наиболее ярко выражена среди молодежи, людей с высшим образованием, интеллигенции, служащих, экономически активной части населения, жителей крупных городов.

По причине большой миграции в армянском обществе сегодня преобладают слабо защищенные социальные группы. Поэтому в массовом электорате доминируют носители первой группы ценностных представлений. "Демократам" и "либералам" приходится очень трудно в предвыборной борьбе. Наибольшим рейтингом обладают партии и лидеры коммунистической, социалистической ориентации и явно популистского толка.

Складывающиеся в общественном сознании политические ценности "сильной" демократии в практической жизни способствуют формированию управленческой модели типа "авторитарной демократии". По сути, в этом противоречивом сочетании свелись два ценностных архитипа массового сознания: ценность закона и порядка в обществе и равенство всех граждан перед законом. А сильная власть, как и любая власть в армянском менталитете, персонифицирована. Поэтому сильная власть воспринимается как власть сильной личности, президента, царя, но явно не безликого парламента. Армянское общество приверженo президентской форме правления, притом правления сильного, волевого, решительного президента. С другой стороны, ценность свободы тоже является определяющей в общественном менталитете. Свобода слова, печати, вероисповедания, свобода передвижений, политических организаций и свободные выборы, в свою очередь, ассоциируются с демократией. В результате наложения этих двух противоречивых черт на культурно-историческую модель армянской государственности и формируется тип "авторитарной демократии".

РАСКОЛОТЫЙ СОЦИУМ: ДВА СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Нельзя сказать, что армянское общество сегодня является консолидированным. Имеется общее понимание по нескольким черезвычайно важным проблемам. Проблема **независимости Карабаха** одна из таких. Абсолютное большинство армянского общества совершенно уверено в том, что Карабах должен быть независим от Азербайджана. Будет ли он в составе Армении, России или СНГ, будет ли независимым, самостоятельным государством, каковым де-факто является вот уже более десяти лет, — это другой вопрос. Но вокруг его независимости консолидируются мнения всех социальных слоев и групп.

Вторым фокусом общественного мнения является **проблема геноцида**. По этому вопросу также существует совершенно четкое, единое мнение всех без исключения слоев общества. Причем добавим, что у армянской диаспоры по двум упомянутым выше вопросам также совершенно такое же мнение. Можно сказать, что эти два столпа исторического самосознания консолидируют все армянство, олицетворяют основы армянского национального сознания. В определенном смысле с такой консолидации начинается национальная самоидентификация армян.

Третим "столпом" консолидирующего сознания является культурно-историческая парадигма некогда великого народа, великой культуры, великого прошлого. Смысловой осью здесь выступает **облик христианского народа,** первым принявшим христианство в качестве государственной религии. Эйдетический субстрат армянского менталитета развертывается в облике многострадальной истории христианского народа, пережившего геноцид в начале прошлого века, обретшего государственную независимость и отвоевавшего независимость для карабахских армян в конце того же века.

Однако по целому ряду других, не менее важных вопросов мнения современных армян резко расходятся. В том числе в таких вопросах, которые, казалось, не подлежат обсуждению. Например, вопросы языка, правописания, церкви — предмет многих споров между учеными диаспоры и Армении. В самой Армении общественное сознание сегодня раздвоено по целому ряду судьбоносных проблем. Причины такого раздвоения общественного сознания кроются в историческом и геополитическом позиционировании самой Армении. Пограничное положение Армении между Европой и Азией, между культурами Запада и Востока, между христианским и мусульманским миром, между Севером и Югом.

Раздвоение общественного сознания проходит по определенному дихотомическому ряду, охватывающему широкий круг проблем отношения к оценке **недавнего прошлого, настоящего и возможного будущего страны** и народа. До последнего времени значительная часть населения (60%) на вопрос, когда им лучше жилось, в советский период или сейчас, отвечала — "в советский период". И лишь в опросах 2000–2002 гг. доля испытывающих ностальгию по прошлому сократилась до 42%. Приблизительно такая же часть населения (30%) придерживается мнения, что сегодня все-таки лучше, чем вчера. Остальные 28% не видят особой разницы между прошлым и настоящим.

Итак, две большие группы населения фактически дают прямо противоположные оценки по поводу своего прошлого и прошлого страны. Связываю это с различием в их коренных установках, ценностных ориентациях. По сути, это различные жизненные стратегии и различные судьбы. Конечно, можно увидеть поколенческий срез в такой дихотомической оценке прошлого. Ностальгию испытывают и положительную оценку прошлому чаще всего дают представители старшего поколения. Люди, чья жизнь, молодость и зрелые годы прошли в условиях советского режима. Их ностальгия носит не столько, может быть, идеологический, сколько психологический, глубоко личностный характер. К тому же, не следует забывать, что большая часть этих вполне обеспеченных людей в условиях социальной трансформации оказалась за чертой бедности. Поэтому в их оценках преобладает также экономическая аргументация.

Однако такое социально-возрастное расхождение взглядов не порождает конфликта поколений в обществе. Между "поколением отцов" и "поколением детей" не наблюдается острого конфликта, хотя для этого имеются все основания. Раздвоение общественного сознания проходит по линии между "поколением отцов" и "поколением детей", но оно не является предметом спора. По умолчанию обе

стороны не обвиняют друг друга в создавшейся ситуации, а скорее, воспринимают ее как навязанную им "большими политиками-демократами". Молодежь не обвиняется в распространении наркомании, проституции, тунеядстве и иждивенчестве и в других социальных пороках. Скорее, "отцы" сочувствуют молодым, рассматривая их в качестве жертв сложившихся новых социальных порядков.

По сути, это ценностный конфликт, стороны которого представлены преобладающими группами поколения молодых и взрослых граждан страны. Однако этот конфликт не является сутью конфликта поколений и не лежит в его природе. Это — конфликт переходного периода. Часть современного общества принадлежит к прошлой формации, другая же его часть пытается адаптироваться к условиям новой. Причем и в неадаптированной и в адаптированной частях имеются представители различных поколений, люди разного возраста и различных социальных слоев. Раздвоение общественного сознания в оценке прошлого и настоящего страны затрагивает поколения, но относится к категории конфликтов и противостояний переходного периода. Патогенез такого раздвоения кроется в самом трансформационном состоянии социума. Поэтому его следует отнести к категории трансформационных конфликтов, противоречий и противостояний, но не поколенческих.

Широкая волна миграции, начавшаяся в период суровой зимы 1991/92 г., разделила общество на две части: на тех, **кто уехал или намеревался уехать,** и тех, **кто не собирался покидать страну.** Уезжающих было меньше, однако потенциальная миграция, по данным социологических опросов, была очень высокой. Среди уезжающих были люди различных социальных слоев, разного возраста и материального достатка, как жители городов, так и районов и сел. Многие были вынуждены уезжать из-за невыносимых условий жизни — войны, блокады, безработицы. Уезжали с семьями или без них.

Первоначально большинство уезжало лишь на некоторое время с намерением пережить суровую зиму и вернуться обратно. Не все тогда еще знали, что "суровая зима" растянется на многие годы. Это уже потом, спустя несколько лет, иммигранты начали продавать оставленные в Армении дома, квартиры, дачи и другое имущество. Практически 70% опрошенных хотели бы уехать, появись тогда, в 1993 г., у них такая возможность. Правда, потенциальная

миграция никогда не совпадает с подлинной, хотя и дает представление о скрытых масштабах явления. Готовы были покинуть страну 80% молодежи до 30 лет и 64% представителей старших поколений (45–60-летние и превышающие этот возраст). Но большинство предполагало только одну зиму провести за пределами Армении. Доля намеревающихся оставить республику насегда не превышала 14% [9, с. 153].

Стремление выехать ярче было выражено у образованной части населения и у женщин. Любопытно, что последние более чем мужчины были ориентированы на временный отъезд, дабы, пережив трудный период, возвратиться. Менее всех хотели уехать пенсионеры, рабочие и кооператоры.

Ничто так не свидетельствует о безысходности сложившегося положения и о глубине отчаяния, как согласие взрослых на выезд детей. Ведь их отрыв от семьи, родного дома — событие чрезвычайное. Если армянин сознательно шел на подобное (63,9% родителей хотели, чтобы их дети переехали на постоянное жительство за границу, поскольку "вся Армения — это зона бедствия"), то значит, он просто не видел лучшего будущего для них. В умах и сердцах людей и в общественном сознании теоретическая **линия раздела проходила между концепциями патриотизма и космополитизма.** "Патриоты" придерживались точки зрения, согласно которой, покидать родину нельзя ни при каких обстоятельствах, даже если жизнь становится невыносимо тяжелой, потому что именно в такие периоды страна нуждается в поддержке своих граждан. Покидать родину в тяжелые для нее времена расценивалось ими почти как национальное предательство.

Национал-патриотические настроения укрепляли в людях уверенность в том, что они поступают правильно, оставаясь в стране, не покидая родину в тяжелые годы войны и блокады. Конечно, носителей радикальной национал-патриотической идеологии в реальности было не много. Большинство вовсе не осуждало тех, кто уезжает, потому что относилось с пониманием к их проблемам либо само намеревалось отправить детей к родственникам за границу. Слова резкого осуждения тогда в обществе доносились не часто и не все были с ними согласны. Общественное мнение не осуждало категорически тех, кто уезжал, тем не менее, обвинения в отсутствии или в слабом патриотизме висели в

воздухе. Не случайно, спустя много лет, когда некоторые из мигрантов стали возвращаться обратно, общество очень сдержанно и настороженно относилось к ним.

Между тем теоретически-оправдательной базой тем, кто уезжал, служил исторически присущий армянскому менталитету космополитический тезис: "Где хлеб, там и дом". Столетиями армяне-торговцы разъезжали по всему миру и зачастую оставались жить в заморских странах. Занимаясь торговлей и бизнесом, они отличались большой мобильностью, знанием языков и способностью хорошо адаптироваться в новых условиях. Армяне, как правило, становились примерными гражданами в этих странах и легко уживались с местными жителями. Однако космополитизм армян не мешал им повсюду сохранять свой язык, культуру, вероисповедание и национальный колорит. Парадоксальным образом космополитизм уживался с национальным самосознанием армян. Именно в этом кроется разгадка отсутствия резкой конфронтации между лагерями "патриотов" и "космополитов".

Причины армянского "космополитизма" уходят корнями также в психологию индивидуализма. Армянскому менталитету всегда был присущ глубокий индивидуализм. Он составлял одно из его основополагающих начал и отличительных черт. В условиях трансформации социальных отношений он принял характер **супериндивидуализма.** Именно супериндивидуализм определял общественное сознание и социальное поведение многих, кто покидал страну в те годы.

Отношение населения к проводимым экономическим реформам позволяет выявить особенности экономических ценностей и существующие противоречия в экономических представлениях расколотого общества. **Отношение к рыночной экономике, частной собственности** и **ходу экономических реформ** составляет главный предмет споров в различных слоях общества. Начиная с 1995 г., социологические исследования, проведенные Армянской социологической ассоциацией под руководством автора, позволяют судить о динамике экономических ценностей населения.

Доминирующим является мнение, согласно которому экономические реформы идут слишком медленно, не улучшают жизнь широких масс, а создают благоприятные условия для обогащения кучки людей. Интересно, что лишь треть населения так или иначе поддерживает реформы.

Большая часть пока не видит в них залога обновления и улучшения ситуации. По мнению большинства наших многочисленных опрошенных, в дореформенный период они лично и их семьи жили лучше, чем после реформирования экономики.

Таким образом, в целом направление экономического реформирования не поддерживается большинством взрослого и трудоспособного населения страны. Многие из них в послереформенный период стали безработными и перешли в разряд беднейших слоев населения и потому непосредственно связывают ухудшение своего положения с реформами. В глазах большинства взрослого населения именно либерализация экономики и введение рыночных отношений привели к резкому ухудшению условий жизни и падению уровня жизни. Эти два события в общественном сознании обрели причинно-следственную зависимость и рассматриваются в прямой причинно-следственной связи.

Общество недовольно также темпами экономических реформ. Большая часть опрошенных нами людей (40–43%) считает, что реформы идут слишком медленно. В этом сказываются экономические ожидания людей от проводимых государством реформ. Людям обещали улучшение жизни в результате реформирования командно-административной и плановой экономики в рыночную. Однако время идет, а люди так и не видят улучшения жизненных условий. Отсюда и возникает недовольство темпами реформ. Предполагается, что их ускорение должно было бы способствовать более скорому улучшению жизни общества.

Некоторая парадоксальность такого экономического сознания, на наш взгляд, объясняется следующими соображениями. Значительная часть людей видит, что реформы идут не в правильном направлении. Однако многие из них, смирившись с необходимостью реформ, хотят ускорения темпов реформирования, чтобы быстрее пройти необходимый отрезок переходной экономики и обрести, наконец, завершенность. Общество устало от перемен, а точнее, от вечной незавершенности того, что называется трансформацией социальных институтов и отношений.

Наиболее ощутимый раскол в экономических ценностях проявляется в отношении людей к формам собственности и к богатству. Частная собственность как таковая позитивно оценивается практически всеми. Армянское общественное сознание в этом отношении, можно сказать, дос-

таточно продвинуто. Ценность частной собственности, частного бизнеса, собственного дела всегда занимала особое место в менталитете наших людей.

Другой вопрос — масштабы и сферы частной собственности. Есть сферы экономики, которые, по мнению большинства людей, не подлежат приватизации и должны находится в ведении государства. Опросы показывают, что к их числу подавляющее большинство общества относит транспорт, связь и коммуникации, здравоохранение, массовое образование, защиту государства и международные связи. А такие виды транспорта, как авиация, железнодорожный транспорт и метрополитен, должны, по мнению людей, находиться полностью (или почти полностью) в собственности государства, но не частного владельца. Системы здравоохранения, образования, в частности, детские сады, школы, поликлиники и больницы, должны находиться в ведении государства. По мнению трети взрослого населения, даже телевидение, радио и главные газеты должны принадлежать государству. В государственной собственности должны находиться также энергетическая промышленность, электростанции, дороги, водоснабжение, военная промышленность, производство некоторых видов продукции, имеющий стратегическое значение для страны.

В частную собственность общественное сознание готово "отдать" объекты торговли, сферу обслуживания, часть газет, теле- и радиоканалов, производство продуктов питания, легкую промышленность и многое другое. По прошествии нескольких лет общество смирилось с платной медициной и частными платными вузами. Однако передача транспорта и связи в частные руки до сих пор вызывает острые споры.

Еще одна линия раздела в общественном сознании проходит между **"государственниками"** и **"рыночниками"**. По мнению последних, в частную собственность можно отдавать все или почти все, что не нуждается в специальном государственном регулировании. Иначе говоря, все кроме армии и полиции может быть отдано в частные руки различным компаниям и корпорациям, в том числе иностранным. Государство в целом ряде таких компаний может владеть различной долей акций для того, чтобы не потерять полностью контроль над ними.

Спор между "рыночниками" и "государственниками" иногда принимает острые формы и становится предметом

обсуждений в парламенте страны. Народ обвиняет правительство в "продажности" и в измене национальным интересам в связи со скандальными сделками, в результате которых, например, телефонная сеть республики была отдана в монопольное владение одной греческой компании сроком на 15 лет. К числу скандальных сделок относятся и продажа знаменитого своими традициями и продукцией Ереванского коньячного завода известной французской фирме продажа международного аэропорта "Звартноц" аргентинскому миллионеру. В последнее время многие крупные производственные объекты, например, Разданская теплоэлектростанция и даже атомная электростанция были переданы российскому бизнесу в счет погашения государственного долга Армении. Все это попадает под острую критику оппозиции, и в общественном мнении (зачастую искусственно) складывется впечатление, что страна "продается с молотка".

Богатство и богачи не вызывали особого раздражения у армян. В нынешних условиях негативное отношение к **"новым армянам"** проистекает от осуждения "неправедных" путей их обогощения. Осуждению и порицанию подвергается в общественном сознании не богатство или богачи как таковые, а скорее, криминальный характер приобретения богатства на фоне массовой нищеты. Сознание того, что за счет собственного цивилизованного бизнеса невозможно разбогатеть в экономических условиях Армении без мощных попечителей "сверху", еще больше укрепляет негативизм в отношении к богатым.

Свободные рыночные отношения на деле оказались не такими уж и свободными для всех. Равенство экономических возможностей — это главное требование, которое общество выдвигает к государству. Государство должно выступать в роли судьи, который обеспечивает равные возможности для всех и следит за соблюдением правил игры.

Экономически активная часть населения, которая приняла рыночные отношения и стремится войти в эти отношения в качестве свободных предпринимателей, требует от государства только одного — честной игры и обеспечения равных стартовых возможностей. "Рыночники" и в этом отличаются от остальной части населения. К последним относятся необеспеченные, социально слабые слои, возлагающие надежды на помощь государства.

Модель социального рыночного государства, которое

должно играть заметную роль в экономике страны как верховный судья, как арбитр, постепенно утверждается в армянском общественном сознании. Такое же понимание роли государства весьма распространено в российском обществе. Как свидетельствуют российские ученые, эта модель социального рыночного хозяйства дополняется требованием известного немецкого мыслителя Л. Эрхарда — "благосостояния для всех" [2, с. 289]. Социальное государство с рыночной экономикой должно обеспечивать равные возможности для всех и противодействовать резкой поляризации в обществе по имущественному признаку.

Экономический рост и благосостояние общества должны затрагивать все его социальные слои и группы, не создавая резких социальных контрастов. «Задача государства состояла в том, чтобы осуществить акт фундаментального выбора и не только осуществить, но и обосновать, почему та или иная точка зрения берется за всеобщую. Теперь же государство с данной ролью не справляется. Здесь и возникает взаимное непонимание между "реформаторами" и основной массой граждан. Государство без определенного образа будущего для россиян как бы не вполне государство... Отсюда — прогрессирующее отчуждение населения не только от отдельных лиц и основных государственных институтов, но, в сущности говоря, и от государства как такового. Значительная часть россиян просто не узнает в нем близких ему черт именно российской государственности. В то же время оно угадывает эти черты в политической риторике некоторых оппозиционных (или квазиоппозиционных) фигур, платя им за это нарастающей поддержкой» [2, с. 246].

Раздвоение общественного сознания проходит также в области **геополитических ориентаций**. Официальный внешнеполитический курс страны, как известно, основывается на концепции комплементаризма. Это означает, что Армения в своих международных отношениях руководствуется принципом, согласно которому отношения с Востоком не должны мешать развитию отношений с Западом. В конкретной политике это предполагает развитие всесторонних отношений с Объединенной Европой и США при сохранении стратегического партнерства с Россией и экономического сотрудничества с Ираном.

Армения является членом ООН и Совета Европы, участвует в программе НАТО "Партнерство ради мира" и в

антитеррористическом сотрудничестве под руководством США. Одновременно Армения имеет самое тесное военно-стратегическое сотрудничество с Россией, подписала договор о безопасности в рамках СНГ и поддерживает близкие отношения с Ираном. Поддерживать тесные отношения с двумя сторонами, между которыми существует давнее соперничество, иногда переходящее в конфронтацию, очень нелегко. Но пока дипломатическому ведомству Армении это удается.

Что касается общественного мнения, то здесь дипломатический баланс не сохраняется. Симпатии населения находятся на стороне России. Более 80% населения считает Россию другом и стратегическим партнером Армении. Радикально настроенная часть предлагает даже вступить в союз Белоруссия–Россия. Общественное мнение армян давно уже на стороне России. Тому имеются достаточно веские причины. Главная из них — это вопрос безопасности Армении и защищенности ее границ с соседней Турцией. Население Армении чувствует себя в большей безопасности, когда государственную границу с Турцией охраняют вооруженные силы России (раньше СССР).

Кроме того, Армению объединяют с Россией очень давние исторические, культурные связи. Знание русского языка, русской истории и культуры играет также немаловажную роль. Очень многие яркие представители армянской культуры и науки творили и работали в России или получили там образование. Одним словом, русско-армянские отношения имеют очень глубокую и богатую историю. И наконец, не менее важным является наличие в России огромной армянской диаспоры, которая довольно тесно связана с родиной. Не случайно, львиная доля армянских мигрантов выезжает в Россию. Таким образом, подавляющая часть населения Армении ориентирована на Россию и только 20% — на Европу и США. К примеру, в Грузии 70% населения ориентированы на Запад, и лишь 30% — на Россию. В Азербайджане приблизительно половина населения ориентирована на Россию, а половина на Запад [13].

Конечно, ориентация большей части армянского населения на Россию вовсе не означает, что они негативно относятся к Западу, тем более что после террористического нападения на Нью-Йорк 11 сентября 2001 г. позиции США и России по многим вопросам сблизились. Это позволяет Армении еще более эффективно проводить в жизнь поли-

тику широкого сотрудничества с теми великими государствами и международными силами, которые проявляют заинтересованность к событиям в Кавказском регионе.

И в расхождении общественного мнения по геополитической ориентации противоположные стороны не проявляют агрессии друг к другу. Каждая сторона оставляет за собой право не соглашаться с противоположной точкой зрения без признаков враждебности или противостояния. Конфликт идей и взглядов, к счастью, не выливается в социальный конфликт между различными слоями общества. Расколотое сознание армянского общества, тем не менее, не порождает агрессивного гражданского конфликта. Противостояние остается во взглядах различных социальных групп и проявляется в выборе индивидуальных жизненных стратегий, но не становится основой и причиной социальных столкновений. По крайней мере, так было до президентских выборов 2003 г.

Еще одна линия раздела в общественном сознании пролегает между **сторонниками независимости Армении** и **сторонников включенности ее в состав какого-либо большого союза.** Сторонники независимого пути развития армянского государства еще задолго до распада СССР придерживались концепции создания или, точнее, восстановления национального государства. Армения потеряла национальную государственность в результате многочисленных войн еще в XIII в. Государственность была воссоздана в 1918 г. в виде первой армянской республики, которая просуществовала немногим более двух лет. В результате большевистской революции и советизации в 1921 г. была создана Армянская Советская Социалистическая Республика в составе СССР. С 1991г. начинается период третьей армянской республики как независимого демократического государства. В первые годы обретения государственной независимости сторонники независимого пути развития были в меньшинстве. Сегодня они составляют более двух третей населения, если судить по результатам социологических опросов. В общественном сознании девальвировалась сама идея демократического устройства. Появилась ностальгия по "сильной руке", которая могла бы вытащить страну из хаоса. Усилились пессимистические настроения относительно возможности процветания Армении в качестве независимого государства.

Всего год спустя с момента провозглашения независимости 28% населения высказали желание восстановить бывший Союз. А согласно другим (1993) опросам, 43% респондентов видят будущее Армении в составе СНГ, 12% — в рамках конфедерации и только 22% верят в самостоятельное развитие [9, с. 154]. Интересно, что эти же 22% населения Армении и будущее Нагорного Карабаха связывают с развитием независимого государства на пограничной территории между Арменией и Азербайджаном. Для них вопрос о присоединении Карабаха к Армении или к России не является необходимым условием его существования. Неоспорима с их точки зрения лишь независимость Карабаха от Азербайджана.

Сторонники независимого пути развития верят, что и Армения, и Карабах вполне могут существовать и развиваться как два независимых государства и обеспечивать свою безопасность в этом непростом регионе. Опыт истекших десяти лет укрепляет их в уверенности, что не только Армения, но и второе армянское государство в регионе — Нагорно-Карабахская Республика, вполне могут защитить себя и гарантировать безопасность своей независимой государственности.

Однако, помимо военной безопасности, необходимо обеспечить возможность свободного экономического развития государства. Вот здесь голоса тех, кто придерживается противоположной точки зрения, начинают звучать все громче. Сторонников оппозиционной точки зрения не очень много в обществе, но их аргументация находит отклик в среде беднейших слоев населения. Основной их аргумент заключается в том, что в условиях глобализации экономически слабая Армения не может выжить, опираясь только на свои силы. Для этого она должна войти в состав, стать частью какого-то более мощного государства или союза.

Одни в качестве "большого брата" предлагают союз Белоруссия–Россия, другие Европейский союз. Публичные дискуссии на эту тему время от времени появляются в массмедиа, чаще всего перед различными выборами. Нельзя сказать,что эта проблема лежит на поверхности общественного сознания и будоражит социальную мысль, но тем не менее, расхождение во взглядах на будущее независимого армянского государства существует в умах людей и, следовательно, в социальном сознании тоже. Эта дихотомия выражена не слишком ярко, однако она "сидит" довольно прочно в ценностно-ориентационной системе общества.

Интересно, что и российские социологи на всем протяжении 90-х годов фиксировали преобладание в массовых настроениях таких негативных эмоций, как страх, тревога, неуверенность в будущем [2, с. 365].

Еще одно раздвоение в общественном сознании просматривается в психологических схемах **национальной,** или **этнической, самоидентификации армян.** В различные периоды и по различному поводу общественное сознание генерализуется по альтернативной модели "мы" и "они". Причем, если в качестве "мы", как правило, всегда выступает коренное население республики, то в качестве "они", в зависимости от актуального политического контекста, могут выступать "армяне диаспоры", "беженцы", "карабахские армяне", "возвращенцы-репатрианты" или даже власть.

Внутри армянского этноса находятся группы людей, которые в силу каких-то обстоятельств противопоставляются друг другу. Хотя такое противопоставление происходит в области общественного сознания, оно носит вовсе не умозрительный характер, а отражает трения и конфликты, имеющие место в реальной жизни. К примеру, некоторые трения и напряженность в отношениях между местным населением и беженцами из Азербайджана в начале 90-х годов; между местным населением и выходцами из Карабаха, особенно в последние годы; между возвращающимися из-за рубежа разбогатевшими армянами и местными жителями, которые все эти годы никуда не уезжали.

Что касается противопоставления общества и власти, то здесь разделение сторон по схеме "мы" и "они" уже стало носить хронический характер. Водораздел между обществом и властью за годы демократического правления, как это ни странно, еще больше углубился. Общество испытывает политическое отчуждение, а власти не делают попыток сближения, за исключением короткого периода предвыборных кампаний. Народ уже привык к тому, что власть не объясняется со своим народом, не советуется с ним и не считает нужным выслушивать его мнение или отчитываться перед ним по различным животрепещущим вопросам.

Власть и народ в Армении давно уже движутся по непересекающимся траекториям, ведомые собственными заботами и тревогами. Время от времени долгие паузы в

диалоге нарушаются отдельными выступлениями представителей властвующей элиты, которые, как правило, ничем не завершаются и никакого продолжения не имеют. Народ, со своей стороны, продолжает во весь голос безмолвствовать.

Отношения с диаспорой в последние годы заметно оживились, хотя носят на себе отпечаток некоторой конфронтации прошлых времен. Армянские репатрианты, приехавшие на родину еще в 1946 г., так и не адаптировались полностью и при первой же возможности уехали на Запад. Местные армяне приняли их тогда очень тепло и радушно, но по прошествии нескольких лет сказались различия в воспитании, культуре, в бытовых обычаях и поведении. Приезжих армян окрестили "ахпарами" (так на западноармянском языке произносится слово "ахпер", что означает брат), что само по себе уже свидетельствовало о разделении на "мы" и "они".

Сейчас наблюдается обратная картина. Старая армянская диаспора за рубежом не очень-то одобрительно относится к тем армянам, которые покидают независимую Армению в поисках работы и лучшей жизни. Они настороженно принимают новых выходцев из Армении, называют их "айастанцы" (буквально — "из Армении"), осуществляя таким образом психологическую демаркацию.

Вместе с тем, жители Армении очень высоко ценят ту огромную моральную и материальную помощь, которую оказывают армяне диаспоры, а также их чрезвычайно важную и эффективную поддержку молодого армянского государства в международных переговорах и дипломатических отношениях на международной арене. Это чувство благодарности перекрывает мелкие раздоры, возникающие на бытовой или психологической почве. Точно так и армяне диаспоры закрывают глаза на многие обстоятельства жизни внутри республики, которые им явно не по душе, отлично сознавая, что они могут носить временный характер, и что самое главное — помочь родине стать сильным, развитым и демократическим государством. Для тех, кто многие годы прожил на чужбине и не имел национальной государственности, очень важно сознавать, что за их спиной стоит независимое государство Армения.

КОНТУРЫ НОВОЙ АРМЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Крупные исторические события оставляют глубокий след в социальном самосознании народа. В случае с Арменией можно говорить о национальном сознании хотя бы потому, что абсолютное большинство населения современной Армении составляют этнические армяне. Скажем, в России проживает более ста народностей и национальностей, которые составляют треть населения страны. Поэтому национальное сознание этнических русских не тождественно общественному сознанию россиян или российского общества.

В Армении общественное сознание практически тождественно национальному сознанию армян. Дело в том, что самосознание армян, проживающих в Армении, является армянским, но не общенациональным, поскольку большая часть армянского этноса проживает за пределами своей исторической родины и тем более за пределами современной Армении. Иначе говоря, общественное сознание в Армении по существу национальное, так как представители иных национальностей составляют 3% всего населения.

На всем протяжении истекшего века самым главным событием, определившим самосознание армян, был геноцид 1915 г., причем как для армян Армении, так и для армян диаспоры. Это событие сформировало облик жертвенности в национальном самосознании армян и стало краеугольным камнем их национальной идентичности. Облик жертвенной нации, испытавшей на себе в начале XX в. гонения со стороны турецких властей и геноцид, надолго определил "идентификационный код" для армянской нации. Народ, потерявший в войнах с могущественными соседями свою государственность, на протяжении столетий пытался сохранить культуру, религию и нацию в надежде на лучшее будущее.

Выживание и **жертвенность** — два самых главных символа, составляющих основу национального самосознания и национальной идентичности армян. Трагические события 1915 г. лишь усилили и закрепили облик жертвенности нации, а также физическое и культурное выживание как ее сверхзадачу.

XX в. оказался весьма драматичным для армян. Он начался геноцидом, который унес жизни 1,5 млн. армян. Вторая мировая война стоила 250 тыс. армянских жизней. Катастрофическое землетрясение в конце столетия, в 1988 г., унесло жизни 25 тыс. армян и оставило без крова несколько сот тысяч [14]. В течение последней декады XX в. карабахская война, блокада и тяжелый экономический кризис стали причиной миграции из родных мест более 1 млн. армян. Облик жертвенности и проблема национального выживания становятся определяющими факторами армянского национального самосознания. Именно такой "индентификационный код" достался армянам исторически и был подтвержден событиями последних лет прошлого столетия.

В экстремальной ситуации наше общество находится и на протяжении последних десяти лет. Эти годы оставили свой неизгладимый след на национальном облике армянин. Таким образом, современное общественное сознание армян, переживших многочисленные испытания, наполнено различными страхами и ожиданиями новых угроз и бедствий [15, с. 195]. Выявлению циркулирующих в нашем обществе различных страхов было посвящено специальное социологическое исследование, проведенное под руководством автора в канун десятилетия катастрофического Спитакского землетрясения [16, с. 312].

Самым опасным среди природных бедствий армяне считают землетрясение (70,3% всех опрошенных). Как видно, угроза землетрясения существует для всех. И это одна из причин того, что большинство опрошенных не считают Армению безопасной страной; 29,6% находит, что для жизни их страна далеко не безопасна. Только 6,8% опрошенных уверенно считают Армению безопасной страной, еще 24,1% в какой-то мере безопасной. Пожилые люди чуть более обеспокоены безопасностью страны, чем молодые. В этом вопросе представители различных социальных слоев придерживаются одинакового мнения.

Существуют определенные причины для того, чтобы считать страну небезопасной. Во-первых, это ожидание нового возможного землетрясения или новой войны. 47,5% опрошенных даже сегодня, 15 лет спустя, очень обеспокоены, возможностью нового разрушительного землетрясения, причем женщины (53,4%) более обеспокоенны, чем мужчины (41%). Обеспокоенность возможностью нового разрушительного землетрясения усиливается вместе с возрас-

том опрашиваемых. Среди социальных групп угрозой землетрясения больше всего обеспокоены сельские жители (68,9%), пенсионеры (63%) и интеллигенция (57,1%). Для сравнения отметим, что лишь 36,2% рабочих очень обеспокоены этим.

Одновременно 39,6% опрошенных считают очень вероятной возможность новой войны. Из них 37,3% не считают, что война вновь может начаться, а около 23% затруднились дать ответ. В этом случае мужчины (41,2%) немного более обеспокоены, чем женщины (38,1%), а молодые (41,6%) немного более обеспокоены, чем пожилые (37–38%), что и понятно. Среди разных социальных групп более вероятной войну считают безработные (44%) и домохозяйки (43,1%), менее вероятной — сельские жители (32,4%) и деловые люди (33,3%). Можно предположить, что люди, занятые конкретным делом, считают начало новой войны менее вероятным.

Интересно, что в случае землетрясения, население сегодня, как и много лет назад, не чувствует себя подготовленным. Так, только 4% опрошенных отвечает, что они более подготовлены, чем в 1988 г., 26,1% — что чуть более подготовлены. Фактически, 69,8% опрошенных, как и в 1988 г., совершенно не подготовлены к землетрясению. Кроме того, те немногочисленные опрошенные, которые считают себя более подготовленными, как выяснилось, в основном имеют в виду психологическую подготовленность (53,4%) и наличие определенных знаний и навыков. Наше общество так и не усвоило уроков землетрясения 1988 г.

Однако многое изменилось в общественном сознании спустя 15 лет после землетрясения. Сегодня людей больше волнуют проблемы выхода из тяжелого экономического кризиса, чем угроза природных бедствий. В частности, люди с высшим образованием выше оценивают угрозу политического кризиса, а люди со средним образованием — угрозу природных бедствий. Люди среднего возраста (46–60 лет) почти что равным образом оценивают угрозу как природных, так и социальных бедствий. Интересно, что интеллигенты чаще отмечают угрозу политического (22,9%) и социального (20,9%) кризисов, чем природных бедствий (17,1%). Представители остальных социальных слоев выше оценивают угрозу природных катаклизмов. Можно предположить, что представители интеллигенции больше страдают от политических и социальных кризисов.

По мнению людей, занятых бизнесом, самыми опасными являются экономические и природные бедствия (35,9%). 42,6% опрошенных, занимающихся торговлей, отметили только экономический кризис и всего лишь 24,6% — природные катаклизмы. Примерно того же мнения придерживаются сельскохозяйственные работники. Как видим, даже для занимающихся сельским хозяйством экономический кризис — предмет первостепенной заботы.

Анализируя данные опросов, можно прийти к мнению, что глубокий экономический кризис, который Армения переживает в течение последних лет, в общественном сознании отодвинул на второй план чувство угрозы природных бедствий. Нельзя сказать, что землетрясение предано полному забвению, однако последовавшая за землетрясением война, а затем экономический кризис полностью завладели вниманием общества.

Музей-институт геноцида армян НАН РА разработал вопросник для многочисленных посетителей музея. Целью опроса было выявить, как современные армяне воспринимают совершенное Оттоманской империей в 1915–1923 гг. преступление. Бедствие начала XX в. нашло свое особенное отображение в исторической памяти армян конца столетия и сохранило влияние также на социальное сознание. Вследствие этого было чрезвычайно интересно увидеть, какие отголоски оставил геноцид армян спустя десятки лет в глубинах души нашего современника.

Сегодня нет армянина, который хотя бы не слышал о геноциде. Из поколения в поколение национальное самосознание армян во многом формировалось под влиянием этого исторического бедствия. Подобные исторические потрясения оставляют очень глубокий след в социальной судьбе народов. На протяжении многих лет в Советской Армении тема геноцида была запрещенной, а публикации — вообще были редкостью. В те годы не проводились и исследования общественного мнения, касающиеся геноцида.

В опросе, проводившемся Музеем-институтом геноцида с апреля под октябрь 1998 г., участвовали 3029 посетителей. Опрос был осуществлен при участии Армянской социологической ассоциации под руководством автора. Подавляющее большинство посетителей, заполнивших вопросник, — жители Армении (89,7%). Были также посетители из-за рубежа (10,3%), в том числе 54 — из Ирана, 44 — из США, 29 — из Греции, 17 — из Ливана, 18 — из Франции, 16 —

из Грузии, 13 — из Сирии, 10 — из Турции и 18 — из других стран. Интересный факт: многие, прибывшие из Турции посетители отметили в вопроснике не страну проживания, а свой город или губернию, например Ван, Карс, Киликия, Сасун, Адана, Муш и т.п.

Уровень образования участников опроса достаточно высок: 67,4% — люди с высшим образованием, 32,6% — со средним, из них 52,2% составляют женщины, а 47,8% — мужчины.

Опрошенные представляют разные социальные группы:

Студент-учащийся	22,9%
Интеллигенция	18,1%
Служащий	14,5%
Домохозяйка, пенсионер	13,8%
Деловой человек, бизнесмен	10,9%
Рабочий	8%
Безработный	7,3%
Военный	3,1%
Другие	1,4%

Как видно из социального состава опрошенных, большинство их сравнительно молодые люди с высоким уровнем образования, в основном представители студенчества, интеллигенции, служащих и деловых кругов.

Более чем 80 лет спустя после геноцида, в течение которых сменилось, по крайней мере, три поколения, подавляющее большинство людей, тем не менее, считают себя представителями пережившего геноцид народа: 93,6% опрошенных дали подобный ответ. Только 1–2% опрошенных не считают себя представителями пережившего геноцид народа. Это свидетельствует о том, что, действительно, геноцид как одна из страниц армянской истории оставил глубокий и неизгладимый след в социальном сознании нации.

Однако для многих геноцид не только оставшееся в прошлом историческое бедствие, но и событие, внушающее беспокойство за настоящее и будущее. Треть участников опроса (69,4%) всерьез обеспокоена возможностью угрозы нового геноцида армян в наши времена. Насколько реальным они считают новый геноцид и откуда ждут угрозы, трудно предположить. С уверенностью можно утверждать только то, что для современных армян характерно "катастрофическое сознание", и в этом чрезвычайно велика роль преступления, совершенного турками против армян в начале XX столетия.

По всей вероятности, "катастрофического (бедственного) сознания" не было бы или оно было бы выражено в общественном сознании в более мягкой форме, если бы мир осудил преступников и их преступление, либо преступник покаялся и попросил прощения у жертвы. Характерно, что треть участников опроса (33,4%) находит, что нормальные отношения между Турцией и Арменией невозможны, пока турецкая сторона не признала факт геноцида армян 1915 г. и не возместила ущерба. А другая треть (36,4%) полагает, что можно иметь нормальные экономические и торговые отношения с Турцией, не отказываясь при этом от требования "Ай Дата" (Армянского суда).

Отмеченный сдвиг в общественном сознании, с первого взгляда, может быть невелик, однако опрос показывает, что люди сами замечают определенные изменения в своих чувствах и душевных переживаниях. Так, например, 35,3% опрошенных отметили, что сегодня они "смотрят в будущее с большей уверенностью и отвагой'', чем десять лет назад. 17% опрошенных не замечали определенных перемен в своих чувствах сегодня и десять лет назад, их отношение и восприятие геноцида также не претерпело никаких изменений.

В то же время у подавляющего большинства опрошенных (92%) усилились чувства недоверия и незащищенности. Вместе с этим часть людей (25,9%) отметила, что они стали более чувствительными и несдержанными, чем десять лет назад. Принимая во внимание сегодняшние условия в республике, полагаем, что процентный показатель мог быть и выше.

Напряженное социальное сознание характерно для ряда постсоветских обществ. К примеру, в 1998 г. две трети населения (63–68%) Российской Федерации всерьез были озабочены рядом возможных бедствий: химического и радиоактивного заражения, обнищания населения, снижения уровня жизни, резкого роста преступности, эпидемий, массового распространения болезней [17]. Общество в России тогда было намного меньше озабочено угрозой геноцида (19,7%) или мусульманского и исламского фундаментализма (9%) [18].

Социальные страхи более распространены и много-

численны в армянском обществе. Его представители обеспокоены: угрозой геноцида, землетрясения, аварии атомной станции, угрозой войны, бедности, эпидемий, угрозой роста беззакония, преступлений, ослабления власти, безработицы, потери доверия к будущему.

В социологическом опросе, проведенном нами в 1998 г., респонденты давали различные объяснения тому, каковы самые опасные последствия указанных катастроф и кризисов [16, с. 312]. Среди самых опасных последствий экономического кризиса респонденты в первую очередь отмечали: остановку промышленности (40,1% опрошенных), увеличение безработицы (28,9%), увеличение нищеты (13,9%). Интересно отметить, что "увеличение нищеты" особенно беспокоит людей, которым 60 лет и более (22,2%).

Самые опасные последствия политического кризиса, по мнению респондентов, следующие: угроза гражданской войны (40,1%), разрушение отношений государство–общество (28,9%), атмосфера неуправляемости (13,9%).

Что касается социальных кризисов, то среди самых опасных последствий респонденты отметили: увеличение преступности (23,9%), разрушение семейных уз (22,7%); увеличение попрошайничества (21,9%); вынужденное изменение профессии (16,0%), экономическая миграция людей (8,0%). Интересно, что "разрушение семейных уз" отметили 27% женщин, в то время как тот же самый ответ дали только 18% мужчин.

Как видно из ответов, социальный кризис — результат исключительно экономического кризиса. Отсюда можно предположить, что тяжелая социальная ситуация в общественном мнении выглядит последствием продолжительного экономического кризиса.

Социальное сознание вынуждено противостоять многочисленным страхам и угрозам, что естественно формирует особое социальное напряжение и "катастрофическое сознание". В условиях постоянного стресса любое неправдоподобное известие, новость, обличающие слухи мгновенно получают распространение в готовом их воспринять общественном сознании. Находясь в подобном напряжении, общество готово к самым плохим новостям и событиям и, наоборот, не готово к хорошим и позитивным явлениям. Общественное сознание гонит, отталкивает даже очень малочисленные позитивные явления, встречающиеся в нашей жизни. Они порой даже отрицаются и становятся неприемлемыми.

Индивидууму чрезвычайно трудно существовать в подобной атмосфере. Самые распространенные настроения в обыденном сознании армян описываются словами "все плохо", "это не жизнь", "здесь жизнь никогда не наладится", "вчера было лучше, чем сегодня". Это не только бытовые выражения, но и описывающие болезненное сознание душевные состояния. Народ устал противостоять ударам судьбы, жить в постоянном страхе, в ожидании грядущих бедствий. Подобная перенапряженность неизбежно приводит к социальной усталости, в особенности у старших, чья ответственность перед жизнью больше.

Сегодняшнее армянское общество нуждается не столько в иностранных инвестициях, сколько во внедрении оптимистических настроений и внушении надежды. В деле преодоления давящей атмосферы и настроений страха огромна роль прессы и средств массовой информации. Они должны перестать наводнять негативными новостями потоки информации. Пришло время, когда все должны осознать, что общество уже давно устало от постоянных обсуждений сложных проблем и распространения пессимизма. И без того в жизни простых людей много проблем и очень мало радостей. Даже в моменты радости люди осмотрительны и сдержанны.

В наше неспокойное время армяне все еще ищут серьезные гарантии самосохранения. Интересно, что в качестве гарантии, выступают независимая государственность и ее усиление (37,5%), собственная сильная и боеспособная армия (27,2%), а затем уже военно-стратегический союз с сильными государствами (11,7%). Всего лишь девять лет назад проведенный опрос общественного мнения показывал совершенно другую картину. В то время большинство армян было уверено, что без поддержки мощных государств, только что обретшее независимость армянское государство даже не может существовать. Сегодня около 65% опрошенных в качестве важной гарантии защиты от геноцида отмечают собственную мощь при наличии боеспособной армии и укрепление независимой государственности. Как видно, в общественном сознании произошли серьезные сдвиги. И главной причиной этих сдвигов, безусловно, являются победы сыновей Армении на полях сражений в Карабахе.

Армяне преодолели психологический комплекс жертвы только после того и благодаря тому, что одержали вну-

шительную победу в тяжелейшей борьбе за независимость Карабаха. Война против азербайджанской армии принесла независимость Карабаху, воскресила героический дух предков. Армяне еще с глубокой древности славились как воины. Армии многих государств прошлого считали большой удачей иметь среди своего войска армянскую конницу или пешие отряды бойцов. В армии персидского царя Дария слово "армянин" употреблялось для обозначения воинской смелости.

С конца прошлого–начала нынешнего столетия в социальном самосознании армян начинается новый период. Он обусловлен двумя историческими событиями: победой на полях карабахской войны и востановлением утерянной независимой государственности. Эти два события фундаментальным образом изменили психологический облик современных армян, ознаменовали начало новых тенденций в национальном самосознании и фактически стимулировали развитие новой идентификационной модели нации.

Признание исторического факта геноцида парламентами многих европейских государств за последние несколько лет помогло взорвать, наконец, "заговор молчания" вокруг этой темы. В прошлые годы Турция при молчаливом согласии Советского Союза наложила своеобразное "вето" на тему армянского геноцида. Сегодня ситуация в корне изменилась. Признание геноцида армян 1915 г. в Оттоманской Турции стало одним из условий принятия современной Турции в Евросоюз. Таким образом, активно преодолевается еще один психологический комплекс в армянском национальном сознании — комплекс одиночества, связанный с тем, что жертвы геноцида армян преданы забвению. Человечество, некогда незаслуженно отвернувшееся от этого вопиющего факта исторической несправедливости, теперь постепенно поворачиваться лицом к армянской трагедии. Публикуются книги и многочисленные статьи, созываются международные симпозиумы, конференции, на международных кинофестивалях демонстрируются фильмы об армянском геноциде. Без всякого сомнения, XXI в. принесет международное признание и осуждение геноцида армян.

В армянском менталитете начинают проявляться новые качества (возможно забытые). Армяне все больше становятся похожими на предприимчивый, неунывающий народ, который твердо стремится к жизненному успеху и обладает огромной скрытой энергией для этого. Постепенно растет осознание того, что, где бы в данное время ни проживал армянин, в какой бы стране ему ни удалось добиться применения своих сил, ума, способностей, он представляет армянскую нацию, является сыном своего народа.

Эта внетерриториальная, надгосударственная, открыто декларируемая приверженность национальным идеалам становится отличительной чертой новой армянской идентичности в XXI в. Армяне стали хорошо понимать, что Армения слишком маленькая страна для того, чтобы все они могли реализовать в ней свои индивидуальные возможности, таланты и амбиции. Наиболее полная реализация индивидуального потенциала человека имеет огромное значение не только для его личной судьбы, но и для судьбы нации.

Для таких маленьких наций, как армяне, судьба каждого ее представителя небезразлична всей нации. Жизненный успех и международное признание каждого отдельного армянина работает на общий успех и признание армянской нации в мире. Существует невидимая внутренняя связь между отдельным представителем армянской национальности (где бы он/она ни находились) и армянской нацией в целом. Это совершенно особое чувство национальной приверженности, которое можно сравнить, разве что с членством или братством в каком-то тайном обществе. Это чувство в чем-то напоминает самоощущение евреев, является результатом исторических гонений армян. Кроме того, оно является также следствием ощущения некоторой "избранности" армянской нации. Библейские предания о Ноевом ковчеге, причалившем во время всемирного потопа к горе Арарат, исторически формировали у армян, издревле проживающих у подножия этой горы, чувство "первого" народа.

Согласно библейской легенде, когда воды потопа отошли, Ной сыновьями спустился с горы Арарат и стал возрождать род человеческий, создавая вновь народы и расы. В силу этого предания в армянском национальном менталитете очень глубоко укоренились представления о своей христианской избранности и мессианстве, о служении роду человеческому и некоторой жертвенности во имя этого служения. Со временем эти представления сгладились, однако ощущение "избранности" осталось, хотя и модифи-

цировалось в современных условиях. Не случайно, для современных армян чрезвычайно важно сознавать, что многие выдающиеся деятели человечества были представителями армянской национальности. Для армянского национального самосознания это служит своеобразным символом, еще раз подтверждающим его избранность.

На этом пути армяне должны сформировать новое самосознание, далеко выходящее за рамки формальной армянской государственности. Мировое армянство гораздо больше Армении, но оно не противостоит ей. Новая национальная идентичность для армян складывается в эпоху глобализации и не может не нести на себе ее черты [19]. Армяне и раньше были разбросаны по всему свету, однако возможность общения между ними была несравненно меньше. Сегодня, в эпоху глобализации, интернета, возросшей мобильности и интенсивности контактов разбросанные по свету армяне приобрели качественно иные возможности для общения и преодоления пространственной разобщенности.

Армяне на всей планете прекрасно информированы о том, что происходит ежедневно у них на родине. И наоборот, Армения оперативно информируется и реагирует на события и процессы в диаспоре. Технический прогресс и глобализация для такой разбросанной по всему свету нации, как армяне, создали совершенно беспрецедентные условия развития и формирования новой национальной идентичности.

Отличительной особенностью этой идентичности является то, что разные части армянского этноса проживают в совершенно различных общественно-исторических условиях. Одни живут в США и Европе, другие — в России и Армении, третьи — в арабских странах и передней Азии. Страновой фактор по-особенному воздействует на национальное самосознание армян. Представители многих наций проживают в различных странах мира — китайцы, корейцы, турки, индусы, русские и многие другие. Однако ядро национального самосознания у них формируется и развивается на родине, где находится подавляющее большинство этноса.

Ничего подобного у армян не наблюдается. Наоборот, большинство армянского этноса проживает за пределами родины — на территории, в сотни раз превосходящей географическое пространство его зарождения. Вместе с тем, эта нация "растянута" и в социально-историческом времени: от передовых европейских стран — до развивающихся

постсоветских и стран третьего мира, от модернизированных демократий — до стран "догоняющей модернизации". Подобная "протяженность" в географическом пространстве и "растянутость" в социальном времени создает совершенно уникальные условия для формирования новой национальной идентичности армян.

Мы становимся очевидцами того, как крепнет связь между тремя составляющими частями современного армянства — двумя армянскими государственными образованиями в лице независимой Республики Армения и непризнанной Народно-Карабахской Республики, и разбросанной по свету армянской диаспорой. Армяне начинают лучше осознавать себя как фактор в мировых процессах и, в особенности, в Кавказском регионе. Армянские лобби в США и России достаточно сильны и хорошо известны. Армения воспринимается как маленькая страна, но с большим влиянием на идущие в регионе процессы.

Армения является действенным членом СНГ и при этом активно интегрируется в европейские структуры. Молодежь Армении интенсивно изучает английский и другие европейские языки, как некогда изучала русский. Новые перспективы открываются для тех, кто не унывает и стремится достичь успеха в жизни, кто пробует и реализует новые жизненные практики. Предприимчивость, находчивость, стремление к успеху и поиск путей более полной самореализации представляют собой контуры новой армянской идентичности. И в этом контексте чрезвычайно важно установление взаимопонимания не только между тремя частями армянства, но и внутри армянского общества.

В Армении, находящейся в переходном периоде развития, и более того, находящейся в экстремальной ситуации, социальное сотрудничество приобретает стратегическое значение. Необходимым условием выхода из кризисной ситуации является концентрация всех сил общества. Лишь на пути сотрудничества разных слоев общества, политических течений и партий, общественных движений, в конце концов, власти и оппозиции можно обеспечить целенаправленное движение вперед. Гражданское согласие создает идейную и духовную основу для развития социального сотрудничества.

В условиях Армении осью социального сотрудничества являются взаимоотношения между государством и обществом. Установление сотрудничества между разными слоями власти и народа может сделать успешным весь

комплекс преобразований и помочь преодолеть взаимное отчуждение. Атмосфера сотрудничества в Армении необходима также для вовлечения широких слоев общества в осуществление экономических реформ, что будет способствовать уменьшению крупномасштабной миграции. Социальное сотрудничество необходимо и для интеграции сотен тысяч беженцев, смягчения социальных крайностей, бедности, регионального неравенства.

Ключом к разрешению многочисленных проблем, вставших перед армянским обществом, является социальное сотрудничество, согласие между разными слоями общества, в особенности между властью и народом [20, с. 86]. Причем сотрудничество предстает не только в виде общей характеристики социальных отношений, а находит воплощение на практике в подписании различных соглашений между властью и общественными организациями [21].

Благодаря либерализации всех сфер общественной жизни открылись новые возможности для развития политических инициатив. Общество вступило в исторический период преобразований, и открылись новые перспективы человеческого развития. Преобладание общечеловеческих ценностей, принципов гуманизма и основных прав человека сыграло решающую роль в процессе становления и развития общества нового типа. Переход к рыночной экономике имел ряд негативных последствий: резкое увеличение числа безработных, экономический кризис, обнищание населения, поляризация общества, развал действующей ранее системы социальной защиты и обеспечения, отсутствие социальных гарантий, падение роли государства, а также тенденции раскола в обществе. Был нанесен серьезный удар по социальной справедливости, равенству и социальному сотрудничеству. Социологические исследования свидетельствуют, что в обществе растут ностальгические настроения о прошлом, негативное отношение к экономическим преобразованиям. Имеет место обесценивание демократических идей.

В создавшейся ситуации чрезвычайно важен поворот власти в сторону социального сотрудничества, политики социальной интеграции. Без заинтересованного сотрудничества широких слоев населения, без социального согласия становится невозможным развитие демократии и гражданского общества.

Объективные социальные условия могут играть как стимулирующую, так и препятствующую роль на пути достижения социального сотрудничества [22]. Каждый строй

имеет свойственные ему объективные основы и факторы, влияющие на осуществление социального сотрудничества. Главное — это существующие в обществе политические, экономические, культурные и этнические основы.

Политические основы социального сотрудничества составляют взаимоотношения между государством и обществом, властью и народом, правящей политической верхушкой и оппозицией. В этом смысле ситуация в Армении в значительной мере эволюционировала с момента обретения независимости. В первые годы взаимоотношения между политическими партиями и силами в общем носили характер сотрудничества, что не исключало соперничества. (Здесь необходимо отметить, что часть бывших коммунистов перешла в "подполье" и отзывалась на постепенно растущее недовольство народа.) В течение нескольких лет соперничество переросло в противоборство, а затем и в крайнюю оппозицию и борьбу, которая нашла свое яркое выражение во время президентских выборов в сентябре 1996 г. и марте 2003 г.

Взаимоотношения между народом и властью эволюционировали от восторженных приветствий новым властям до разочарования и отчуждения. Вместе со строительством и укреплением независимой государственности ширилась пропасть между государством и народом. Основной причиной этому послужило то, что все внимание власти (и не только внимание, но и средства) было направлено на создание, укрепление и развитие структур и институтов новой государственности. Общество как основной партнер выпало из поля зрения, оказалось "вне игры", в результате чего, естественно, проявился феномен отчуждения. Еще не были созданы соответствующие механизмы для сотрудничества, а предпринятые отдельные шаги (например, договор, подписанный между правительством и профсоюзами Армении в 1994 г.) были безуспешны.

Создавшаяся политическая ситуация зачастую препятствовала осуществлению сотрудничества. Тем не менее в политической сфере был один мощный положительный фактор. Борьба за независимость армянского населения Карабаха никого не оставила равнодушным и стала одной из тех объединяющих сил, которая создала политическую основу для сотрудничества между оппозицией, властью и народом.

Экономические основы социального сотрудничества в Армении еще не достаточно развиты. В социальной струк-

туре общества имеет место интенсивное расслоение. Возросло число необеспеченных, неимущих и бедных. В результате высокого уровня безработицы и чрезвычайно низкой заработной платы большинство семей оказалось за чертой бедности. На общем фоне массовой нищеты начали выделяться небольшие группы богатых и очень богатых "новых армян". Создавшаяся экономическая поляризация препятствует развитию социального сотрудничества. Частный бизнес и предпринимательство пока еще не стали тем видом экономической деятельности, который был бы равно доступен всем гражданам. Идет борьба за передел сфер влияния, и простым предпринимателям бывает нелегко найти свое место в экономической жизни страны.

Для установления социального сотрудничества немаловажно также наличие этнических и культурных основ. Армения в этническом смысле однородная страна. Здесь не было и нет серьезных этнических и межнациональных столкновений, и в этом смысле условия для социального сотрудничества чрезвычайно благоприятны. Несмотря на этнически однородное население, в стране, тем не менее, существуют некоторые элементы многокультурного общества. В течение многих лет население страны пополнялось армянами, возвращавшимися на родину со всех уголков мира. В конце 1980 – начале 1990 г. в Армению из соседнего Азербайджана пришли сотни тысяч беженцев. Утвердившись в Армении, репатрианты принесли с собой культурные особенности тех стран, в которых они жили до переселения. Обычно они создавали национально-культурные объединения. Таким образом, страна восполнялась и обогащалась людьми, являющимися проводниками культурного разнообразия.

Сотрудничество как взаимоактивный процесс предполагает заинтересованную активность всех участвующих сторон. В системе отношений государство–общество и власть–народ, как и в подсистеме внутриобщественных отношений и отношений родина–диаспора, государство должно взять на себя роль инициатора, придающего этим отношениям определенный оттенок и динамизм.

В начале формирования отношений между армянским обществом и новым демократическим государством общество было открытым для сотрудничества. Тогда между двумя главными действующими субъектами господствовали отношения взаимодоверия. Государственная независимость,

стремление основать новое демократическое общество придавали особое значение и внушали надежду на будущее. Сотрудничество между участниками общественного процесса стимулировало развитие. Однако последующие экономические и политические преобразования выявили, что власти не считают общество своим реальным партнером. Временами создавалось впечатление, что в экономических преобразованиях население было даже мешающим фактором. Программа преобразований, которой придерживалось государство, односторонне охватывала политические и экономические изменения, оставив без внимания социальную сферу.

Узкая экономическая направленность, ориентация на рыночную экономику без принятия во внимание национальных, исторических и культурных факторов создали барьер между обществом и государством. В данных условиях сами власти должны были предпринять первые шаги в направлении социального сотрудничества [23]. Очень важно начать запуск механизмов сотрудничества с низших эшелонов управления, которые находятся в непосредственном общении с населением. Именно в структурах местной власти происходит самое интенсивное общение с разными социальными группами.

Реальные шаги, предпринимаемые для создания четких механизмов участия населения в принятии решений на местном уровне, могут служить основой для развития сотрудничества. Сотрудничество будет двигаться от низших слоев к высшим и сделает государственную систему более продуктивной. Особенно важно, чтобы власти нашли грани сотрудничества с обществом на всех уровнях управления.

Литература

1. *Качанов Ю.Л.* Что такое социологическая теория? // Социологические исследования. 2002. № 12.

2. Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН, 2000.

3. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996.

4. *Кравченко И.И.* Модернизация мира и сегодняшней России. Выход из кризиса // Вопросы философии. 2002. №9.

5. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

6. *Тощенко Ж.Т.* Пародоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.

7. Democracy and Local Governance. Ten Empirical Studies. University of Hawai'I, 1993.

8. Human Values and Social Change. Findings from the Values Survey / Ed. Brill R.I., Leiden–Boston, 2003.

9. *Погосян Г.А.* Судьба армянина в Армении // Социологические исследования. 1994. №10.

10. *Геворкян Г.А.* Церковь как общественный институт и национальная жизнь // Вестник Ереванского университета. Общественные науки. 2002. №2 (107).

11. Several Group of Minorities in Armenia. Case Study. ASA/IOM, Yerevan, 2001; *Poghosyan G.* Migration Processes in Armenia. Yerevan, 2003.

12. *Мирумян К.А.* Из истории армянской политической мысли. Ереван, 2002 (на арм. яз.).

13. Перспективы решения конфликтов на Кавказе. Ереван: АСА, 2001; Трансформация конфликтов на Южном Кавказе. Материалы I международной конференции. Тбилиси 9–11 декабря 2001 г. Тбилиси, 2002.

14. *Погосян Г.А.* Социальные последствия природных катастроф // Социологический журнал. 1995. №4.

15. Катастрофы и общество. М.: Контакт-Культура, 2002.

16. Десять лет одиночества / Отв. ред. Погосян Г. Ереван, 2000.

17. *Шляпентох В.Э., Матвеева С.Я.* Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002; Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. Шляпентоха В., Шубкина В., Ядова В. М.: МНФ, 1999; *Шубкин В.Н., Иванов В.А.* Страхи на постсоветском пространстве // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1999. № 3 (41).

18. *Иванов В.А.* Страхи и тревоги россиян: "западники" и "традиционалисты" // Социлогические исследования. 2002. №3.

19. *Погосян Г.* Глобальные тенденции мирового развития и перспективы Кавказа // Общество и экономика. 1999. №10–11.

20. *Poghosyan G.* Social cohesion // Human Development Report. Armenia, UNDP. Yerevan, 1997.

21. *Нерсисянц В.С.* Гражданская концепция общественного договора // Социологические исследования. 2001. №2.

22. *Руткевич М.Н.* Консолидация общества и социальные противоречия // Социологические исследования. 2001. №1.

23. *Погосян Г.* Переходный период и социальное сотрудничество // Труды Института философии и права. Вып. 1. Ереван, 1998 (на арм. яз.).

ГЛАВА VI

ПРЕДЕЛЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ОБЩЕСТВА И ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА

Процесс социальной трансформации, в отличие от процессов реформирования, обладает определенной суверенностью или, точнее, внутренней логикой, не всегда поддающейся рациональному регулированию со стороны структур управления. Трансформационный процесс имеет начало, которое закладывается фундаментальными реформами в экономическом, политическом и социальном устройстве общества. В Армении трансформационный процесс получил свое начало после распада Советского Союза и установления независимой государственности. Провозгласив независимость, новое армянское государство принялось за фундаментальную реформацию своего политического и экономического устройства.

Самые глубокие изменения были заложены в экономической системе общества. Здесь путем поэтапных шагов был предпринят переход от командно-административной экономики к рыночной. Изменилась форма собственности в обществе, была введена частная собственность и запущен механизм разгосударствления и приватизации земли и средств производства. Экономические реформы сопровождались крупным реформированием политической системы государства. Был взят курс на демократизацию, многопартийность и либерализацию общественных отношений. Изменилась система государственного устройства. Многие фундаментальные реформы были закреплены в Конституции 1995 г. Тем самым конституционные преобразования армянского общества не завершились, но приняли институциональный характер развития.

Практически все экономические и политические реформы были введены "сверху" рациональным путем и

преследовали цель модернизации армянского общества. Начиная со второго-третьего года реформирования процесс стал принимать все более неуправляемый характер. Интенсивное наращивание реформ поставило под угрозу процесс их рационального регулирования.

В обществе начали происходить необратимые процессы, которые перевели реформирование в самостийную трансформацию. Страна сошла с рельсов программируемого реформирования на путь перегулируемой трансформации. На наш взгляд, главной причиной потери такой управляемости был неправильный расчет и неучет трансформационного ресурса нашего общества.

Дело в том, что с самого начала реформ социальная компонента была упущена из внимания. Все усилия реформаторов были направлены на введение новых экономических и политических порядков. Реформирование социальной сферы наивно рассматривалось как вторичное, вытекающее в качестве следствия реформации двух других сфер. Предполагалось, что общество само будет адаптироваться к новым экономическим и политическим условиям. Задачам социальной модернизации уделялось минимум внимания. Социальная сфера рассматривалась как остаточная, неважная для приложения реформационных усилий. При этом была допущена, пожалуй, судьбоносная ошибка. Реформаторы не учли, что проводником и движущей силой всякой реформации выступают определенные социальные слои, группы и отдельные люди. Социальный ресурс модернизации полностью был сброшен со счетов. Кто именно, какие группы армянского общества должны были поддерживать, претворять в жизнь экономические и политические реформы, которые обильно и интенсивно инвестировались в жизнь?

Архитекторы армянской модернизации упустили из внимания, пожалуй, самый важный фактор любых социальных преобразований, а именно: формирование того социального класса, при непосредственном заинтересованном участии которого реформы будут претворяться в жизнь и закрепляться в жизни. Западные консультанты с их моделями реформации, которые диктовали армянским властям ход и направление реформ, в своих расчетах допустили крупную и непростительную ошибку. Их рецепты оказались оторванными от реальной армянской действительности, от жизни общества. А действительность заключалась в том, что общество сильно отстало от темпа реформ и не успевало адаптироваться к резко изменяющимся условиям. Общество находилось в растерянности и глубокой депрессии.

Интенсивность и масштабность реформ в условиях войны, блокады и глубокого энергетического и экономического кризиса были причиной депрессии и растерянности общества. Одержимые идеями западной модернизации, армянские реформаторы совершенно не желали видеть очевидных вещей. В тех социально-экономических и военно-политических условиях, в которых в те годы находилась Армения, ни одно правительство в мире не стало бы проводить интенсивную реформацию всех структур общества.

Хорошо известно, что в периоды реформаций **общество теряет управляемость.** А если еще добавить фактор войны и экономического кризиса, можно понять, в какой хаос ввергнулось общество. В результате социальный ресурс модернизации не был задействован и реформы забуксовали. Не получив существенной поддержки со стороны общества, проводимые властями верхушечные реформы "повисли" в воздухе. К тому же следует учесть очень важное обстоятельство: в период самого интенсивного введения реформ армянское общество было ослаблено миграцией, оттоком экономически и политически активной части населения. Это значит, что трансформационный ресурс не только не был достаточно задействован, но к тому же оказался изрядно ослаблен.

Сейчас уже с определенной уверенностью можно утверждать, что армянские реформы не были обеспечены социальным ресурсом, человеческим потенциалом. Именно тот слой населения, который по идее должен был включиться в ход реформ, создать основу для развития среднего класса и поддержать реформы, именно этот слой был ослаблен и количественно сведен до минимума высокой миграцией. История армянской модернизации еще раз доказала, что одних экономических, политических и законодательных реформ, даже если они имеют фундаментальный характер, совершенно недостаточно для достижения успешного результата. Чрезвычайно важно правильно рассчитать и задействовать социальные силы и механизмы, обеспечивающие реализацию и гарантирующие необратимость реформ.

Теперь уже очевидно, что к моменту реформ, армянские власти не рассчитали и пренебрегли человеческим фактором, не смогли **активизировать социальный ресурс проводимых реформ,** а в период активного реформирования общества даже допустили серьезное уменьшение и ослабление этого ресурса. Модернизация захлебнулась и дала обратный ход, а **процесс трансформирования вышел из-под контроля** и стал разворачиваться по ситуативной схеме, согласно внутренней логике. События приняли характер перегулируемых процессов, а общество оказалось заложником инициированных реформ.

Сегодня судьба реформ и результат запущенного механизма трансформации во многом зависят от здоровых сил общества, от постепенно восстанавливающегося ресурса и, конечно, от факторов стабильности и развития в регионе. При условии длительного сохранения ситуации "ни мира, ни войны" трансформационный процесс, согласно своей динамике, будет продолжаться и может привести к определенному позитивному изменению прежде всего в экономической ситуации. Однако рано или поздно он будет ограничен уже не внутренними факторами (отсутствие достаточного социального ресурса), а внешними (геополитическая ситуация в регионе, отсутствие коммуникаций и блокада дорог). Неблагоприятные внешние факторы, в свою очередь, станут серьезным препятствием на пути модернизации армянского общества уже в силу того, что будут тормозить развитие экономики. Трансформационная динамика, таким образом, в начальный период реформ испытывала серьезный **"внутренний" недостаток в социальном ресурсе,** а на последующих этапах будет ограничиваться уже **внешними геополитическими, региональными факторами.**

Если социальный ресурс можно постепенно накапливать и мобилизовать, то изменение внешних неблагоприятных геополитических условий потребует более серьезных усилий от страны. Прежде всего они связаны с перешенностью карабахского конфликта и в огромной степени зависят от пути или модели его решения, поскольку не всякое решение может быть благоприятным для Армении. Как видим, "внешние" ограничители трансформационного процесса — достаточно серьезное препятствие, преодоление которого зависит не от одной только Армении.

Исходя из этого, вполне уверенно можно утверждать, что модернизация или трансформация армянского общества не будет завершена до тех пор, пока не будут преодолены внешние неблагоприятные факторы. А поскольку решение этих проблем выходит за пределы самой модернизации, то можно предположить, что ее развитие будет скомкано, не доведено до логического (или по крайней мере теоретического) завершения, и потому модернизация застрянет на какой-то своей промежуточной фазе, далекой от полного завершения. Какой именно будет эта промежуточная фаза — "полумодернизацией", "недомодернизацией" или "пробуксовывающей модернизацией", будет зависеть от сочетания и взаимодействия внутренних и внешних ограничителей трансформационного процесса.

Здесь уместно вспомнить наблюдение российских социологов о том, что современная Россия представляет собой расколотое общество: "ни правящая верхушка, ни массы не проявили солидарности в проведении реформ" и это мешает последовательному их проведению [1, с. 54]. «Если конфуцианское умение найти "золотую середину" помогло в проведении Китайских реформ, наша постсоветская история подтвердила философскую интуицию Н.А. Бердяева о переходе из крайности в крайность как особенности русского национального характера» [1, с. 54].Теперь уже для всех очевидно, что преобразования, начатые в постсоветских странах, были инициированы "сверху", а не снизу — обществом. Оно осталось несколько в стороне от реформ и не очень-то их поддержало.

В то же время "верхи", хотя на словах поддерживали и пропагандировали демократические реформы, на самом деле чаще всего сами и препятствовали их внедрению в жизнь. Средние и нижние слои государственного бюрократического аппарата практически не поддерживали реформы и даже, наоборот, противодействовали им.

Армянское общество, как и российское, хотя и оказалось расколотым, по по отношению к реформам проявило негативную солидарность — **ни "низы", ни "верхи" активно не поддержали реформы.** Динамика трансформации пошла по привычному руслу, а точнее, "сползла" к накатанному пути — авторитарному управлению. Опыт постсоветских демократий показал, что **рыночная экономика, свободный рынок и либеральные общественные отношения вполне могут сочетаться с авторитарным политическим управлением.**

Дело в том, что все реформы ложатся на культурную "матрицу" общества и преобразуются в соответствии с общественной практикой, традициями и обычаями. Без учета культурно-исторических особенностей армянского общества невозможно прогнозировать ход и результаты реформирования. Одни и те же трансформационные модели совершенно по-разному имплементируются в различных социокультурных средах. Так, в прибалтийских республиках в целом реформы прошли довольно успешно. Исследования процессов модернизации свидетельствуют о завершении переходного этапа в этих странах и начале их интенсивного интегрирования в европейское сообщество. Аналитики отмечают, что главной особенностью прибалтийских реформ является то, что дифференциация по доходам у различных социальных групп больше, чем дифференциация в их социальном сознании [2, с. 237].

Исследования переходного периода в Польше и Венгрии, например, показали, что изменения в социальном сознании также могут происходить достаточно быстро [2, с. 234]. Однако то, что характерно для венгерского или польского общества и для общественного мнения стран Балтии, может не быть таковым для российского или армянского сознания в силу именно культурно-исторических различий наших стран.

Совершенно очевидно, что огромная часть армянского общества не восприняла и не поддержала реформы переходного периода. У нас имеется очень большая доля экономически неактивного населения (пенсионеры, домохозяйки, инвалиды, безработные), сознание которых существенно отличается от сознания экономически активных социальных групп. Идеология либерализма чужда их сознанию. Они являются традиционными носителями идеологии эгалитаризма и особой роли государства в управлении социальными процессами.

В Армении существует большая дифференциация как по имущественному признаку (доходам населения), так и в сознании социальных групп. Это различие в социальном сознании общественных групп носит также культурно-исторический характер и обусловлено их предыдущим социальным опытом. В современном армянском менталитете глубоко укоренились эгалитарные ценности, и общество с трудом расстается с ними в угоду либерально-демократическим идеалам. Именно поэтому транзитивная модель армянской модернизации не получила достаточно широкой социальной поддержки и не смогла привлечь необходимый социальный ресурс. То, что мы имеем в результате десяти лет модернизации, это полуреформированное общество, которое адаптировало или интериоризировало модернизационную идеологию частично, лишь в той степени, в какой позволяют это сделать глубоко сидящие в сознании культурно-исторические "патерны".

Хорошо известно, что общественный процесс представляет собой диалектическую борьбу между инновацией и традицией. Традиционный армянский менталитет лишь частично принял и усвоил либерально-демократические ценности. В части гражданских свобод, конкурентности, многоукладной экономики и установления социальной справедливости он намного более продвинулся, чем в плане социальной самоорганизации, уменьшения роли государства и демократизации управления. К этому следует также добавить специфическое отношение армян к закону, как к нечто такому, что обязательно для всех, но не для данного индивидуума в данной конкретной ситуации. Каждый персонально для себя всегда ищет лазейку в законе, позволяющую его обойти в своих собственных интересах. Но при этом считает, что все остальные его соплеменники обязаны свято соблюдать закон.

Это особое отношение к закону отражает реально существующий в современном армянском правосознании правовой релятивизм. Согласно последнему, закон не является всеобщим, обязательным и непререкаемым правилом, стоящим над всем обществом, а наоборот, является каждый раз конвенциональной нормой, достигаемой противостоящими сторонами в каждом отдельном случае. Самой характерной чертой современного армянского сознания является неразрешимый конфликт между личной свободой и общественной необходимостью. С одной стороны, в общественном сознании "сидит" концепция сильного государства, ответственного за благополучие и справедливое развитие общества. С другой стороны, имеется огромное недоверие к этому государству и противодействие ему во всех тех практических случаях, когда во имя общественного блага ограничиваются интересы и амбиции данной конкретной личности.

Именно на такую социально-психологическую почву легли трансформационные модели в армянском обществе.

Результат не заставил себя долго ждать. Сейчас многие аналитики считают, что неразвитость или отсутствие гражданского общества явилось главной причиной провала новой модернизации в постсоветских странах. Однако они упускают из виду, что создание и развитие гражданского общества было одной из целей, если не главной целью, этих реформ.

Получается замкнутый круг: модернизация не удалась, потому что не было гражданского общества, а гражданское общество, в свою очередь, не состоялось, потому что реформы застопорились. Этот круг противоречий преодолевается в анализе темпов и структуры трансформационной динамики. Именно **несоизмеримость** и **разноускоренность реформ** в трех различных базовых сферах общественного устройства привели к их неуспеху. Экономическая, политическая и социальная сферы общества, каждая по-своему, реагируют и поспевают за реформами, и каждая из них имеет свою внутреннюю логику трансформации. Модернизация армянского общества, хотя и затронула все его сферы, однако не была просчитана с учетом их специфики и различий в трансформационной динамике. Более того, реформирование экономики не было синхронизировано и координировано в достаточной степени с реформированием политической, а главное, социальной сферы общества.

Реформы абсолютно не были подкреплены результатами серьезных социальных исследований и разработок. Они проводились в жизнь без научной поддержки, без сколь-нибудь научно обоснованных стратегий, учитывающих местную культурно-историческую и этническую специфику. Все модернизационные схемы были перенятыми у Запада и перенесены на армянскую почву без какой-либо научной адаптации к местным условиям. Поэтому провал модернизации был заранее запрограммирован. Он был заложен в самом характере, методах и тактике реформирования, не опирающейся на особенности армянской общественной практики.

Как это ни странно, но Армения, обладающая солидным научным потенциалом, практически не задействовала его для научного обеспечения проводимых реформ. В первом правительстве реформаторов работали бывшие научные сотрудники в большом количестве. Не даром многие с иронией называли его правительством "эмэнесов". Однако наличие людей от науки в государственных органах управления, возможно, кое у кого создавало иллюзию "научности" управления, но на самом деле его не обеспечивало. Кроме того, ученые, которые перешли на работу в органы управления нового независимого государства, не очень-то доверяли своим академическим коллегам, представлявшим в их глазах оплот "старой", советской научной школы. Возможно, по этим субъективным причинам армянская научная мысль была отстранена от программирования и реализации реформ, и ей была тем самым отведена роль стороннего критика.

Наряду с этим, рекомендации западных, в том числе научных, консультантов принимались без критического осмысления и без попытки научной адаптации к местным условиям. Чрезмерное доверие к западным рецептам и недоверие к своим научным кадрам обусловили окончательное **отлучение науки от процессов трансформации общества**. И несмотря на подобное отношение к науке, отдельные ученые самостоятельно предпринимали серьезные исследования и публиковали свои результаты и прогнозы. Правительство долгое время проявляло упорную "глухоту" к подобным разработкам.

В сущности, если следовать классической теории модернизации, то можно убедиться, что во многих странах мира, где применялась "догоняющая модернизация", успех не был достигнут. Проблема здесь заключается, скорее, в теории, а не только лишь в практике ее применения. Классическая теория модернизации в глазах многих аналитиков уже устарела, она подвергается серьезной критике.

Одни пытаются ее усовершенствовать и предлагают новые модели модернизационной теории, в том числе для Запада. Другие считают, что сама теория устарела для удовлетворительного описания переживаемой реальности. В глазах третьих модернизационная теория хороша только в определенных рамках с учетом национальной специфики. Они полагают, что может быть много модернизационных теорий в зависимости от национальных особенностей каждого региона или страны. Отсюда делается вывод, что **модернизационная теория должна быть с национальным лицом,** а не являться чем-то универсальным для всех модернизирующихся обществ. В частности, японцы ратовались за модернизацию на основе сохранения собственной культурно-исторической идентичности.

Во многих незападных странах, где применялась клас-

сическая модернизационная теория, основанная на позитивном опыте Запада, реформы остались незавершенными. То же можно сказать о странах постсоветского пространства. Процессы модернизации, начатые здесь в начале 90-х годов, со временем затормозились или даже зашли в тупик.

По классическим схемам различают три модели применения модернизационной теории: "модернизация без вестернизации" (страны Юго-Восточной Азии, Япония), "вестернизация без модернизации" (Филиппины, Египет), "догоняющее развитие" (Мексика, Россия, Турция) [3, с. 19]. Все три подхода оказались исторически не очень эффективными. Что касается модели "догоняющей модернизации", то закономерно встает вопрос — кого догонять? Дело в том, что модернизация на Западе тоже не является чем-то застывшим, завершенным. Она и здесь меняется и развивается, поэтому сама идея "догоняющей модернизации" становится эфемерной. Ибо развитие направляется "вдогонку" чему-то, что само находится в развитии. Именно поэтому идея национальной модели модернизации, и вообще, многообразия моделей развития, все более становится популярной в мире.

При таком подходе предполагается, что существует некий минимальный модернизационный набор, характеризующий современное общество, к которому каждая страна стремиться своим собственным путем. Универсализм модернизации отвергается вместе с классической модернизационной теорией. В некий **модернизационный минимум** современная транзитология включает по крайней мере два параметра модернизации: демократизацию и маркетизацию [3, с. 8].

Здесь необходимо сделать несколько замечаний принципиального характера. На современном этапе развития человечества, начиная с конца XIX и начала XX в., самой характерной тенденцией стало образование новых независимых национальных государств. Вместе с тем тот же исторический опыт человечества свидетельствует, что неуклонно продолжался рост государств, которые декларировали себя в своих конституциях как демократические. Доминирующей тенденцией века минувшего и начала уже наступившего третьего тысячелетия является идея национального государства демократического толка. Модель западной демократии становится безальтернативной практически для всех современных государств. Неотемлемой частью западной модели является свободный рынок.

Именно поэтому транзитология принимает два минимальных параметра модернизации: демократизацию и маркетизацию. Причем различия как в сочетании этих параметров, так и собственно в их содержании могут быть огромными. В эти два полюса модернизации может вписываться все национальное и культурно-историческое многообразие современного мира. Западные аналитики, авторы теории модернизации, сами говорят о том, что условия современной глобализации трансформируют западную цивилизацию настолько, что она уже не может рассматриваться в качестве универсального образца для подражания [4]. Они выдвигают новую концепцию **множественности модернизационных моделей**, в соответствии с которой отклонения от классической модернизации в модернизирующихся странах следует рассматривать не как досадную неудачу, а как закономерность, отрицающую идею единого, универсального образца. Именно национальные модели модернизации имеют перспективу и должны стать доминирующими в мире.

В свете этого существенного отступления от классической модернизационной теории армянская модернизация приобретает несколько иное значение. Застрявшая на фазе квазидемократии и квазирынка или, иначе говоря, полудемократизации и полумаркетизации, модернизационная модель Армении нуждается в **"национализации"**. Следует глубоко осознать, что внутренние культурно-исторические и национальные особенности, с одной стороны, и внешние геополитические условия, с другой стороны, будут во многом определять, какой именно тип модернизации окажется наиболее приемлем для нашего общества.

По-прежнему важным остается вопрос, насколько глубоко процессы демократизации общественной жизни могут быть продолжены и углублены без существенной деструкции армянской культурной идентичности. Армения, конечно, не Япония, она намного ближе стоит к европейской культуре. Но тем не менее развитие демократии на собственной культурной основе или, по крайней мере, без отрицания собственных базовых культурных ценностей было бы намного благоразумнее. Прежде всего это касается исторически сложившейся культуры быта, брачно-семейных отношений, а также распределения ролей и стату-

сов внутри малой социальной группы. Сегодня под воздействием перемен армянская семья подвергается серьезным испытаниям. Эрозия традиционных семейных отношений неумолимо приводит к ослаблению, деструкции других социальных институтов и общества в целом.

В то же время введение рыночных отношений огульным путем, полностью заимствуя западные модели, грозит деструкцией всей экономической системе отношений в обществе, что собственно и произошло в Армении. А точнее, это привело к беспрецедентной по размерам имущественной поляризации населения, огромным масштабам теневой экономики и коррупции. Необходимо разработать и внедрить целую систему мер сдержек и ограничений тотальной маркетизации на основе **традиции национальной экономики** и **экономического сознания.** И здесь мы вновь приходим к главному выводу о том, что необходимы глубокие научные исследования и разработки путей дальнейшей модернизации армянского общества. Подобные исследования могут лечь в основу создания национальной модернизационной модели в Армении.

СЦЕНАРИИ ОБОЗРИМОГО БУДУЩЕГО

Возможно, одним из ценных приобретений модернизации армянского общества явилось осознание поливариативности общественного развития. Вместо обязательной одномерной модели развития постсоциалистические общества открыли для себя многовариантные пути исторического обустройства, социальной организации общества и политической плюрализации. Армения оказалась свободной от обязательного предписанного пути — строительства "развитого социализма" как переходного этапа к столь же обязательному построению коммунизма.

Перед страной открылся достаточно широкий спектр возможных сценариев будущего социального порядка [5, с. 720]. Обозначенная в Конституции РА цель построения **правового, демократического, социального государства** с развитым гражданским обществом должна быть наполнена реальным содержанием и последовательно претворяться в жизнь. В случае какого-либо другого государства это должно было означать продолжение и завершение процесса

модернизации. Однако в случае Армении необходимо заранее оговорить некоторый ряд специальных геополитических факторов, неизменность которых является обязательным условием для осуществления любого рода прогностических научных разработок.

В физической науке, например, используется фраза типа "при сохранении нормальных условий...", к числу которых может быть отнесено прогнозирование целого ряда процессов, происходящих при комнатной температуре (или при температуре абсолютного нуля и т.п.). В применении к Армении "комнатной температурой" является особая геополитическая ситуация в регионе. Однако в отличие от "комнатной температуры", которая является физической величиной и может быть измерена в каждый данный момент или просто задана в жестко определенном интервале 20–22 градуса по шкале Цельсия, "особая геополитическая ситуация в регионе" представляет собой хрупкое и аморфное стечение большого количества обстоятельств, не всегда поддающихся рациональному описанию.

С полной определенностью можно сказать лишь одно: **геополитическая ситуация полностью должна исключать войну и военные действия в регионе.** Кроме того, она должна предусматривать полное разблокирование Армении со стороны соседних стран: Азербайджана, Турции и частично Грузии. Помимо этого, самой главной составляющей особой геополитической ситуации является благоприятное разрешение карабахского конфликта и, конечно, достижение приемлемых дипломатических отношений с Турцией. Это тот минимум условий, без соблюдения которых любые попытки дать прогноз перспектив модернизации оказываются за гранью научной корректности.

Однако соблюдение всех этих минимальных условий очень затруднительно и потому может быть сильно отсрочено в реальном времени. Пренебрежение минимальными условиями научно некорректно, а упор на их безукоснительное выполнение чрезмерно теоретизирует анализ и отрывает от реальности. Чтобы избежать того и другого, мы удерживаем наш научный анализ в рамках той социально-исторической реальности, которая является актуально данной в текущий момент. Иначе говоря, сохранение существующих для Армении в настоящее время внешних условий является методологической предустановкой научного анализа. В этом случае прогнозирование трансформа-

ционных процессов может быть обращено к анализу внутренних имманентных интенций.

Опираться полностью на классическую модернизационную теорию не представляется целесообразным, поскольку она не может охватить особенности армянской модели. К тому же по ряду параметров Армения в результате изменений откатилась назад от прежнего индустриального к доиндустриальному уровню. По другим модернизационным параметрам она сделала шаг вперед: расширился сектор сферы услуг, внедрены и развиваются новые информационные технологии, растет уровень образования населения, особенно среди молодого поколения, интелектуальный труд в некоторых сферах экономики стал высоко оплачиваться. Вместе с тем разнонаправленность изменений в результате реформ не дает возможности пользоваться классической модернизационной теорией при анализе общественного развития в Армении.

С другой стороны, теоретическая концепция постсоциалистического развития тоже не может быть удовлетворительно использована для анализа уже хотя бы по причине ее недостаточной разработанности. Постсоциалистическую модель развития пытались применить к странам, предпринявшим модернизацию после распада Советского Союза, и всего социалистического лагеря. Предполагалось, что имеются определенные общие черты модернизации этих стран, отличающие их от модернизации стран Латинской Америки, в которых реформы стартовали от авторитарных, но не социалистических режимов.

Разумеется, у постсоциалистической модернизации имеются общие черты, но есть также серьезные внутренние различия с латиноамериканской моделью модернизации (которая тоже не представляется чем-то целым, гомогенным). Внутри постсоциалистической модернизации имеются большие различия между странами Восточной Европы и странами бывшего Советского Союза.

В свою очередь, процессы модернизации в прибалтийских странах существенно отличаются от стран СНГ. И, наконец, внутри стран СНГ имеются видимые различия между славянскими странами, странами Средней Азии и Кавказа. Другими словами, постсоциалистическая теория модернизации также не может полностью объять все разнообразие процессов, происходящих в наших странах. Поэтому некоторые аналитики прибегают к комбинированию

различных теоретических подходов для анализа вероятных тенденций и стратегий развития в своих странах. К примеру, чешские социологи используют теорию модернизации для критики постсоциалистической теории развития и, опираясь на концепцию трансформации, дополняют ее "историко-градуалистическим подходом" [6, с. 33].

Суть этого подхода сводится к учету и оценке "контекста общеисторического развития, состоящего в большинстве своем из противоречивых процессов" [6, с. 33]. Таким образом, они пытаются избежать методологической позиции, основывающейся на вере в возможность единственного пути развития, которая была характерна для "рухнувшей модели тоталитарного государства социалистического типа" [6, с. 34]. Одно совершенно очевидно для современных аналитиков и транзитологов — это многообразие и плюрализм модернизационных моделей. Следуя Р. Дарендорфу, они признают, что путь к желанной модели открытого гражданского общества начинается с процесса преобразований, который может занять достаточно долгое время. К этому можно добавить, что продолжительный процесс одновременно может привести к различным моделям общественного устройства, у которых сходства, возможно, будет не меньше, чем различий.

Наконец, сегодня наиболее перспективными представляются локальные модернизационные модели, основывающиеся на учете национальной идентичности, культурно-исторических особенностей страны. Между тем критический взгляд на модернизационную теорию и в особенности на уже реализуемые практики наталкивает на мысль о "саморазрушающем характере модернизации" [7, с. 48–53].

Чешский социолог Я. Келлер задается вопросом: не разрушает ли модернизация прежде всего социальную сферу? Каким бы исторически неизбежным и закономерным процесс модернизации ни был, он раскачивает, разрушает привычный мир социальной организации и увеличивает число маргинальных слоев и "аутсайдеров" [7, с. 52, 53]. Первоначально политическое назначение теории модернизации заключалось в стремлении путем сочетания демократизации и маркетизации достичь определенного социального согласия, примирения. Вершиной подобной трансформации должно было стать создание архитектуры "социального государства" [7, с. 50]. Однако прежде следует найти способы, которые позволят вдогонку экономичес-

кой, институциональной, технологической модернизации вывести социальные отношения из состояния домодернизационного отставания.

Весь ход трансформационных процессов за истекшие годы в Армении приводит к выводу о том, что мы приближаемся к типу **"авторитарной демократии".** Востребованность власти "сильной руки" в обществе, особенно у некоторой его части, еще долго будет ощущаться. Беднейшая часть населения свое тяжелое положение во многом объясняет идущими реформами и "списывает" на демократизацию. В их представлении демократия ассоциируется с отсутствием порядка и закона в стране, с ослаблением государственной власти, с усилением анархических тенденций и влияния различных криминальных групп и авторитетов.

Поскольку преодоление бедности и безработицы в стране — дело достаточно сложное и долгое, то соответственно и **отрицание демократических ценностей** частью общественного сознания **сохранится еще продолжительное время.**

В ближайшей перспективе (среднесрочной период) не стоит ожидать серьезных изменений в сложившейся социальной структуре армянского общества. Сегодня его отличает крайняя статусная дифференциация и расслоение по доходам. Институциональные изменения, приведшие к такой дифференциации, сохранят положение и в будущем. Сглаживание статусных и имущественных противоречий между двумя крайними полюсами социальной структуры потребует много усилий и времени. Сам процесс образования и развития среднего класса также носит длительный характер с учетом реальных условий развития армянской экономики.

Таким образом, можно предположить, что **социальная дифференциация в обществе сохранится еще долгое время** и преодоление ее потребует целенаправленных, программных усилий со стороны государства. Преодоление бедности и сокращение безработицы займет, как минимум, одно десятилетие и должно предшествовать сглаживанию социальной дифференциации и развитию среднего класса нашего общества, что невозможно без роста социальной и профессиональной мобильности населения. Последнее непосредственным образом связано с доступностью образования для всех слоев общества, с открытостью и конкурентным характером замещения государственных должностей, с преодолением клановости и коррупции. Этот "минимальный пакет" условий уже предполагает большую концентрацию усилий со стороны государства. Обеспечить их — нелегкая задача для выполнения.

Следующий аспект трансформационных процессов непосредственно связан с проблемами миграции. Очевидно, что пик крупномасштабной миграции в Армении миновал. Основные **миграционные процессы испытывают тенденцию к стабилизации.** В последние несколько лет вырисовывается обратный процесс — **репатриация армян.** Однако во многих случаях он будет носить характер вынужденного возврата или даже депортации (из европейских стран, в частности). В основном — это нелегальные трудовые мигранты, которые возвращаются обратно в связи с ужесточением миграционного режима в странах их пребывания. Можно предположить, что в ближайшие десять лет процесс возвращения армян, нелегально проживающих за рубежом, будет продолжаться и даже несколько усилится. Он еще более обострит и без того напряженную ситуацию на рынке труда.

Возвращение армян увеличит конкурентность среди огромного числа ищущих работу и может привести к обострению социальной напряженности. Увеличение "протестных" слоев населения грозит ростом дестабилизирующих тенденций внутри страны. В таких условиях власти вынуждены будут либо пойти на поводу у популистских сил, либо прибегнуть к некоторому ужесточению режима.

В потоке репатриантов будет немало и таких, кто успешно потратил свое время за границей и накопил определенный капитал. Возврат этой части армян будет сопровождаться притоком капитала и открытием нового бизнеса, а следовательно, новых рабочих мест. Таким образом, влияние эмиграционных и иммиграционных процессов на экономическую и социальную ситуацию будет неоднозначным. Будут наблюдаться как позитивные, так и негативные сдвиги, конкретное сочетание которых в различные периоды будет иметь ту или иную результирующую.

Существенное значение в обозримом будущем будет иметь **проблема полной интеграции в армянском обществе беженцев,** а также решение социально-экономических проблем внутренних переселенцев, жителей зоны землетрясения и приграничных с Азербайджаном районов. Не-

подъемный груз обозначенных проблем какое-то время был вытеснен на периферию актуальных государственных забот. Однако с каждым новым днем становится все более очевидным невозможность и возрастающий риск дальнейшей "отсрочки" их решения.

Экстремальный характер и масштабность стоящих перед новым армянским государством задач требует внедрения **мобилизационной модели развития** и **консолидации всех сил общества.** Между тем консолидационный потенциал армянского общества значительно ослабел после периода высокого накала страстей вокруг независимости Карабаха. Социальные и политические процессы, последовавшие за прекращением военных действий, привели к определенному снижению уровня консолидированности армянского общества и развитию в нем дивергентных тенденций.

Президентские выборы 2003 г. хорошо продемонстрировали уровень политического и морально-психологического расслоения в армянском общественном сознании. Расслоение и дивергентность в обществе развиваются пока по нарастающей. Нет никакой гарантии, что политические практики социального соперничества в ближайшем будущем перейдут в статус социального сотрудничества. Скорее всего, новая консолидация армянского общества может возникнуть либо на почве актуализации общей внешней угрозы, либо на основе прихода к власти новой политической элиты, способной сплотить вокруг себя широкие слои разнородного армянского общества.

Приход новой политической элиты не может произойти раньше следующих выборов в высшие органы государственной власти, намеченных на 2008 г. Если, конечно, не произойдет непредвиденных политических или иных катаклизмов в стране. Ожидаемая смена властвующей элиты, однако, не является чем-то само собой разумеющимся. Вполне возможно, что еще более окрепшая к тому времени власть осуществит процедуру "плавной передачи" управления в надежные руки из своего близкого окружения через демократические выборы. Поэтому очень важна активная роль политической оппозиции и институтов гражданского общества. Предстоящее десятилетие в Армении в этом плане будет разворачиваться в возрастающем **противостоянии между силами, имитирующими западные модели демократии, и силами, реально заинтересованными в оздоровлении страны.** Динамика и исход этого противостояния зависят

от множества привходящих факторов и прежде всего от "зрелости" и развитости гражданского общества.

Собственно все те изменения, которые могли дать экономические, политические и институциональные нововведения, в значительном своем объеме были реализованы. Идеологическая сфера также претерпела серьезные изменения. Однако ожидаемые результаты от модернизации общество не получило. Дальнейшее углубление и развитие модернизационного процесса не может привести к громадным изменениям. Армения еще немало лет будет испытывать все те трудности, которые сегодня стоят перед страной. Частично они унаследованы от социалистического прошлого, а частично явились следствием поспешно начатой модернизации.

Самый большой вопрос, встающий перед теоретиками в ближайшей перспективе, — это **судьба и направление модернизационных процессов в Армении в условиях глобализации.** Несмотря на все "за" и "против" глобализации, как и в случае с модернизацией, ее следует воспринимать как историческую неизбежность. Хотим мы этого или нет, но глобализация все более становится реальностью уже в наши дни. С учетом этого следует разработать национальную модернизационную модель для Армении. В процессе глобализации происходит своеобразный переход от мира организаций к сетевой системе. Последняя предполагает "непривязанность" к конкретной стране, государству. Она развивает надгосударственные, транснациональные сетевые структуры с огромным капиталом, во много раз превосходящим национальные бюджеты целых государств. Национальная модель модернизации в Армении должна строится с учетом этой особенности глобализации. И здесь историческое прошлое армянского этноса подсказывает пути для его будущего. Именно в условиях глобализации армянская диаспора начинает выполнять особую историческую миссию. Историческая судьба армян распорядилась таким образом, что нация уже давно существует в некой сетевой структуре, далеко выходящей за пределы армянского государства. Реальное пространство армянской диаспоры как нельзя лучше подготовлено для виртуальной, коммуникативной сетевой организации.

Таким образом, предлагаемая методологическая концепция заключается **в стратегии адаптации к глобализационным процессам, путем активизации сетевого потен-**

циала армянской диаспоры. Век глобализации может стать для армян периодом продуктивного интегрирования в новый миропорядок.

Литература

1. *Моисеева Н.А., Сороковикова В.И.* Менталитет и национальный характер // Социологические исследования. 2003. №2.

2. Material for Baltic Models of Transformation. National Reports / Eds. Blom R., Melin H., Nikula J. University of Tampere, 1996.

3. *Федотова В.Г.* Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. №12.

4. *Eisenstadt S.* The Contemporary Scene — Multiple Modernities — The Annals of the International Institute of Sociology / Ed. Scheuch E., Sciulli D., Leiden: BRILL. 2000. V. 7.

5. Армения 2020. Стратегия развития и безопасности. Ереван. 2002 (на арм. яз.).

6. *Махонин П., Кухарж П., Мюллер К. и др.* Трансформация и модернизация чешского общества // Социологические исследования. 2003. №2.

7. *Келлер Я.* Модернизация — гуманизация общества или коррозия бытия? Критические заметки о теории модернизации // Социологические исследования. 2002. №7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на разработках современной теории модернизации, а также концепции постсоциалистических обществ, мы предложили свою концепцию модернизации нового армянского государства, образовавшегося после распада Советского Союза. Наш теоретический анализ базировался на многолетних эмпирических социологических исследованиях развития модернизационных процессов в постсоветской Армении.

Опыт исторического перехода от социалистической (коммунистической) системы к современной либерально-демократической сам по себе уникален. Ни одна из западных стран в своей истории развития демократии подобной стадии не проходила. Между тем все модернизационные модели и сама теория модеризации возникли и развивались именно на Западе. Учитывая это, попытка теоретического, социально-философского и социологического анализа модернизационных процессов в постсоветских странах уже представляет собой интерес и значительно расширяет и обогощает современную теорию модернизации.

Концептуально новым является теоретический анализ модернизационных процессов в постсоциалистических странах в условиях глобализации. Важнейшим теоретико-методологическим и социально-философским результатом нашего исследования является вывод о том, что практика применения западных модернизационных моделей к постсоветским обществам приводит к частичной деструкции социума и архаизации социальных отношений в ряде секторов общественной жизни.

Модернизационный "пакет", применяемый по отношению к индустриально развитым социалистическим общественным системам, прежде всего приводит к "откату назад" от уже достигнутых социальных завоеваний. Практика отклонений от классической модернизационной модели в современной литературе теперь уже принимается как вполне закономерная стадия развития.

Первоначально упрощенные представления о модернизации как линейном прогрессивном развитии себя не оправдали. Причем не оправдали не только на примере стран бывшего социалистического лагеря, но на примере ряда латиноамериканских стран, где процессы модернизации начались задолго до распада Советского Союза.

Важным теоретическим выводом социально-философского анализа модернизационных процессов нашей действительности является **концепция "социального отката"**, которая объясняет многие сложные явления, происходящие в постсоветских обществах. Прежде всего это касается таких распространенных в постсоветском пространстве явлений, как **деиндустриализация** и **архаизации** некоторых сфер экономики (в Армении, в частности, аграрного сектора), **социальная поляризация** и **качественное ухудшение социальной структуры, обнищание населения, возросшая миграция** и **увеличение социально-маргинальных слоев в обществе.**

Два главных направления модернизации — демократизация и маркетизация, первоначально приводят к резкой либерализации общественных отношений и плюрализации политической жизни, что позитивно преобразует "застойный" характер отношений, сложившийся в социалистическом обществе, и оздоровляет социум в целом. Общественное сознание в постсоветских странах, как показывает опыт, в своем большинстве приветствует начинающиеся в обществе либерально-демократические реформы. Этот огромный либерализационный позитив, который несут в себе модернизационные реформы, первоначально находит поддержку и понимание в обществе. Однако за либерализационным этапом модернизации следует второй ее этап, более длительный, адаптационный, на протяжении которого выступают разнообразные социальные деструкции и модернизационный "откат".

Анализ процессов, имевших место в течении второго этапа, позволяет сделать заключение об их слабой управляемости, а порой и неуправляемости. Инициированные "сверху" реформы, объявленные первоначально как перестройка общественной системы, а затем уже как переходный этап на пути к коренной модернизации социалистических общественных отношений, в своем развитии вылились в слабо регулируемый процесс.

Концептуальный вывод нашего теоретического и социологического анализа заключается в том, что модернизационный процесс в Армении носит характер не реформ в рамках регулируемого переходного этапа, а скорее, **трансформации** общественной системы. В отличие от управляемых реформ и регулируемого перехода, трансформация представляет собой такое изменение социума, которое первоначально задано изменением определенных базисных принципов, однако дальнейшее ее течение выходит из-под контроля и носит стихийно-неуправляемый характер.

Подобные явления свойственны не только социальной, но и экономической сфере: "обвальные" процессы падения курса национальных валют, девальвация, дефляция, гиперинфляция или "дефолт". Коренные изменения, затрагивающие базовые принципы социальных систем, иногда приводят к целой серии следующих друг за другом изменений, которые лучше всего описываются понятием "трансформация".

Армянское общество в этом смысле является именно трансформирующимся. Глубинные изменения, которые сегодня происходят в армянском обществе не были задуманы или спроектированы в начале 90-х годов "архитекторами" армянской модернизации. Никто из действующих политиков не возьмется утверждать, что все те изменения, которые мы сегодня имеем, были ими просчитаны и заранее известны. Очень многое из всех этих изменений явилось неожиданным и даже нежелательным следствием произведенных реформ. Механизм модернизации был запущен более десяти лет назад и тогда еще никто из его инициаторов не представлял себе четко, к каким последствиям он приведет.

Реформирование без просчитываемых последствий является не чем иным, как трансформационным процессом со всеми возможными отклонениями, неожиданными поворотами и "понятным движением". Армянской модернизации тоже не удалось избежать судьбы, постигшей многие модернизирующиеся "вдогонку" страны. Догоняющая модернизация, как теперь уже признается многими теоретиками, далеко не всегда приводит к желательным результатам, а нередко становится причиной социальных деструкций.

Прежде всего и основательнее всего была реформирована экономика постсоветской Армении. Главный курс, взятый армянскими реформаторами в этой сфере, — разгосударствление собственности, внедрение рыночных отношений, либерализация цен, реструктурирование отраслей экономики, развитие банковской системы, создание фондовой биржи и рынка ценных бумаг, ваучерная приватизация и многое другое. В результате такой модернизации экономики предполагалось совершить переход от командно-адми-

нистративной, социалистической, распределительной экономической системы к открытой рыночной, конкурентной, капиталистической экономике. Приватизация земли в сельском хозяйстве, а также ваучерная приватизация госсобственности и объектов промышленности, наряду с институционализацией экономических реформ, введением частной и других форм собственности, привели к масштабным изменениям. В Армении уже к середине 90-х годов сложилась **многоукладная экономика** с одновременным сосуществованием различных форм собственности. На основе анализа реформ в армянской экономике мы приходим к выводу, что она является **экономикой смешанного типа**, характерной для стран с переходной экономикой.

С другой стороны, разгосударствление и приватизация собственности в сельском хозяйстве привели к установлению натурального производства на селе, к **архаизации экономического уклада**, а в промышленности — к явлению **деиндустриализации страны**. Армения из индустриальной в советское время страны превратилась в экономически отсталую, деиндустриализованную страну с резко возросшей долей аграрного сектора в структуре ВНП. Рыночная экономика не получила полноценного развития из-за слабого экономического участия населения, неразвитости сферы среднего и малого бизнеса, высокой монополизации основных сфер экономики. Мы приходим к выводу, что в Армении в результате осуществленных рефом сложилась преимущественно **неконкурентная рыночная экономика.**

Ваучерная приватизация за несколько лет привела к образованию узкой социальной группы богатых и сверхбогатых, с одной стороны, и к массовому обнищанию населения, с другой. **Экономически активный средний класс пока еще не состоялся.** Разгосударствление и приватизация государственной собственности на деле реализовались в виде перераспределения или нового передела всей собственности, приведшей к резкой экономической дифференциации общества.

Широкий слой мелких и средних собственников в результате такой реформы не образовался, но зато образовался узкий слой сверхбогачей, сконцентрировавших в своих руках львиную долю всей собственности. Из-за резкой диспропорции и экономической дифференциации любой рост ВНП и дальнейшее экономическое развитие приводят к неравновесному распределению доходов, а следовательно, к увеличению существующего экономического неравенства. Фактически в Армении сложилась **неравновесная экономика на основе развития преимущественно неконкурентного, ростовщического, торгового, компрадорского капитала.** Характер капитализации и природа экономических взаимоотношений между хозяйствующими субъектами сильно детерминированы клановым характером отношений и высокой степенью сращивания крупного частного капитала с государственной бюрократией.

На основе нашего анализа мы приходим также к выводу о том, что экономические реформы были спущены "сверху" и не коснулись широких слоев населения. Причина слабого участия населения, на наш взгляд, заключалась не столько в экономической неактивности армянского населения, сколько в нежелании слоя госчиновников подпускать широкие массы к дележу госсобственности и дальнейшему развитию частного сектора. Хотя государство и предприняло все необходимое (в том числе и законодательные реформы) для либерализации экономики, "ухода" от командно-административной модели управления, тем не менее, слой госчиновников (в основном состоящий из бывших советских аппаратчиков) сделал все возможное, чтобы удержать под своим контролем весь процесс перераспределения собственности. Уровень коррупции в стране неизменно возрастал с ростом международных инвестиций, кредитов и общей экономической активности.

Итак, сегодня мы имеем то, к чему привели модернизационные реформы, — деиндустриализацию страны, неравновесную экономику, смешанный характер собственности, квазирыночные отношения с огромной долей неконкурентных, монопольных сегментов, сращивание крупного капитала с госаппаратом, коррупцию, ростовщический капитализм периода первичного накопления капитала, резкую экономическую дифференцию населения, слабый и неразвитый слой среднего и мелкого бизнеса, отток экономически активного населения, а также экспорт накопленного капитала.

Тем не менее, несмотря на трудности и ошибки, реформирование экономики имело также существенные позитивные результаты. Прежде всего — раскрепощение экономического потенциала общества и либерализация экономических отношений. В стране появилось огромное коли-

чество частных фирм, акционерных обществ и негосударственных совместных предприятий с привлечением солидного зарубежного капитала. Была создана современная развитая банковская система, формируется рынок ценных бумаг. Новая национальная валюта на протяжении последних лет демонстрирует надежную стабильность. Идет постепенный рост макроэкономических показателей развития. Армения, можно сказать, миновала самую низшую точку экономического и энергетического кризиса и начиная с 2001 г. наметились очевидные тенденции роста и развития.

Сильное развитие получили сфера обслуживания и торговля. Впервые за несколько десятков лет в Армении полностью **преодолен хронический дефецит товаров.** Сегодня на армянском рынке можно зафиксировать беспрецедентное разнообразие товаров. Производство местной пищевой и легкой промышленности стало конкурентоспособным и сильно потеснило на местном рынке импортную продукцию. В сфере обслуживания, и в частности в общественном питании, появилось огромное множество больших и малых новых объектов. Резко расширился ассортимент предлагаемых услуг, а также уровень организации и сервиса. В сфере производства внедряются новые высокие технологии и информационные технологии. Армения делает огромные усилия для того, чтобы войти в международную интеграцию и кооперацию. Сегодня экономика Армении выглядит наиболее динамичной среди остальных стран СНГ.

Развитию институтов демократии в Армении прежде всего мешает экономическая отсталость и бедность населения, **политическое отчуждение** и **кризис доверия по отношению к политической власти.** Гражданское общество находится в зачаточном состоянии, а слабость демократических институтов сталкивается с возрастающим авторитаризмом властей. Сегодня в Армении установилась полипартийная система, пришедшая на смену многолетней однопартийности. Среди 114 политических партий можно выделить лишь несколько, имеющих опыт партийного строительства и управления государством. Остальные партии, как правило, крайне малочисленны, создаются вокруг личности лидера партии и не имеют серьезной социальной базы под собой. Деятельность подавляющего большинства политических партий остается незаметной для общественности и не отражается на политической жизни страны. Парламентские партии имеют возможность влиять на политику государства, однако они активируют свою деятельность лишь в период выборов.

Подавляющее большинство населения на протяжении десяти лет не питает симпатий ни к одной политической партии. По данным социологических опросов, менее 5% взрослого населения страны относит себя к членам какой-либо партии. Демократический институт политических партий в Армении находится в стадии своего становления.

В ближайшем будущем мы прогнозируем объединение многих армянских партий в несколько крупных течений и консолидацию их вокруг трех главных идеологических направлений: **социально-демократического, либерально-демократического** и **национал-социалистического.** Проведенный нами анализ армянских политических партий и общей политической палитры в стране свидетельствует о том, что именно эти три идеологических направления особенно характерны для большинства действующих в стране политических партий и настроений в обществе.

Многолетний социологический мониторинг электорального поведения и участия граждан в политических процессах, приводит нас к заключению о том, что в Армении партиципаторная демократия еще не стала реальной повседневной практикой масс. Само понятие "демократии" прежде всего ассоциируется с приобретенными гражданскими свободами: свободой слова, печати, совести, вероисповеданий, передвижений, собраний и ассоциаций. Между тем в странах развитой демократии последняя в общественном сознании ассоциируется прежде всего с участием граждан страны в процессах принятия решений, т.е. в управлении страной.

Институт партиципаторной демократии в Армении должен еще найти свои особые, этнокультурные формы реализации. Главной характеристикой политического общественного сознания всех последних лет было политическое отчуждение. Народные массы находились в стороне от политических процессов, протекающих в стране. Об этом же свидетельствовала статистика участия населения в различных выборах в 1991–1998 гг. Электоральная активность за эти годы постепенно снижалась. Разительное повышение степени участия населения в президентских выборах 2003 г. объясняется **активизацией протестного электората.** Таким образом, социальное и политическое отчуждение сохраняется, водораздел между властью и обществом, атмосфера

недоверия продолжают оставаться реалиями современного политического процесса в Армении.

Режим свободы печати породил огромное множество частных армянских газет, теле- и радиокомпаний, информационных агентств. Тем самым были заложены институциональные и законодательные основания для развития независимых массмедиа в Армении. Однако слабость их экономической базы создает серьезную зависимость от финансирующих центров и спонсоров. В качестве таковых, как правило, выступают политические партии, торгово-промышленные финансовые группы, власть и приближенная к власти олигархия.

Становление демократического института "четвертой власти" в Армении застряло на полпути. Практически все средства массовой информаци в стране можно разделить на две большие группы: проправительственные и оппозиционные. Наряду с ними, конечно, имеются немногочисленные издания, которые просто пытаются держаться в стороне от всякой политики.

Таким образом, политическая и экономическая независимость печати и других средств массовой информации остается проблематичной. Исследования показывают, что основным источником информации для армянского населения сегодня является телевидение. Максимальные тиражи ежедневных изданий не превышают 5–10 тыс. экземпляров, и потому ни одно издание не может претендовать на серьезную роль в формировании общественного сознания.

Подробный социологический анализ развития третьего (гражданского) сектора в Армении убеждает в том, что гражданская активность находит современные формы реализации, присущие развитым демократическим обществам. Вместе с тем мы отчетливо выявили ту специфику неправительственных организаций Армении, которая резко отличает их от подобных организаций на Западе. Постсоветское движение неправительственных организаций мало общего имеет с тем, как зарождались и развивались подобные организации в странах западной демократии. Принцип добровольности участия граждан в деятельности неправительственного сектора является основополагающим на Западе. В постсоветских же обществах, в частности в Армении, основной мотивацией граждан для вовлечения в деятельность неправительственного сектора является поиск дополнительных финансовых средств и лишь затем добровольное участие в различных мероприятиях. Но несмотря на материальную заинтересованность, третий сектор сегодня представляет собой хорошее поле для развертывания гражданских инициатив и консолидации общественной активности.

Как показал наш анализ, главной особенностью развития третьего сектора, и в частности неправительственных организаций, является **синхронность процессов их становления, развития частного бизнеса и построения независимой государственности.** Иначе говоря, в случае Армении все три сектора развиваются одновременно. На Западе становление и развитие капиталистического государства, частной негосударственной экономики и гражданского сектора были разнесены во времени. В нашем случае все три сектора развиваются одновременно, в одном и том же историческом периоде трансформации общественной жизни. Этот опыт сам по себе уникален.

Главным результатом нашего исследования является вывод о том, что, как уже отмечалось, гражданское общество в Армении еще не состоялось. Характер и качество системы общественных отношений, существующих сегодня в армянском обществе, позволяют квалифицировать его как **"постсоветское общество".** Оно уже не советское (социалистическое), но далеко еще не гражданское.

Что касается социально-политической сферы и общественной динамики, то здесь произошли, пожалуй, необратимые изменения. Последняя декада минувшего века была ознаменована для Армении, как впрочем и для двух других стран Южного Кавказа, тремя крупными событиями исторического масштаба. Это — **депопуляция, моноэтнизация** и **маргинализация** общества.

Депопуляция носит черезвычайно серьезный характер, поскольку речь идет прежде всего о миграционном оттоке приблизительно одной трети населения страны. Это граждане Армении, которые в период с 1991 по 2001 г. выехали из страны в поисках работы и лучших условий жизни. Часть этого населения уехала на время, сохранив армянское гражданство. Другая часть уже приобрела новое гражданство в России, в Европе и США. Немалую долю составляют среди уехавших так называемые нелегальные мигранты, которые проживают в различных зарубежных странах без соответсвующего оформления в официальных органах власти.

Однако феномен депопуляции не ограничивается физическим оттоком населения. За годы модернизации страны вдвое сократился уровень рождаемости, а также уменьшилось число ежегодно заключаемых браков. Серьезным изменениям подверглась социально-демографическая структура общества. По нашим подсчетам, на 5–6% сократилась доля мужского населения в целом. А в некоторых возрастных группах (18–35 лет) доля мужского населения сократилась намного больше.

Вследствие депопуляции и миграции существенно уменьшилась доля населения в экономически активных возрастных группах. И как следствие, в обществе возросла доля социальных групп, нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства: пенсионеров, стариков, неработающих женщин, детей и инвалидов. Резко подскочил уровень безработицы и численность трудонеобеспеченных групп населения. До уровня 3% сократилась доля лиц некоренной национальности.

Процесс моноэтнизации в Армении принял крайние размеры в силу изначально высокой этнической гомогенности армянского общества. К власти пришла новая этноцентричная элита, а в обществе идет процесс возрастания национального самосознания. Идеей национального государства пронизаны официальная идеология и политика властей. Все тоньше становиться грань между идеей национального возрождения и идеологией национализма. В ближайшем будущем потребуется приложить специальные усилия для того, чтобы оградить государственную идеологию от проникновения националистических идей и настроений.

Резко возросла доля маргинальных слоев в армянском обществе. Землетрясение, война, блокада привели к увеличению доли неполных семей в обществе, семей без основного кормильца, матерей-одиночек. Возросла также доля лиц с ограниченной трудоспособностью и инвалидов различных категорий. Более 15% населения составляют беженцы и внутренние переселенцы. Но самую большую проблему в маргинализации общества составляют ранее не наблюдавшиеся, а сегодня многочисленные группы проституток, наркоманов, бомжей и несовершеннолетних правонарушителей. Анализируя дальнейшие социоструктурные изменения в трансформирующемся обществе, мы приходим к выводу о том, что **депопуляция, миграция, моноэтнизация и маргинализация общества принимают масштабы, угрожающие национальной безопасности армянского государства.**

Массовое обнищание населения стало причиной социального феномена **"новой бедности"**. Суть его в том, что многочисленные группы и целые социальные слои за короткий период реформ перешли из вполне обеспеченного состояния в категорию неимущего и бедного населения. Такие трансформации присущи только эпохам революционных преобразований общества, когда происходит ломка социально-классовой структуры, смена властвующей элиты и другие статусные изменения в обществе.

Феномен "новой бедности" отличается от традиционного понимания бедности, связаном с хронически низким уровнем дохода. Традиционное понятие бедного и неимущего населения сопровождается, как правило, низким уровнем образования, высокой смертностью, плохими условиями жизни, распространенностью различных заболеваний, преступности, наркомании и пр. Все эти сопутствующие и характеризующие традиционную бедность явления не присущи (или пока еще не присущи) армянской "новой бедности". Поэтому такое разграничение понятий необходимо для адекватного анализа и правильного понимания нового социального феномена в нашей постсоветской действительности.

Столь высокая имущественная и статусная дифференция, которая наблюдается сегодня в армянском обществе, на наш взгляд, являет собой совершенную социальную аномалию и носит временный характер. Однако для того, чтобы из социальной аномалии массовая бедность не превратилась в хроническое и необратимое состояние общества, необходимо предпринять экстраординарные меры. Государственная программа по преодолению бедности в Армении с этой точки зрения нам представляется не вполне удовлетворительной. Дело в том, что причины "новой бедности" коренятся не только в высоком уровне безработицы и низкой заработной плате населения.

В Армении из-за масштабной миграции произошли серьезные трансформации в социально-демографической структуре в сторону увеличения экономически неактивной доли населения. Вследствие этого возросла нагрузка на государство по социальному обеспечению нетрудоспособного, малообеспеченного населения, нуждающегося в социальной помощи. Предоставление серьезного социаль-

ного обеспечения нуждающемуся населению в таких масштабах под силу только экономически развитым странам Европы. Новое армянское государство еще многие годы не будет обладать достаточными средствами для создания такой системы социального обеспечения.

Мы предлагаем иной принцип преодоления бедности в нашей стране: ответственность за социальное обеспечение огромного малообеспеченного слоя населения следует **перераспределить между армянским государством и диаспорой.** Эта акция будет носить временный характер (10–15 лет) и позволит армянской экономике выйти из тяжелого кризиса и какое-то время развиваться на собственной базе благодаря существенному повышению платежеспособности и потребительского спроса основного населения. Для осуществления подобной масштабной программы в рамках сотрудничества Армения–диаспора необходимы политические решения.

Бедность в Армении сочетается с правовой незащищенностью населения. Анализ положения с защитой прав человека приводит нас к выводу о том, что из неправового (в советское время) **армянское общество трансформировалось в бесправное для большинства населения.** Уровень правовой защищенности гражданина сегодня находится в тесной корреляции с его имущественным и социальным статусами. Это свидетельствует о совершенно недостаточной развитости правозащитных институтов, присущих гражданскому обществу.

Новая независимая государственность, ориентированная на построение демократического общества, наполнила новым содержанием само понятие гражданства. Однако проведенный нами социологический анализ обнаружил поливариативный характер института гражданства в трансформирующемся армянском обществе. В реальной социальной практике одновременно с классическим гражданством функционируют переходные формы гражданства, такие как **"неполное гражданство", "псевдогражданство"** и **"пустое гражданство".** Они описывают реальное отношение к гражданству, бытующее среди различных слоев современного армянского общества. Пути преодоления подобных переходных форм гражданства кроются в развитии и укреплении реального гражданского общества в Армении.

Общественное сознание претерпело определенную аксиологическую эволюцию за годы модернизации. Новая система ценностей, пришедшая на смену прежней, отличается противоречивостью и плюрализмом. Первоначально в армянском общественном сознании, которое было подготовлено к смене ценностных ориентиров, произошел "конфликт ожиданий". Новые либерально-демократические порядки по истечении некоторого времени вызвали в обществе разочарование, которое было обусловлено неудачами и трудностями хода модернизации. Нереализация высоких ожиданий от реформ обусловила в общественном сознании развитие такого явления, как **девальвация новых демократических ценностей.** Прежняя социалистическая система ценностей не отвечала изменившимся реалиям жизни, а новая еще не успела утвердиться в силу трудностей модернизации.

В результате в общественном сознании получили распространение **ностальгические настроения** и произошла **моральная плюрализация.** В иерархии ценностей такие традиционные ценности, как родина, страна, государство, нация, оказались вытесненными на периферию общественного сознания. Произошла некоторая аксиологическая фокусировка, сужение ценностных представлений армян до уровня семьи и ближайшего окружения, в результате чего общество испытало атомизацию социального пространства. Переходное моральное сознание в условиях возрастающего нравственного релятивизма привело к некоторой девальвации таких общечеловеческих ценностей, как честность, справедливость, преданность, порядочность. Наряду с этим, в аксиологическом сознании современного армянского общества все большее место занимают такие ценности, как жизненный успех, удачная карьера, богатство, высокий социальный статус. Одновременно происходит возврат или легализация христианских ценностей, находившихся под запретом в советское время.

Политическое сознание, между тем, тяготеет к ностальгическому возрождению ценности сильной власти, "сильной руки". На деле это приводит к формированию **"авторитарной демократии".** Динамика аксиологического сознания носит противоречивый характер и находится в состоянии эволюции.

Уровень консолидации армянского общества достаточно низок. Сегодня можно выделить три базовые культурно-исторические и политические ценности, вокруг которых

общественное сознание проявляет высокий уровень консолидированности: проблема независимости Карабаха, восстановление исторической справедливости по отношению к геноциду, осознание первого христианского государства.

По многим другим, в том числе жизненно важным, вопросам **современное армянское общество является расколотым.** Оно не демонстрирует единства подходов к оценке своего недавнего прошлого, а также к современному состоянию и перспектив на будущее. Общество расколото и по отношению к феномену массовой миграции. Причем расколотое сознание выражается в практическом миграционном поведении людей, в оттоке почти трети населения страны. Теоретическая линия раздела в умах и сердцах людей и в общественном сознании пролегает между концепциями патриотизма и космополитизма. Обе концепции достаточно характерны для исторического армянского менталитета. Глубоко присущий армянскому менталитету индивидуализм в условиях трансформации социальных отношений принял характер **супериндивидуализма.**

Общественные разногласия в экономической сфере простираются на отношения к рыночной экономике, частной собственности и экономическим реформам в целом. Линия раздела в общественном сознании проходит между "рыночниками" и "государственниками". Первые утверждают примат рынка, вторые настаивают на государственном регулировании экономики. Различие взглядов и подходов распространяется и на оценку таких новых феноменов социальной жизни трансформирующегося общества, как "новые армяне" и "новые бедные". Причем порицание "новых армян" со стороны одной части общества основывается не на негативном отношении к богатству как токовому, а на осуждении "неправедных" путей их быстрого обогощения. Общественное сознание проявляет восприимчивость как к идеологии эгалитаризма, так и к новой идеологии либерализма. Ценность свободы входит в противоречие с ценностью социальной справедливости и благосостояния для всех.

Раздвоение общественного сознания наблюдается также в сфере геополитических ориентаций населения. В то время как большая часть населения проявляет традиционное тяготение к северному соседу — России, меньшая его часть испытывает симпатии к Западу. Ориентация на стратегическое партнерство с Россией имеет глубокие исторические корни, основывается на культурном и религиозном родстве и тесном экономическом сотрудничестве. Ключевые проблемы национальной безопасности Армении полностью связываются с военно-политическим партнерством с Россией. Вместе с тем стремление интегрироваться в современную цивилизацию и модернизировать общество приводят к признанию ведущей роли западных государств и идеологии западничества. В геополитическом раздвоении социального сознания, возможно, сказывается также исторически маргинальное положение Армении между культурами Востока и Запада, между мусульманской Азией и христианской Европой, между экономически развитым Севером и отстающим Югом.

Однако расхождение мнений не приводит к социальным столкновениям внутри страны. Каждая сторона оставляет за собой право не соглашаться с противоположной точкой зрения без проявления признаков враждебности. Расколотое сознание армянского общества, тем не менее, не порождает агрессивного гражданского противостояния или конфликта. Противоречие сохраняется во взглядах различных социальных групп и проявляется также в выборе индивидуальных жизненных стратегий.

Еще одна "линия раздела" в общественном сознании затрагивает проблему будущности независимого армянского государства. В данном случае оппоненты делятся на сторонников **независимого развития армянского государства** и **сторонников вхождения Армении в состав большого союза,** например, Россия–Белоруссия.

Социологические исследования трансформирующегося общества выявили еще одно раздвоение общественного сознания, проявляющееся в **психологической модели национальной самоидентификации армян.** В различные периоды и по различному поводу армянское общественное сознание генерализуется по альтернативной дихотомической модели "мы" и "они". Причем, если в качестве "мы", как правило, выступает коренное население республики, то в качестве "они" в зависимости от актуального политического контекста могут фигурировать "армяне диаспоры", "беженцы", "карабахские армяне", "репатрианты-возвращенцы" и даже властвующая элита.

Вместе со сменой ценностных представлений происходит изменение в национальной самоидентификации армян. Облик жертвенности и проблема национального выжива-

ния долгое время были определяющими факторами армянского национального самосознания. В конце XX в. "катастрофическое сознание" получает большое распространение в армянском обществе в силу появления новых исторических вызовов и угроз нации — таких, как угроза землетрясения, войны, аварии атомной станции, гражданских столкновений, бедности, безработицы, миграции и т.п. Вместе с тем благодаря победам на карабахских фронтах армянам удалось преодолеть в какой-то степени исторический комплекс жертвенности. В национальном самосознании современного поколения армян возрождается исторический облик армянина-воина, смелого, бесстрашного и смекалистого.

Восстановление Арменией некогда утерянной независимой государственности также стимулировало развитие новой идентификационной модели. Признание исторического факта геноцида армян парламентами ряда государств помогло нарушить "заговор молчания" вокруг этой темы. В армянском национальном сознании сейчас активно преодолевается еще один психологический комплекс — **комплекс одиночества, связанный с тем, что жертвы геноцида армян преданы забвению.**

В армянском менталитете начинают проявляться новые (возможно, позабытые) качества. Современные армяне все больше начинают походить на предприимчивый, неунывающий народ, который твердо стремится к жизненному успеху и обладает большой энергией для этого. Постепенно растет осознание того, что где бы, в какой бы стране мира армянину ни удалось достичь определенного успеха, лучше найти применение для своего ума, таланта, рук и способностей на родине — это идет на общую пользу и на признание и рост авторитета всей нации. Жизненный успех и международное признание каждого отдельного армянина работают на общий успех и признание армянской нации в мире.

В новом нарастающем сознании армян армянство превращается в некое сообщество, далеко простирающееся за рамки государственной границы. Подобная внетерриториальная, надгосударственная, открыто декларируемая приверженность национальным идеалам становится отличительной чертой складывающейся новой армянской идентичности в XXI в.

Важно подчеркнуть, что новая национальная идентичность армян складывается в историческую эпоху глобализации и несет в себе черты глобализации. В этих условиях судьбоносное значение приобретает установление отношений социального партнерства, социального сотрудничества как внутри самой нации, так и между различными ее частями, разбросанными по всему свету.

Изучение трансформационной динамики приводит к выводу о том, что начатый в стране процесс реформирования вышел из-под контроля властей и во многом уже развивается в соответствии с логикой событий. Армянские реформаторы, к сожалению, не учли одно очень важное обстоятельство, а именно то, что проводником и движущей силой всякой общественной реформации выступают определенные социальные слои, группы, индивидуумы. Встает закономерный вопрос, кто именно, какие социальные группы армянского общества должны были поддержать и претворить в жизнь экономические и политические институциональные реформы?

Архитекторы армянской модернизации упустили из внимания, пожалуй, самый существенный фактор — выявление и формирование того социального класса (или классов), социального ресурса, при непосредственном заинтересованном участии которого эти реформы будут претворяться в жизнь и закрепляться в жизни.

Фактически социальный ресурс модернизации был почти полностью сброшен со счетов. Более того, модернизационный ресурс не только был недостаточно задействован, но власти даже допустили его значительное ослабление посредством беспрепятственной миграции экономически активного населения за пределы республики. Власти не смогли в достаточной степени мобилизовать социальный ресурс модернизации, общество потеряло управляемость и трансформационный процесс вышел из под контроля.

Помимо внутренних, сдерживающих факторов, трансформационная динамика ограничивается также рядом внешних факторов, таких как общая геополитическая ситуация в регионе, блокада дорог и коммуникаций, нерешенность карабахской проблемы и др.

Таким образом, трансформационная динамика в начальный период реформ испытывала (и испытывает) серьезную "внутреннюю" нехватку в социальном ресурсе, а на последующих этапах будет ограничиваться уже "внешними", геополитическими, региональными факторами. Мо-

дернизация, или трансформация, армянского общества не будет полностью завершена, пока не будут преодолены внешние неблагоприятные условия. Она может застрять на промежуточной фазе "полумодернизации", или "недомодернизации", что будет зависеть от сочетания и взаимодействия внутренних и внешних ограничителей модернизационного процесса.

Армянское общество в данном случае проявило негативную солидарность по отношению к реформам — ни "низы", ни "верхи" на деле их не поддержали. Совершенно очевидно, что огромная часть армянского общества не воспринимала и не поддержала реформы переходного периода. Транзитивная модель армянской модернизации не получила достаточно широкой социальной поддержки и не смогла мобилизовать необходимый социальный ресурс.

Несоизмеримость и разноускоренность реформ в трех базовых сферах общественного устройства также послужили причиной их неуспеха. Получается замкнутый круг: модернизация не удалась из-за неразвитости гражданского общества, а гражданское общество, в свою очередь, не состоялось, потому что реформы пробуксовывают и зашли в тупик. К тому же, Армения, обладающая солидным научным потенциалом, практически не задействовала его для научного обеспечения проводимых реформ.

Чрезмерное доверие к западным рецептам и недоверие к своим научным кадрам обусловили почти полное отлучение армянской науки от процессов модернизации общества. Между тем совершенно очевидно, что успех модернизации, ее дальнейшая судьба будут зависеть от способности армянского общества разработать и внедрить свою национальную модель модернизации. Самый главный вывод, к которому приводит наш анализ, это **необходимость разработки собственной национальной модели модернизации,** отличающейся от классической теоретической модели. На основе многостороннего анализа современного состояния армянского общества, основных последствий и перспективных направлений его трансформации мы попытались дать главные принципы построения национальной модели модернизации.

Застрявшая на фазе квазидемократии и квазирынка модернизационная модель Армении нуждается в "национализации". Благоразумнее и эффективнее было бы разработать и обеспечить развитие демократии на собственной культурной основе или, по крайней мере, без отрицания собственных базовых культурных ценностей на основе традиций национальной экономики и экономического сознания.

В ближайшее десятилетие в Армении будет возрастать противостояние между силами, имитирующими западные модели демократии, и силами, реально заинтересованными в оздоровлении и модернизации страны. Главный вопрос — это судьба дальнейшей модернизации Армении в условиях нарастающей глобализации. И здесь историческое прошлое армянского народа подсказывает пути для его будущего. Историческая судьба армян сложилась таким образом, что нация уже давно существует в некотором подобии сетевой структуры, распространяющейся за пределы армянского государства и охватывающей многие страны Запада и Востока. Суть предлагаемой нами модернизационной концепции заключается в стратегии адаптации к глобализационным процессам путем активизации сетевого потенциала армянской диаспоры.

Именно в условиях надвигающейся глобализации армянская нация и диаспора начинают выполнять особую историческую миссию. Реальное пространство армянской диаспоры как нельзя лучше подготовлено для виртуальной, коммуникативной сетевой организации. Век глобализации может стать для армян периодом продуктивного интегрирования в новый миропорядок.

Научное издание

Геворк Арамович Погосян

СОВРЕМЕННОЕ АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Издательство «Academia»
при участи редакции журнала
«Вестник Российской академии наук»
119991, Москва, Мароновский пер., 26
Тел. 238-21-44, 238-21-23, факс 238-25-10, 502-08-90
Эл. почта: academia@lubertsi.ru

Главный редактор издательства
В.А. Попов

Редактор
Т.В. Маврина

Арт-директор
Е.Ю. Салтыкова

Художник
А.В. Кубанов

Верстка
И.Н. Дубина

Технический редактор
Н.Н.Ковылова

Корректор
Н.И. Карпенко

Редактор-организатор
Н.В. Капустина

Подписано в печать 18.04.2005. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Kudriashov».
Физ. п. л. 10,12. Уч.-изд. л. 18,95. Тираж 1000 экз. Заказ № 5645.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат
ВИНИТИ»
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский проспект, 403
Тел. 554-21-86